

26. 39/2Рос-41(ам)
184

Последний ЛУЖИ 4 декабрь 2003 3

В выпуске:

«Для того чтобы лучшим образом ориентироваться и узнать, у кого мы могли бы приобрести такие литературные материалы в Ленинграде, я поручил очень хорошо мне известному Ивану Спиридоновичу Абрамову, которого я знаю почти 30 лет, он учитель Вашей ленинградской низшей школы, в часы досуга заниматься разысканием этих материалов, их обозрением и пересылкой нам сюда в Москву».

Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем

архивная
пыль

Калганов не был в школе скульптурного искусства, как он не был и в школе живописи, но природные силы таланта были так велики, что он вылепил из глины бюст своего знакомого тюменца, покойного Высоцкого, так жизненно и правдиво, что никто не хотел верить, чтобы человек, будучи только самоучкою, мог это сделать.

Н. Чукмалдин. Письма из Москвы

кусок
старой
газеты

Мужу моему пришла идея возникновения музея в городе Тобольске, и упомянутые предметы им были приобретены, хотя не на большие, но на собственные свои средства, и даже часть предметов была привезена покойным моим мужем...

Н. Коньков.

Иван Николаевич Юшков

книга
в журнале

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

107 108

26.89 (2 тыс - 4 т. юм)
184

Последний ЛУКИЧ 3

декабрь
2003

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 3 раза в год

№3 (27)

Учредитель

Ю. Мандрика

Издатель

ООО «Издательство
Юрия Мандрики»

Главный редактор

Ю. Мандрика

Адрес редакции

(для переписки):

625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

e-mail: mandrika@tmn.ru

Сдано в набор 15.02.2002.
Подписано в печать 15.12.2003.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «TimesET».
Офсетная печать.
Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. 14,88 + ил. 047.
Тираж 200. Заказ № 3092

65602/1

Корректор Н. Тиунова
Операторы ПЭВМ: Д. Никифоров,
Ю. Никифорова и Н. Нохрина

Муниципальное учреждение
культуры
Централизованная библиотечная
система г.Тюмени
Ул. Луначарского,

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА

- Ю. Мандрика.* Пять лет жизни города
в газетных подшивках (*Окончание*) 3

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ

- С. Кубочкин.* От купели до погоста:
Обзор метрических книг тюменских церквей 15

ВИРТУАЛКА

- Е. Швецова.* Тайна шкатулки 31

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

- Ю. Мандрика.* Н.М. Чукмалдин в
«Ирбитском ярмарочном листке» 35

КУСОК СТАРОЙ ГАЗЕТЫ

- Н. Чукмалдин.* Письма из Москвы 49

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

- Книги, вышедшие в издательстве Юрия Мандрики в 2003 г. 71
Содержание журнала «Лукич» за 2003 г. 252

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

- Н. Коньков.* Иван Николаевич Юшков:
Приложение (*Окончание*) 75

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- А. Аржиловский.* Записки незаметного человека 102

АРХИВНАЯ ПЫЛЬ

- Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем 145

ПОРТРЕТ ЗЛОДЕЯ

- Ю. Мандрика.* Из жизни коллекционеров:
Метрополия против колонии 207

ЕВРЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ

- С. Белов.* Сюжет первый: Альтшуллеры... 213

ОБЗЫВАЛКА

- Ю. Мандрика.* Последний «Лукич» как «Последний герой» ... 229

СООБЩЕНИЯ

- Н. Коньков.* Тобольские священники на ратном поле 237
Ю. Зотин. Правда или вымысел? 241
Н. Коньков. «...Сделал много полезного» 244

TRIVIA

- Эхо «Окрика...» 247
Я и великие: Из серии «Почти анекдот»:
Злые духи, колобродящие в РГАЛИ 255

Пять лет жизни города в газетных подшивках*

Иногда и сам Алексей Максимович выступает с разоблачительными статьями в «Ермаке». Одной из таких публикаций стали «Тюменские герои». В ней пошла речь «о недавно скромном конторщике, а теперь ворочающем миллионами несменяемом гласном городской Думы г. Жернакове, пытающемся сдать Пермскому губернскому земству 3000 мешков негодного к употреблению овса, предназначенного для отсылки в действующую армию» (1915. №42–43 [25 янв.]. С. 2).

Газета пытается не терять остроту, рассказывая обо всем, что может вызвать отклик у читателя. Например, о том, как директор общественного банка Аверкиев работал с векселями, утверждая, что банк «работает только для торгового класса, а в мелких векселях нужды нет».

Иногда «местная жизнь» просто пересыхает, как родник.

* Окончание. Начало см.: Лукич. 2002. №2. С. 3–8; №3. С. 3–12; №4. С. 3–11; 2003. №2. С. 3–12.

** Фотокопию портрета предоставил редакции журнала краевед М.С. Яблочкин.

Алексей Максимович Афромеев.
Фото с издания «Заочные курсы
игры на гитаре». 1917 г.**

И тогда единственно имеющий право на свою фамилию в газете П. Рогозинский пишет правильные слова под названием «Вздорожание жизни», где идет речь о городской управе, о мерах, которые предприняты ею «для понижения прогрессирующих цен на продукты продовольствия, возросших в Тюмени за какие-нибудь четыре месяца на 20%».

Продана библиотека известного умершего пароходовладельца И.И. Игнатова. В Пуш-

кинскую библиотеку П.И. Никольскому заполучить ее не удалось. «Благодаря стачке торговцев маклаки подняли цену до 800 руб. Очевидно, желали получить отступного, и в результате приобрели неподходящий для них товар — книги».

Снова Афромеев пишет о г. Жернакове: «Кто виноват?» (№81–82. С. 2), «Жернаков оправдывается» (№91–92. С. 1): «Но мы не считаем себя вправе обвинять г. Жернакова в злом умысле и желаем ему с честью выйти из создавшегося положения». Судя по всему, гласному городской Думы это удавалось. Вместо актов о негодном к употреблению овсе появились совсем другие. И Афромеев должен был при этом себя чувствовать чуть ли не клеветником.

Умер Николай Лукич Скалозубов, бывший член 2-й и 3-й Государственной Думы.

В публикации «К вопросу о военнопленных» автор ее А. Захарченко находит отношение общества к противнику вполне нормальным и ставит это даже в заслугу обществу, «широко раскрывшему объятия к «безоружному», но не беззащитному врагу» (т.к. враг находится под защитой закона).

«Наша газета... выпускается в розничную продажу в 3–4 часа вечера с датой следующего дня» (1915. №98–99. С. 4). Неплохое признание. Особенно для тех, кто пытается рас-

суждать о «Ермаке», как о первой вечерней газете. Так выходили все районные газеты 60–90-х годов XX столетия. И ни у одной из них не было мании величия — считать себя вечерней газетой.

Афромеев о Тихове: «Бухнул в колокол, не справившись со святками». И уже через номер: «г. Тихов, дошедший до геркулесовых столбов невежества».

Для разнообразия новая дуэль: «Крылов в роли ходатая от еврейской фирмы». Редактор «СТГ» купил «претензию на издателя газеты «Ермак» за 30 рублей и начал дело в роли поверенного Белинкина». Афромеев поздравляет г. Крылова «с новой деятельностью». И вот это «интересное дело, интересное с точки зрения литературной этики» разбирается в камере мирового судьи. Афромеев «отказался согласиться на разбор дела из-за подачи иска не по месту жительства».

Снова свар: «ВЗС» рассказал, как в типографии «Ермака» расправляются с рабочими посредством оплеух. «Ермак» через госнаблюдающего за своевременными изданиями в г. Тюмени послал для напечатания опровержение».

Как видим, баталии местного значения ничуть не уступают тем, которые где-то там, в Европе. Но сдача Перемышля (№124–125. С. 4) для «Ермака» была в определенном

смысле вехой в собственной истории: интерес к этому важному событию может служить показателем небывалой активности читателя. Розничный тираж «Ермака» достиг 4000 экз. Вечерний выпуск пришлось отпечатать вторым изданием (12 марта).

Новое разбирательство в суде «по частному обвинению» А.М. Афромеева поверенным фирмы «Культура» г. Обатуровым. Речь идет об уплате денег за недостававшие книги. К тому же в обязательствах вместо слова «75» появилось дописанное «Сто». Афромеев оправдан: книги он не получал. Так что и платить ему не пришлось.

Судя по публикациям, наличие трех газет в городе позволяет развивать информационный сюжет тюменской жизни.

Буквально информационный шквал вокруг «ВЗС». Три номера подряд «Ермак» ликует заголовками: «Прекращение газеты», «ВЗС прекратился», «Газетные могильщики».

29 марта выпущен последний номер «Вестника». О причинах прекращения газеты г. Тихов не обмолвился ни единым словом, зато г. Брюханов более откровенен, извещая читателя, что, «освободившись от печатания газеты, типография имеет возможность все типографские заказы выполняет немедленно (орфография подлинника)». Резюме «Ермака» про-

стенское, как и у народа, которого он оглоблей крестил: «Так вот где была собака зарыта. Г. Брюханов «освободился от издания газеты» (№150. С. 2).

«Ермак» в своем гневном «Газетные могильщики» страшен: «ВЗС в первые два-три года подавал большие надежды. Местный опытный журналист П.А. Рогозинский давно уже лелеял мысль о создании в Тюмени большой прогрессивной газеты, главной задачей которой было бы выяснение и разработка нужд края. С самого начала издания газеты П.А. Рогозинский был фактическим ее редактором, ему удалось сгруппировать кружок молодых сил... подписка с каждым годом увеличивалась.

«Вестник», к сожалению, попал в руки таких издателей, для которых идейная сторона была чуждой... Дело дошло до того, что один из издателей потребовал от П.А., чтобы статьи его помещались без подписи автора, ибо участие его в газете не нравилось влиятельным людям... Пользуясь стесненным положением П.А. Рогозинского... полномочным хозяином являлся М.А. Брюханов, взвалив на П.А. колоссальный труд, платили ему буквально гроши...»

В 1914 г., когда «Вестник Западной Сибири» перешел в полную собственность М.А. Брюханова, для газеты наступили черные дни. «Почтенный издатель решил разделаться с направ-

лением газеты...» К.П. Самцов, сотрудник «ВЗС», послал его «с направлением к черту». Вслед за ним ушли гг. Тепикин, Альт, Гео и другие. В газете остались П.А. Рогозинский и А.А. Малолетков... «Когда издатель заговорил о бульварной газете, то и могокане поняли, что делать в ней нечего... И тогда пришел г. Тихов».

Чуть дальше: «И даже великая война не оживила умирающую газету, для которой издатель ее М.А. Брюханов давно уже сколотил гроб, а знаменитый отныне редактор И.А. Тихов вбил в гроб «Вестника» последний гвоздь» (№151–152. С. 1).

...Крылов в смехотворной заметке зазывал смотреть бо-соножку Павлову в электро-театр Шустера, афиши которого он печатает, и обругал клоуна Матвейчука, печатавшего афиши в типографии г. Брюханова.

«Число пленных в Тюмени доходит до 8222, в т.ч. 44 офицера; из них 1024 находятся в больнице и на работах в городе» (№185–186. С. 4).

Петр Рогозинский публикует заметку «Ключ» и «паренки» (№242–243 [23 мая]. С. 4), в которой рассказывает, что в Тюмени с давних пор в девятое воскресенье по св. Пасхе устраивается так называемое гулянье «на ключе». Происхождение этого гуляния объясняется тем, будто бы покорителю

Сибири Ермаку были поднесены ключи от г. Тюмени.

Обычай поднесения ключей победителю от города или крепости был неизвестен в Азии полукочевому народу. Он возник в феодальные времена.

В летописях градо-Тюменской Успенской церкви записано следующее сказание: в дальние времена «овраги, перерезывающие городские пастбища, поросли лесом; в одном из оврагов был родник чистой прозрачной воды. Многие из больных глазами, промывая этой водой глаза, вылечивались, это объяснялось чудной, целебной силою ключа. Излечившиеся в знак благодарности стали служить на ключе молебны, после которых обычно устраивались гулянья, приуроченные к девятому воскресенью после Пасхи. Скоро гулянья приобрели характер такого разгула, что слухи о свалившихся безобразиях достигли до проживавшего в Тюменском Троицком монастыре известного митрополита Сибирского Федора Лещинского (по схеме Филофей). Владыко сам пожелал убедиться в справедливости сказанного и лично отправился на ключ. Тот безобразный дикий разгул, который узрел Филофей, поверг его в ужас, и распаленный гневом владыка приказал служение молебнов прекратить, а самый ключ затоптать и зарыть во избежание соблазна.

Ключ исчез, молебны более не служатся, а гулянье «на ключе» сохранилось до наших дней»...

Будни города обычны до банальности. Составлен протокол на одну из жительниц, желавшую сблизиться с австрийцем.

На городской Думе рассматривается вопрос об укреплении берега в черте города Тюмени. По словам заступающего место головы Т.К. Огибенина, на это потребуется не менее 100000 руб., которых нет. Открыто отделение газеты «Ермак» в Камышлове. Заведовать им будет И.П. Васютович. Издатель «Ермака» г. Афромеев выехал в г. Москву торговаться за недвижимое имущество Текутьева, находящееся в Тюмени.

Сохранившиеся номера «Ермака» несут на себе печать времени...

В этот промежуток времени газету подписывает «За редактора П. Rogozинский».

Устройство городского водопровода, стипендия А. Матусевича.

На страницах газеты впервые появляется имя П. Городцова в качестве председателя Тюменского отдела союза для борьбы с детской смертностью в России с письмом-опровержением публикации в «СТГ».

Повысились цены на бумагу. С 1 июля фабрика сделала надбавку 31 коп. за пуд. «Ермаку» приходится нести затраты на 100 руб. в месяц больше.

Оставленный зонтик, разбивка Александровского сада, о телеграмме Г. Распутина редактору «СТГ» — все это значительные события для небольшого городишки. И даже публикация в «Местной жизни» заметки под названием «Мерзость запустения» не может спасти газету от информационного голода. От него газета тает на глазах. В некоторых номерах только телеграммы от штаба Верховного главнокомандующего.

Вспоминается «Сибирский торговый посредник», предшественник «Ермака», умевший писать хронику города. Вроде бы и издатель тот же, но исчез какой-то стержень. Может, им был Текутьев? Других событий вокруг бывшего головы не происходит, разве что имя его мелькает в названии театра. А это,

чувствуется, не придает «азарту» редактору газеты...

А в театре Текутьева идет «Гранатовый браслет» А. Куприна. Приезд епископа Тобольского и Сибирского Варнавы. В городе — сахарный голод: магазин наследников И.П. Колокольникова его не продает, если одновременно не будет куплен и чай. В повестке дня городской Думы — заготовка соли. Евреи из Омска скупили в лавках Тюмени весь запас подковных гвоздей.

Стоп! Событие! Текутьев сделал повышение цены на муку (№501—502). Газета угрожающе цитирует статьи уложения о наказаниях: «Зачинщики соглашения о повышении цены могут быть приговорены до 2 лет заключения в тюрьме».

Сзатюменского моста сброшена в овраг 17-летняя девушка: скончалась в больнице.

Тобольский губернатор Станкевич назначен самарским губернатором.

Все чаще появляются в «Ермаке» перепечатки из «СТГ».

17—18 ноября в Приказчиьем клубе ожидаются лекции известного поэта Бальмонта. Г. Текутьев повысил цену на муку. 18 ноября выпал снег. «СТГ» в одном из отчетов пишет о произнесенной П. Рогозинским багодарности губернатору Станкевичу за помощь «Ермаку».

А. Текутьев продал вальцовую мельницу в Тюмени г-же

Гусевой. Поэтому всем сотрудникам предъявил расчет.

Тюменский купец И.Е. Рыбин, он же гласный Тюменской городской Думы, за раннюю скупку продуктов на базаре приговорен к 25 руб. штрафа с заменой арестом на 5 суток. Передовая П. Рогозинского о беженцах в Сибири.

Жернаков вновь попался на поставках плохой муки военному ведомству.

«СТГ» перепечатывает информацию из «Ермака», не указывая источник. Подкинут ребенок в сиропитательное заведение. В городе очень тяжелое положение с хлебом. Гласный Огибенин видит единственный путь — принудительное отчуждение хлебных продуктов. Вначале у лиц, не являющихся производителями муки, а затем — мукомольных фирм.

Бальмонт, вернувшись в Петроград, жалуется, что в Тюмени коровы съели на афишных столбах все анонсы о приезде поэта: они были приклеены клейстером и представляли интерес для голодных животных. П. Рогозинский о воспрещенной выделке опьяняющих напитков «бражки», «вишневки» и «пива». Передовая озаглавлена «Великий грех».

В театре Текутьева пьеса Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины». «Постановка внимательная, костюмы очень хороши. Исполнение дружное».

Тобольский губернатор д.с.с. И.А. Ордовский-Танаевский делал визиты по городу.

Особое совещание по продовольственному делу, на котором присутствуют вице-губернатор Н.И. Гаврилов, уполномоченный Министерства земледелия П.Н. Будищев, городские головы Тюмени, Ишима, Кургана. Установлены цены на хлебодукты.

В театре Текутьева «Яма» А. Куприна. Тираж «СТГ» — 800—900 экз. в день (№599—600. 24 дек. С. 4).

Судя по последнему номеру 1915 г., вышло 607 «Ермаков». Надо заметить, что почти все они изданы в обычном объеме, но в выходных сведениях на каждом паровались по два номера.

1916 г. начался объявлением губернатором борьбы с дороговизной. П.И. Никольский заявляет, что «считает себя нравственно обязанным сложить с себя звание городского головы и решительно отказаться от этой должности» по той причине, что его мнение расходится по многим важным вопросам с большинством городской Думы.

Комиссия по продовольствию. Запрет на вывоз мяса. Еврей от имени завода Н.Д. Машарова сдал на почту 240 посылок с гвоздями.

Делегация от Красного Креста посещает места водворения австро-венгерских воен-

нопленных. Лагерь в г. Тюмени произвел на делегацию хорошее впечатление. Рассчитан на 10000 чел., по 500 пленных в бараке. В лагере около 5000 чел. Жалобы — медленность в получении корреспонденции и запрет носить воинские значки на головном уборе (№42—43. 28 янв.)

С 1 февраля увеличена на 5 коп. с килоуатта плата за пользование электрической энергией. Дома Лагиных на Царской куплены А.И. Текутьевым за 22 тыс. руб.

Сургутская купчиха П.П. Воробейчикова через нотариуса предъявила своим должникам ультиматум «в трехдневный срок уплатить числящиеся по счетам магазинов деньги», причем был допущен прием, непрacticуемый в коммерции: каждый должник осведомлен не только, сколько он должен, но и сколько должны другие лица. «Упорство должников объясняется крайне не тактичным обращением кассирши г-жи Воробейчиковой, которая ходит по домам, врывается в квартиру и в грубой, недопустимой форме требует уплаты долгов» (№54—55. 5 февр. С. 4)

В театре Текутьева инсценировка романа Гончарова «Обрыв». За утратой имущественного ценза выбыл из состава городских гласных В.П. Шитов. В городе дифтерит, ящур.

Иногда в разделе «Тюменская жизнь» лишь объявление, что на Царской найдено опять

что-то. И его можно забрать в «Ермаке».

П.И. Никольский послал на имя тобольского губернатора прошение об увольнении его от должности городского головы. Из номера в номер печатаются списки ратников ополчения 2 разряда призыва, не явившихся на мобилизацию. Приступили к сборке городского водопровода. Есть надежда, что в конце апреля обыватели будут иметь чистую фильтрованную воду. Назначены выборы нового головы на 23 марта.

Текутьев предполагает здание своего театра приспособить для мукомольной мельницы, оставив город без театра.

Избрание городского головы предreshено. Им будет

Цитатой из этого номера «Ермака» начался наш рассказ о газете...

Н.А. Самотесов. Текутьев свой театр отдал в аренду г. Шустеру под кинематограф.

«Благодеяние» г. Текутьева. Рассказ Фрола, прослужившего 20 лет у благодетеля. «Уволил со службы, выгнал из домика, который отдал 17 лет назад».

«Ермак» объявляет подписку. Мировой судья приговорил местного мукомола В.Л. Жернакова к 3 мес. ареста или 300 руб. штрафа за нарушение таксы при продаже муки. Повышается цена на газету с 1 апреля на 1 коп.

Губернатор не утвердил городским головой Н.А. Самотесова. Избран городским головой К.А. Плишкин (№176—177. 26 апр. С. 4). Бр. Шайчики продали свое дело в Пермь Шустеру.

5 мая Текутьев сдал в аренду театр г. Шустеру на 2 года за плату 6000 руб. в год. Основной мотив: «Гнев «благодетеля» на тюменцев, будто бы плохо ценивших его пожертвования». Газета пророчит помещению театра стать 2-м текутьевским кладбищем, ибо первое не соответствует условиям, предъявляемым законом к кинематографам: не имеет достаточного количества выходов, запасные выходы на улицу опасны (№195—196. 8 мая. С. 4).

В Тобольском окружном суде будет слушаться дело по иску А.Я. Панфиловой-Краузе к А.И. Текутьеву. Она требует оплатить 35000 руб. «за потоп-

ление подъемом воды принадлежавшей ему мельницы 200 десятин лугов по реке Пышме. Кроме лугов Панфиловой г. Текутьевым затоплено до 1000 дес. лугов, принадлежащих крестьянам семи сельских общин».

На собрании совета старшин приказчиьего клуба было постановлено: возбудить судебное преследование против редактора «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылова за клевету и оскорбительный отзыв по отношению к старшинам клуба, допущенный в заметке, помещенной в №106.

С 15 июня 1916 г. все чаще выходят 2-страничные номера, по-прежнему имеющие двойную нумерацию. Цена экземпляра — 5 коп. — осталась та же.

П. Рогозинский пишет статью «По Туре, Тоболу и Тавде» (№226—227. 26 июня. С. 2—3). В ней он рассказывает вкратце историю сибирского пароходства (Мокеев, Мясников, Полевский, Гуллет и др.)

Снова упрек в адрес «СТГ» в отношении запоздавших агентских телеграмм. Крылову совсем не надо платить за телеграммы, перепечатывая их у нас. А когда лень А. Крылову править для печати телеграммы, он тексты берет из «Ермака», «точно повторяя наши случайные корректурские ошибки».

30 июля 1916 г. умер Текутьев. «По слухам, известный коммерсант А.Г. Рассошных, по

договору с И.Я. Некрасовым, за утверждение наследника в правах наследства получит за хлопоты 10%, что составит от 100 до 150 тыс. рублей...».

«Думою было отдано принадлежащее городу пустопорожнее место между Спасским садом и усадьбою Текутьева в пожизненное пользование бывшего городского головы, который и огородил его забором, чем прекратил возможность проезда по Бульварной ул. Ныне за смертью Текутьева место это снова поступает городу, а потому Токмаков и просит проезд разгородить». — №379—380 (7 сент.). С. 4.

П. Рогозинский. 26 месяц Великой войны // №399—400 (21 сент.). С. 1. «Население Германии и Австро-Венгрии с ужасом смотрит на предстоящую зимнюю кампанию».

С 1 ноября начался меняться формат газеты. Некролог на А.К. Шешукова. Скончался 14 ноября. Был чуть ли не первым тюменцем, окончившим московский университет.

О том, как закончил «Ермак», хорошо известно читателю по одной из первой нашей публикации. А. Афромеев рассказал об отношении городских властей к нему, сложившемуся после февральской революции, в «Письмах из ссылки» с подзаголовком «Свобода слова, печати и права» (1917. №127. С. 2): «Слишком уж я был счастлив в первые дни революции,

радуясь освобождению родины от произвола монархии... Есть оправдание для тюменской Думы — газета была оппозиционной для буржуазии, она отмечала вольные и невольные общественные прегрешения Жернаковых, Колокольниковых, Плишкиных, Михалевых и пр. и пр. Еще два года назад буржуазия пыталась бороться с газетой, закрыв в банках кредит издателю, испробовала пустить с аукциона за случайный долг в 1000 руб. типографию, стоящую 30 тыс. руб... Зашли в дом. Офицер предъявил мне приказ об аресте...

Мой сын выехал в Петроград просить защиты у Временного правительства от насилия и произвола... Г. Колокольников тоже выехал в Петроград... Я поручил не останавливать газету и продолжать до моего возвращения в Тюмень хотя бы выпуском телеграмм... Телеграмма из дому, полученная в Тобольске 25 марта, сообщала, что моя типография «не работает»... В 5 часов прибыл комиссар и потребовал к себе:

— Я получил телеграмму от министра внутренних дел. В Сургутский край я вас отправлять не намерен...

Но я жестоко ошибся, рассчитывая на беспристрастие г. Пигнатти... У моих дверей день и ночь дежурил милиционер... В 2 часа дня является начальник милиции и предъявляет новый приказ комиссара

о высылке меня немедленно в Демьянск как вредного человека...

В 11 часов ночи явился начальник милиции, очень милый и корректный господин и заявил, что я оставлен на свободе, два раза в день обо мне будут справляться милиционеры, разрешил писать письма семье, но отправка телеграмм и посылок мне была запрещена... Праздник Благовещения я встретил свободным».

Во время отсутствия Афромеева в городе президиум Тюменского исполнительного комитета «организовал жалкое подобие чего-то вроде «Телеграмм и известий исполнительного комитета» (1917. №129. С. 2).

Там же А. Захарченко писал: «И вне всякого сомнения г. Афромеев, — если бы его пригласили в комитет и, как гражданина, предложили бы не подрывать в теперешнее тяжелое переходное время авторитет комитета... Вместо этого... президиум решил вступить в борьбу с «Ермаком». Появилось резкое постановление комитета о том, что направление газеты «Ермак» противоположно и заслуживает отрицательного отношения...

На состоявшихся 21 марта выборах председателем комитета избран частный поверенный Н.И. Беседных, которому и придется расхлебывать так круто заваренную г. Колокольниковым кашу...

В этом же номере помещена информация: «Муллоу Габатовым издается в Тюмени газета на татарском языке «Тюменьчухбири».

20 апреля метранпаж газеты София Юрова отказалась от исполнения своих обязанностей. «С сегодняшнего дня редактор будет нести еще и работу метранпажа», — сообщается в заметке «Действия темных сил». На следующий день в издании появилось объявление: «Типография продается с ежедневной газетой, имеющей большой тираж, запасами газетной бумаги и краски».

22 апреля газета «Ермак» продана Николаю Ивановичу Беседных вместе с типографией, запасами газетной бумаги и краски, за исключением литографии, шрифтовых материалов и бумаги для музыкального издательства. Газета продана за 40000 руб. и перейдет к новому владельцу 30 апреля (№159 от 23 апр. С. 2).

В номере от 25 апреля А. Афромеев писал: «Конфликт с Юровой был последней каплей, переполнившей чашу терпения, вынудившей меня продать издание газеты и типографию в другие руки, но со своего поста я ухожу с сознанием своей правоты.

Мои враги тщетно стремились поселить в широких слоях убеждение, что «Ермак» был погромной газетой, ненавистником свободы, но читатели

газеты поняли всю ложь, всю гнусность этих наветов и в дни произведенного надо мной насилия ярко выразили свое сочувствие к газете, горячо отстаивающей интересы трудового народа, оберегающей его от эксплуатации хищников, каким бы флагом они ни прикрывались».

В №88 «Сибирской торговой газеты» было опубликовано письмо: «Типография и газета «Ермак» приобретена группой лиц через посредничество Н.И. Беседных, который не является ни «коммерсантом города», ни лицом, стоящим «во главе местной партии народной свободы».

Штат редакции, безусловно, изменяется. Новая газета будет внепартийным органом — общественно-политическим и литературным. Типография и газета вовсе не передаются в распоряжение исполнительного комитета. Последний лишь получает право печатания своих «Известий» в типографии новой газеты на льготных условиях». И подпись: Информатор «Известий».

На 169 номере «Ермак» приказал долго жить. И пусть спорят теперь теоретики, «Свободное слово» — это следующая жизнь «Ермака» или все-таки новое издание. Пусть даже с П. Рогозинским в том и другом в качестве не последнего человека. В одном — за редактора, в другом — редактора...

Вместо эпизода

Рассказ о событиях в г. Тюмени через призму «Ермака» несколько затянулся. Событий оказалось немало. Сюжетных поведенческих линий издателя — далеко больше одной. Может, где-то нить повествования для автора этих строк прервалась, и некоторые обещания выполнить по этой причине не удалось. Есть некоторые поправки и уточнения.

Поговорим о них.

В одной из первых публикаций автор этих строк обещал рассказать о судьбе тюменской газеты 1910 г. «Сибирская новь», но увы... уложиться с такой темой в данную публикацию не удалось, и я прошу прощения у читателя.

В предыдущем номере в одном из примечаний шла речь о

приложении к журналу в 1914 г. По рассеянности в текст не поставлена дата его выхода: 31 марта 1914 г. А это важно, поскольку регулярность выхода газеты в этот период пока не установлена. В слове «От издателя» Афромеев обещал в 1914 г. издание по мере накопления материала (1913. №49–50. С. 2).

И вернемся к приложению 1913 г. Там же издатель говорил, что в минувший год подписчики кроме газеты получают 13 книг приложений. В крупных книгохранилищах страны удалось обнаружить только №12.

Так что история с «Ермаком», я думаю, для автора этих строк еще не закончилась.

А на вклейке данного номера помещена обложка бесплатного приложения к журналу «Ермак» (1913. №11).

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад», журнале «Врата Сибири». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. В 2002 году вышла книга «Тычковка, Сарай, Потаскуй...».

Постоянный автор журнала «Лукич». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

От купели до погоста

Обзор метрических книг тюменских церквей

Церковь в жизни православного россиянина играла роль утешителя и вдохновителя, воспитателя и порицателя. Весь уклад жизни был тесно связан с церковью: рождался ребенок — его крестили, при бракосочетании — венчали, свой последний земной путь (отпевание и погребение) человек также проходил в сопровождении священников. Поэтому на церкви лежала еще одна важнейшая функция — ведение метрических книг. Книг, в которых по мере совершения обрядов фиксировали важнейшие в жизни человека события: рождение, бракосочетание и смерть.

История возникновения метрических книг в России относится к царствованию Петра I. Первым светским узаконением был указ Петра I от 14 апреля

1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». Лишь через 20 лет, в мае 1722 г. «прибавлениями к Духовному регламенту» было установлено обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи.

Указом Синода от 20 февраля 1724 г. были введены графические формы метрических книг, пояснялись особенности их ведения. После Указа Синода от 23 ноября 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным.

Указ Синода от 17 мая 1802 г. «О содержании в предписанном порядке метрических книг» запретил хранение книг в домах священников и их раздельное ведение: отныне в приходах регистрация осуществлялась в одной общей книге.

В 1831 г. в формуляре метрических книг были уточнены названия отдельных граф, введена раздельная нумерация по полу в записях о рождении. Формуляр метрических книг окончательно был утвержден в 1838 г. и практически до 1920 г. сохранял неизменной свою форму.

Записи актов гражданского состояния регистрировались в приходской книге ежедневно, в хронологическом порядке, в течение года. Каждая метрическая книга состояла из трех частей, в первой из которых фиксировались данные о родившихся, во второй — о бракосочетавшихся и в третьей — об умерших. Соответственно книга отражала количество рождений, браков, смертей, имевших место в данном приходе в течение года. Очень часто, в случаях небольшого прихода церкви, одна метрическая книга охватывала несколько лет. Церковный приход не имел формальных границ, они складывались традиционно.

Записи в метрических книгах производились священником, подписывались всеми цер-

ковнослужителями храма. Предусматривалась возможность подписи родственников, тех, над кем совершалось таинство обряда (крещение, венчание), если те были грамотны. Однако в тюменских метрических книгах эти подписи встречаются крайне редко.

Книги велись в двух экземплярах. По окончании года один экземпляр присылался на хранение в архив Тобольской Духовной Консистории, другой оставался при церкви. Бурные события 10–20-х гг. XX века не могли не отразиться на метрических книгах, хранившихся в церквях: часть была утрачена, часть — значительно повреждена.

В. Солоухин в произведении «Черные доски» описал, как происходило разграбление уже закрытых церквей во Владимирской области в 1960-е гг. Пример этот не был единичным, такое происходило на всей территории Советского Союза и было результатом антирелигиозной политики государства. Тогда уничтожалась оставшаяся после массовых изъятий драгоценных металлов в церквях в 1920-е гг. церковная утварь (купели, венцы, подсвечники, иконы), церковные книги, в том числе метрические, исповедальные и обычные. Церковные книги сдавали в макулатуру по цене 2 копейки за килограмм. В основном в утиль попали более старые книги XVIII — нач.

XIX вв., те, что уже практически не были востребованы поколением 60-х гг. и были интересны лишь историкам.

После отделения церкви от государства сохранившиеся метрические книги поступили на хранение в местные губернские или областные государственные архивы. Ведение метрических книг было передано вновь образованным бюро ЗАГС (запись актов гражданского состояния).

Рождение и крещение

Рождение ребенка в православной семье фиксировалось записью в метрической книге церкви, в приходе которой появлялся новорожденный. В книге велся раздельный учет родившихся мальчиков и девочек, записывались даты рождения и крещения, имя, данное ребенку. Отдельная графа отводилась родителям: «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания». При крещении обязательным было наличие восприемников¹ (крестных), им также отводилась графа в метрической книге: «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников». Графы «Кто совершил таинство

крещения» и «Рукоприкладство свидетелей, записи по желанию» заполнялись: первая священником, другая — свидетелями крещения.

В случае появления на свет незаконнорожденного ребенка в книге делалась отметка, обычно рядом с именем. Когда записывали подкидыша, то так и писали рядом с именем ребенка: «подкидыш» или «подкинут к дому такого-то».

подавляющее большинство детей православных семей крестили практически сразу после рождения: на второй, третий или четвертый день, гораздо реже этот обряд откладывали на более позднее время. Одним из неперемennых атрибутов этой церемонии была купель².

Имена новорожденным давали по святым, то есть по имени святого, на чей день приходилось рождение ребенка. Это соблюдалось, хотя и не всегда строго.

К примеру, на 1 января приходился день св. Василия Великого; на 2 января — преподобного Сильвестра и мученика Феогена; на 3 января — преподобного Малахия и мученика Гордея; на 4 января — преподобного Феоктиста и мучеников Зосимы и Афанасия;

¹ Восприемник — при обряде крещения человек, принимающий на руки ребенка из купели, крестный отец или мать. В случае смерти родителей восприемники, как правило, брали на себя обязанность по воспитанию сирот.

² Купель — сосуд в форме большой чаши, в который окунали младенца при крещении.

на 5 января — преподобных Григория и Апполинарии и т.д.

Мода бывает на все, в том числе и на имена. Большинство из приведенных ниже женских имен, распространенных в XIX — начале XX столетия, сейчас практически не встречаются.

Агафья, Агния, Агриппина, Анфиса, Аполлинария, Варвара, Гликерия, Дросида, Евдокия, Евпраксия, Еликонида, Епистимия, Ефросинья, Ираида, Калерия, Калиса, Капитолина, Клавдия, Леонилла, Марфа, Матрона (Матрена), Меланья, Минодора, Миропия, Митродора, Неонила, Нимфидора, Параскева, Пелагея, Пульхерия, Серафима, Сиглитика, Солмония, Таисья, Фекла, Фелицата, Феозва, Феоктиста, Филонида, Фотиния, Харитина, Хиония.

Некоторые из мужских имен также вышли из обихода: Аверкий, Автоном, Анисим (Онисим), Арефа, Архип, Афанасий, Африкан, Вавил, Венедикт, Влас, Гавриил, Герасим, Гурий, Дормидонт, Евграф, Евлампий, Елизар, Епифан, Ермил, Ермолай, Захар, Иоил, Ипатий, Исидор, Калистрат, Карп, Ксенофонт, Кузьма, Лукьян, Мануил, Меркурий, Мефодий, Наум, Никифор, Памфил, Порфирий, Прокопий, Севериан, Сила, Силуан, Софрон, Терентий, Тимофей, Трифон, Ульян, Февроний, Феропонт, Филимон, Фортунат, Ювеналий, Януарий.

Вряд ли сегодня придет в голову кому-либо из родителей дать своему ребенку такое имя. Во всяком случае, было бы экстравагантно назвать своего сына Дормидонтом или Евлампием.

Сто лет назад, когда такие имена были привычными, были и для того времени редкие имена. Жили в Тюмени: мещанин *Анемподист* Федорович Черкашин, *Никтополион* Шишкин, *Варсонофий* Леонтьевич Кузнецов, *Иуда* Иванович Юшков. Тюменский мещанин Михаил Горбунов обладал не менее диковинным отчеством: *Экзакустадионович*, а тюменская мещанская жена Матрона Кривошеина была *Мамонтовной*.

В конце XIX — начале XX столетий проживали в нашем городе иностранные подданные со своими семьями, здесь рождались их дети, и Тюмень становилась их родиной.

10 ноября 1883 г. у бразильского подданного Максимилиана Карлова Жирара де Вильяра, лютеранского вероисповедания, и законной жены его Евдокии Феоктистовой, православной, родилась дочь, названная Людмилой и крещенная по православному обряду. Как в Тюмень в начале 1880-х гг. попал бразильский подданный? В конце XIX в. он возглавлял метеостанцию в Богандинском.

28 сентября 1907 г. «у корейского подданного Юн-Соу-

Ни (во св. крещении Владимир Павлов Разсохин) и законной жены его Таисьи Михайловой (по-корейски Ен-Зони-Юн), из русских, оба православные», родилась дочь Зинаида.

Православная церковь проводила миссионерскую деятельность, проповедуя и обращая в православие представителей коренных народов. Однако иногда в православие переходили верующие других конфессий: мусульмане и буддисты, католики и протестанты, лютеране и иудеи. Случалось, что принимали православие старообрядцы и сектанты. Тогда в метрических книгах в разделе о родившихся появлялись записи о принявших православие.

30 августа 1899 г. Мария Раймундовна Клерикова — начальница женской прогимназии, 50 лет, католического вероисповедания — была «присоединена к православной греко-русской церкви чрез исповедь и возложение священнической руки с сохранением ее прежнего имени».

19 ноября 1904 г. крещен «рядовой Тюменской местной команды крестьянин Уфимской губернии Белебейского уезда Габдул Каюм Габдулиапов, 25 лет, магометанского вероисповедания, нареченный при св. крещении Григорием».

3 февраля 1906 г. крещен «киргиз Нурмугамет Джармугаметов, 18 лет, магометанского вероисповедания, наречен-

ный при св. крещении Семенов».

17 июля 1908 г. «миропомазана крестьянская девица Пульхерия, дочь крестьянина Пермской губернии Камышловского уезда Василия Степанова Осипова, старообрядческого вероисповедания».

23 января 1909 г. миропомазана крестьянская девица Туринского уезда Жуковской волости деревни Санкиной Евдокия Яковлева Ковалева, 23 лет, секты «филипповского согласия».

8 декабря 1909 г. по Указу Тобольской Духовной Консistorии от 24 ноября 1909 г. за №17186 «преосвящен св. крещением персидский подданный Ходжи-Ага-Хазрет-Кули-Оглы магометанского вероисповедания, 30 лет, с наречением имени Николай».

5 ноября 1910 г. «крестьянин Мефодий Максимов Копнин, 22 лет, из беспоповской секты, присоединен к православной церкви чрез помазание св. миром с сохранением его прежнего имени».

25 апреля 1912 г. «по Указу Тобольской духовной Консistorии от 12 апреля 1912 г. за №6291 преосвящен св. крещением крестьянин из черемис Уфимской губернии Белебеевского уезда Шаранской волости деревни Сактов Тимирсей Минлигулов, 23 лет, вероисповедания языческого, с наречением ему имени Николай».

27 января 1913 г. «по Указу Тобольской Духовной Консистерии от 7 апреля 1912 г. за №5953 преосвящен св. крещением китайский подданный Вом-бо-шен, 26 лет, буддист, с наречением ему имени Юлий». Его восприемником был тюменский купец Андрей Иванович Текутьев, и Вом-бо-шен по имени своего крестного отца Текутьева стал именоваться Юлием Андреевичем.

18 августа 1913 г. «присоединена к православной церкви чрез св. крещение томская мещанка Цивия Авраамова Чеселевич-Чернова, иудейского вероисповедания, после развода с мужем, томским раввином, в 1907 г., присоединена согласно резолюции архипастыря Тобольского Алексия от 7 июля 1913 г. Названа Елизаветой».

Трудно сказать, сколько в тюменских церквях было обращено в православие язычников и представителей других конфессий, статистические данные об этом отсутствуют.

Бракосочетание и венчание

Важнейшие события человеческой жизни — рождение и смерть — происходят независимо от самого человека. Женитьба — единственное из этого ряда событие, которое он совершает осознанно. Поэтому отношение к бракосочетанию было серьезным и обстоятельным.

Существовали дни, в которые не совершались браки: в течение всего года — накануне среды, пятницы и воскресенья, т.е. по вторникам, четвергам и субботам; накануне праздничных и высокаторжественных дней; во время Великого Поста и Пасхальной недели; во время Петрова и Успенского постов; накануне и в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Креста Господня; накануне дней восшествия на престол и коронации Государя Императора; во время Рождественского поста и Святков.

В церквях велась так называемая Обыскная книга, пронумерованная, прошитая и скрепленная печатью, в кото-

рую до вступления в брак вносились сведения о женихе и невесте. Сам документ носил имя «Обыск брачный». В этот документ записывали сведения о месте жительства жениха и невесты, их имена и возраст, состояние здоровья, степень родства между собой. Документ скреплялся подписями жениха и невесты, а также их поручителями, в случае внесения ложных сведений виновные предавались суду.

Строго следило епархиальное начальство за тем, чтобы не происходило бракосочетаний с несовершеннолетними. Если девица не достигала 16-летнего возраста, бракосочетание с ней могло состояться только с разрешения Тобольской духовной консистории.

24 апреля 1889 года венчались тюменский мещанин Василий Григорьев Набоких 22 лет и дочь крестьянина Иоанна Яковлева Некрасова девица Надежда 15 лет и 7 месяцев. В метрической книге напротив этой записи сделано пояснение. «Девица Надежда Некрасова повенчана ранее шестнадцатилетнего возраста по резолюции Преосвященного от 30 октября 1888 г. за №2802, прописанной в указе Тобольской духовной консистории от 30 ноября 1888 г. за №7793, где сказано, что она может вступить в брак после Пасхи 1889 года».

В метрических книгах можно встретить записи, когда у

*Новобрачные.
Фото кон. XIX в.*

новобрачных большая разница в возрасте. Чаще женихи старше своих избранниц. Неравными эти браки можно назвать только по возрасту.

10 января 1890 г. сочетались браком «туринский мещанин из ссыльных Иосиф Емельянов Гордеец, православный, третьим браком, 64 лет, и «тюменская мещанская девица Василиса Павлова Пестерева», православная, 23 лет.

13 октября 1896 г. бракосочетались тюменский мещанин Яков Федорович Рогожников, вторым браком, 60 лет, и девица Анфиса Адольфовна Зымшиновская, 27 лет.

10 мая 1898 г. бракосочетались «отставной нижний чин

слободской мещанин Григорий Козьмин Иванов», вторым браком, 50 лет, и солдатская дочь Параскева Дмитриевна Кокорина, девица 16 лет.

Однако не надо думать, что в разновозрастных браках только мужчины бывали старше своих избранниц, случалось и наоборот.

15 октября 1895 г. бракосочетались тюменский мещанин Евгений Федорович Дьячков, первым браком, 23 лет, и города Екатеринбургa солдатская дочь Анна Федоровна Рыбникова, девица 32 лет.

11 января 1904 г. бракосочетались Петр Андреевич Саушин, первым браком, 32 лет, и девица Анна Антоновна Кайгородова 50 лет.

Тюменская 47-летняя вдова Анна Булатова в 1910 г. бракосочеталась со Степаном Алексеевичем Шахтолевым, имевшим от роду всего 22 года.

Среди просмотренных метрических книг несомненным рекордсменом по количеству браков выглядит 26-летний тюмонец Алексей Ефимович Зиленин, бракосочетавшийся 17 января 1903 г., уже третьим браком, с 17-летней тюменской мещанской девицей Марией Федоровой Андреевой».

Тюменских женщин брали в жены и иностранные подданные, в том числе бразильские, сербские, корейские, чешские, персидские, китайские, подданные Великобритании и Прус-

сии. Тогда в метрических книгах появлялись такие записи.

19 апреля 1895 г. бракосочетались «персидский подданный Кусейн Мамет Огла (окрещен 2 февраля 1895 г. при сей церкви с наречением имени Николай Петров Петров), православный, первым браком, 23 лет, и крестьянская вдова Павла Львова Подчивалова, православная, вторым браком, 24 лет».

22 октября 1910 г. бракосочетались корейский подданный Владимир Павлов Юн, православный, 30 лет, вторым браком, и тюменская мещанская вдова Аполлинария Иоаннова Сесюнина 28 лет.

18 февраля 1918 г. бракосочетались «гражданин г. Тюмени сербский подданный Владимир Павлов Мирников» 28 лет и «города Тюмени мещанская дочь Александра Александрова Филимонова, девица 16 лет».

В 1918 г. в метрических книгах стали появляться записи о бракосочетании военнопленных австрийцев и чехословаков на местных барышнях.

«26 января 1918 г. бракосочетались военнопленный гражданин города Санока в Галиции Иоанн Николаев Куштава, католического вероисповедания, первым браком, 26 лет, и крестьянская девица Тюменского уезда Анастасия Васильева Журавлева, 30 лет, православная».

*Г.И. Сологуб с невестой.
Фото 1914 г.*

После вступления частей чехословацкого корпуса 20 июля 1918 г. в Тюмень количество браков с местным населением увеличилось, и при записи социального статуса женихов исчез термин «военнопленный».

Так, 11 ноября 1918 г. бракосочетались «доброволец-чех второй сотни 2-го Чехословацкого полка Илья Васильев Янковский, римско-католического вероисповедания, первым браком, 25 лет, и девица Лидия Тимофеева Шурупова, православ-

ная, 17 лет»³. Или — 24 апреля 1919 г. бракосочетались «Чехословацкой республики 4-го эскадрона 2-го чехословацкого полка гражданин Фердинанд Францевич Хотешевский, римско-католического вероисповедания, первым браком, 26 лет, и девица Мария Захарова Дудочкина, православная, 20 лет»⁴.

Самым характерным в записях этого периода является почти полное исчезновение из записей сословного признака. Преобладающим становится термин «гражданин», «гражданка».

В случае развода, а это хоть и очень редко, но все же случалось, в метрической книге против записи о бракосочетании делалась отметка о расторжении брака. Конечно, получить развод было делом непростым, решение в каждом конкретном случае определяло епархиальное начальство, а утверждалось такое решение указом Святейшего Синода.

Единственным веским основанием к расторжению брака служила супружеская неверность.

P.S. При подготовке этой статьи автору пришлось просмотреть некоторое количество свадебных фотографий конца XIX — начала XX столетия. Люди, изображенные на фотографиях, принадлежали к раз-

³ ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 157. Л. 211 об. Метр. книга Вознесенской церкви 1918–19 гг.

⁴ ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 157. Л. 401 об. Метр. книга Вознесенской церкви 1918–19 гг.

ным социальным слоям, но независимо от этого у всех молодоженов обручальные кольца были на указательном пальце правой руки. Когда и почему обручальные кольца в нашей стране стали носить на безымянном пальце?

Смерть и похороны

Раздел метрических книг об умерших содержал графы, в которые записывались данные об умершем (фамилия, имя и отчество, происхождение и социальный статус), его возраст, причина смерти, исповедовался ли перед смертью и на каком кладбище похоронен.

Существовали дни, в которые не совершалось погребение усопших. Нельзя было устраивать похороны в первые дни Рождества Христова и Пасхи, дни восшествия на престол и коронования Государя Императора, дни рождения и тезоименитств Их Императорских Величеств и Его Высочества Государя Наследника.

Отпевание усопших производилось священником той церкви, в приходе которой жил умерший, погребение же происходило на закрепленном за церковью или рядом церковью кладбище⁵. Особо почетных горожан хоронили в оградах церквей,

прихожанами которых они являлись и имели заслуги перед церковью, например: купец Иван Петрович Войнов похоронен в ограде Успенской церкви, купец Евлампий Александрович Котовшиков — в ограде Вознесенской церкви, купец Андрей Иванович Текутьев — в ограде Спасской церкви. Все они в свое время состояли церковными старостами своих церквей.

Почетным местом захоронения тюменцев считалось кладбище, располагавшееся на территории Троицкого мужского монастыря. На нем были похоронены: купец И.А. Новоселов, начальница женской прогимназии М.Р. Клерикова, городской врач А.С. Гасилов, купец Г.Т. Молодых, «замученные красноармейцами» сыновья тюменского купца А.И. Колокольникова — Иван и Арсений, действительный статский советник Н.Н. Петухов, член городской управы, почетный гражданин Д.В. Назаров и другие.

В 1885 г., в связи с закрытием Всехсвятского кладбища (новое городское кладбище еще не было открыто), захоронения усопших из приходов большинства городских церквей велись на Затюменском кладбище.

Некоторые записи в метрической книге похожи на крат-

⁵ На Текутьевском городском кладбище хоронили прихожан Благовещенской, Знаменской, Ильинской, Михаило-Архангельской, Спасской, Успенской церквей.

кие биографии. К примеру, такая: «4 июня 1894 г. умер Виктор Иоаннов Третьяков, сосланный на житье в Тобольскую губернию в 1869 году, причисленный в мещане, бывший помощник правителя канцелярии казанского губернатора, дарованный помилованием в 6 день января 1893 года Государем Императором для свободного выезда и проживания в пределах европейской России, что видно из его свидетельства от 5 марта 1894 года за №3414, данного управляющим Тобольской Экспедицией о ссыльных. действительным статским советником», 65 лет, от чахотки.

Так и не смог уехать из Сибири получивший помилование В.И. Третьяков, то ли не было никого родных и он решил остаться на приютившей его сибирской земле, а может быть, и собирался ехать, но заболел и умер.

При поверхностном просмотре метрических книг может возникнуть обманчивое впечатление, что наши предки умирали летом в основном от поноса (дизентерии), а в остальное время — от чахотки (туберкулеза). При более внимательном изучении этих документов оказалось, что болезней, ставших причиной смерти, было так же много, как и сейчас.

По записи в метрической книге можно с большей долей вероятности судить о том, кем поставлен диагноз: врачом или человеком, далеким от медицины.

Записи, не оставляющие сомнений в участии врача в составлении посмертного эпикриза, фиксировали смерть: от катара желудка, горячки, лихорадки, оспы, чахотки, водянки, коклюша, грижа, скарлатины, разрыва сердца, «от золотушного истощения», от рака, порока сердца, апоплексического удара, от золотухи, ревматизма, тифа, кори, скоротечной чахотки, горловой чахотки, брюшного тифа, от кровотечения, воспаления брюшины, сибирской язвы, «от энфлуэнции», «от воспаления мозговых оболочек», грудной жабы (старое название стенокардии), паралича сердца, паралича гор-

Похороны купца Мясникова. 1910 г.

ла, воспаления мозгов, от слабости рождения, от кровоизлияния мозга, заражения крови, воспаления почек, дизентерии, желтухи, холеры, астмы, свинки, «от бугорчатки легких», «от несварения желудка», от саркомы, азиатской холеры, грудного катара, от флегмотозной жабы, туберкулеза костей, «от злокачественного воспаления клетчатки правой руки», от родильной горячки, от расширения печени, «от попадания в дыхательное горло инородного тела», от цинги.

С течением времени менялось многое, в том числе и названия болезней. Сейчас, наверное, трудно сказать, что это за болезни: «19 апреля 1901 г. умерла Никиты Яковлева Фисенко дочь Антонина 18 лет «от английской болезни» или «у священника о. Зосимы Козлова 7 июня 1915 г. умерла жена Анна Павлова 42 лет «от Антонова огня».

Удивительны случаи, когда люди, если верить записям метрической книги, умирали одновременно от двух болезней, например, от порока сердца и водянки. Отставной рядовой Иван Дмитриевич Притупов умер 19 июля 1884 г. в возрасте 64 лет «от чахотки и сифилиса».

Когда врача не оказывалось рядом с умирающим, посмертный эпикриз составлял священник, чаще со слов родственников или свидетелей смерти.

Оказывается, умирали: от кашля, «от страданий мозга», от запора, «от горловой болезни», от простуды, родимца, удушья, «от истерики», от родов, от рези, от падучей, от сердечной боли, «от мозгового удара», «от продолжительной болезни», «от расслабления желудка», от болезни груди, от поноса, от колики, от воспаления внутренних органов, от гниения легких, от разбития параличом, от сердечной болезни, «от расслабления членов», от рвоты, от боли в желудке, от сердцебиения, «от истечения крови», от головной боли, от угара, от боли в горле, от желтуницы, от застарелого паралича, «от хронического страдания почек», от умопомешательства, «от боли в груди», «от кровотечения с носа», «от рака на груди», от крупы, «от расстройства нервов», от падучей болезни, от рахитизма, «от надсады», от испуга, «от боли в нутре», «от женской болезни», «от сильной головной боли», «от боли в спине и головокружения», «от переворота кишок», «от чахотки вследствие падения», скоропостижно, от сумасшествия, от родильной горячки, «от каменной болезни», «от беременности», «от менструации», «от припадка», «от конвульсий», от хронического кровотечения, от сужения горла, от сужения кишок, от слабости, «от засорения желудка», «от гноения в ушах», «от печени», «от рака языка», «от

трудных родов», «от внутренней болезни», «от расшибу», «от холерины», «от болезни позвоночного столба», «от водяной болезни», «от колотья», от младенческой слабости, «от головной болезни и расслабления всех членов», от укуса собаки, «от внутреннего рака», «от старческого изнурения», «замучилась родами», «от удушения вследствие ненормального состояния умственных способностей», от одышки, от старческой чахотки, «от собачьей глисты», «от горбатости», «от ревматической застарелости», «от болезненного состояния сердца», от расстройства желудка, от слабости, от припадков, «от зубов», «от слабости в течение 5 лет», от костоеда.

Ребенку, родившемуся преждевременно и умершему, писали коротко и ясно: «недоносок».

Когда причину смерти установить не удавалось, а умершему было меньше 60 лет, тогда появлялась такая запись: умер «от неизвестной причины». Но таких записей очень немного.

Записи в метрических книгах свидетельствуют — во все времена было достаточно поклонников Бахуса, что и становилось причиной смерти: «от чрезмерного винопития», «от спиртных напитков», «от удара после винопития», от излишнего употребления вина, от винопития, «от излишнего

употребления водки», «от вина», от запоя, «от болезни после запоя», «скоропостижно от продолжительного пьянства». Но, пожалуй, самая необычная формулировка — «от запойного бреда».

Жизнь полна неожиданно-стей, и не только сейчас. Несчастные случаи поджидали и наших предков, смерть наступала: от обжога керосином, «от ушиба лесиной», от угара, «от ушиба лошадью», «утонул в колоде», «застрелился от неосторожного обращения с ружьем», «убитый бревном», «утонул в реке Туре», «замерз на лугу», «задохнулся от дыму в бане», «поражена грозой», «сгоревшая в пожаре», от ушиба, «убившийся при падении с крыши», «убит громом», «убит машиной», «от перелома ноги», «убит возом», «от укуса бешеной кошки», «от падения с телеги во время езды», «от стрельбы на охоте», «утонул в реке Туре от неосторожности и опьянения», «от стоптания и повреждения внутренностей конями», «от падения с лестницы в пьяном виде».

Насильственная смерть встречалась не часто, записи об этом были такими: «убит рукою злодея», «от удара ножом в бок», «от насилья», «убит от руки злоумышленника», «от руки убийцы», «от побоев», «от поранения на войне», «от огнестрельной раны», «убита мужем своим».

Если умирал пожилой человек без явных признаков болезни, то посмертный эпикриз гласил, что человек умер «от старости» или «от престарелости», бывали и такие формулировки: «скоропостижно от старости», «от дряхлости», «от старческой дряхлости» «от дряхлости скоропостижно». Обычно старческий возраст определялся с 60 лет, как у мужчин, так и у женщин, но бывали случаи, когда под категорию стариков попадали люди моложе этого возраста.

Так, у вдовы Любови Иоанновой Зыковой, скончавшейся в возрасте 51 года 14 мая 1898 г., в графе причина смерти записано: «от старости». 27 мая 1898 г. умерла девица Ирина Андреева Марклучаева в возрасте 47 лет «от старости»; 10 ноября 1898 г. умерла «от старческого маразма» Степанида Фадеева Табонакова 45 лет.

Были в Тюмени и долгожители. Среди женщин можно назвать тюменскую мешанскую вдову Варвару Сергиеву Велижанскую, умершую 8 июля 1899 г. в возрасте 100 лет, Анастасию Иосифову Кухтерину, умершую 4 июля 1851 г. в возрасте 101 года, тюменскую мешанскую вдову Евдокию Семенову Воронину, умершую 3 августа 1893 г. в возрасте 102 лет, Маремьяну Прокопьеву Мишукову, умершую 17 авгу-

ста 1866 г. в возрасте 105 лет. Старейшей жительницей Тюмени можно назвать тюменскую мешанскую вдову Пелагею Авраамову Зырянову, умершую 20 января 1895 г. в возрасте 108 лет.

У мужчин рекордсменами можно считать тюменского мешанина Алексея Иоаннова Берлинского, умершего 29 августа 1863 г. в возрасте 104 лет «от старости», тюменского мешанина Егора Алексея Бородкина, умершего 8 июня 1851 г. в возрасте 105 лет «от глубокой старости», тюменского мешанина Василия Иоаннова Шангина, дожившего до 110 лет, умершего 13 августа 1885 г. «от престарелости».

Тюменский житель Иоанн Федоров Гурьев на своем веку пожил в царствование восьми российских императоров. Родившись в царствование малолетнего Иоанна Антоновича, он благополучно пережил царствование Елизаветы Петровны, Петра II, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и умер 24 июля 1856 года в возрасте 115 лет, уже после восшествия на престол Александра II. Его рекорд долголетия⁶ повторил тюменский мешанин Гордей Романов Микерин, умерший 9 ноября 1907 г. в возрасте 115 лет.

У нашего современника может вызвать не только удивле-

⁶ Среди жителей окрестных сел также были долгожители, как Тимофей Попов, доживший до 113-летнего возраста.

ние, но и улыбку такая запись: «19 февраля 1888 г. умерла тюменская мящанская девица Анна Степанова Лазарева в возрасте 90 лет от старости». Вот так девица, в 90 лет! Однако странного или смешного тут нет, у наших предков термин «девица» означал лишь семейный статус женщины, а никак не возраст.

Недостаточная санитарная просвещенность городского населения и малое количество врачей во многом определяли высокую детскую смертность. К примеру, за 1908 год по приходу Спасской церкви из 206 человек умерших 122 составили дети в возрасте до 5 лет. В подавляющем большинстве случаев причиной смерти их стала дизентерия, остальные умирали от простуды или «слабости рождения».

Интересны примечания, сделанные священниками при подведении итогов года по рождаемости и смертности по приходу Крестовоздвиженской церкви.

1874 год: «Причиной значительной смертности болезни: возрастных — чахотка, горячка и старость, а малолетних — понос и кашель».

В последний путь

1879 год: «Причиной значительной смерти, особенно между младенцами, кроме обыкновенного всегда поноса была оспа, от которой обоего пола умерло 13 чел.».

Одним из самых мрачных в истории Тюмени был 1892 год: свирепствовавшая холера унесла жизни сотен жителей. В метрической книге Крестовоздвиженской церкви за этот год сделана такая запись: «В сем году с 8 числа июля до 5 числа августа умерло от холеры мужского пола 50, женского 44, а обоего пола 94. Но естественных смертей умерших не было...».

1896 год: «Значительной смертности не было, а малолетние умирали большей частию от поноса».

Из метрических книг можно узнать, что в 1872 году жил в Тюмени со своей женой «от-

ставной конюшенный кучер Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича Николай Андреев Баранов», а 28 мая 1897 г. утонул в р. Туре 27-летний прусский подданный Отто Гризе или что 14 февраля 1907 г. в Тюмени умер главный врач Самаркандского военного госпиталя коллежский советник Павел Григорьевич Катаев, в возрасте 56 лет, от чахотки. Записи лишь чуть-чуть приоткрывают для нас

какие-то моменты жизни или смерти этих людей.

Давно уж нет подавляющего большинства людей, родившихся и живших в XIX — начале XX столетия, у некоторых не сохранились даже могилы, но хранят память метрические книги тюменских церквей о наших земляках или людях, волею судьбы оказавшихся в нашем городе, по-разному прошедших свой земной путь от купели до погоста.

Тайна шкатулки

Работа исследователя во многом сходна с работой сыщика-криминалиста, скрупулезно изучающего малейшие улики, распутывающего сложный клубок противоречивых показаний свидетелей и оценок экспертов. Очень многое зависит и от контакта с субъектом исследования, умения за общим фоном увидеть частное и потом через мелкую деталь, отдельный штрих вывести логическую цепочку обобщения.

Очень часто именно при близком «общении» с экспонатами, будь то создание выставки или ее демонтаж, возникает иррациональное предощущение открытия, интуитивная догадка. Так, в сентябре 2003 года в процессе разборки юбилейной выставки М.С. Знаменского (открытие ее состоялось в день рождения художника, 26 мая) постоянно приковывала взгляд и просилась в ладонь маленькая и, на первый взгляд, неказистая шкатулка из березового капа, украшенная костяной накладкой с изображением памятника Ермаку с датой «1871» и

монограммой «Е З». Она экспонировалась, как и другие произведения из кости, датированные второй половиной XIX в. (фонды ТГИАМЗ), для иллюстрации причастности М.С. Знаменского к развитию тобольского косторезного промысла. Известно, что художник стоял у истоков искусства резьбы по кости в Тобольске. Он был учителем «патриарха» промысла П.Г. Терентьева, других мастеров-косторезов, да и сам был неплохим резчиком, чему имеется немало свидетельств¹. Декор же «нашей» шкатулки упоминается в воспоминаниях племянницы художника Е.Н. Знаменской, там говорится о подобных «вещицах», изготовляемых в «их маленькой мастерской»².

Тайна притяжения шкатулки не давала себя забыть. И спустя совсем короткое время вождеденные фонды ТГИАМЗ, до которых наконец-то удалось добраться, приоткрыли ее завесу. Удивительно, но сухая музейная документация рассказала о многом. Поступила шкатул-

¹ Валов А.А. Тобольская резная кость. Свердловск, 1987. С. 16, 27.

² Воспоминания Е.Н. Знаменской. НА ТГИАМЗ. №37. С. 37.

ка вместе с целым комплексом предметов от С.П. и Т.П. Заборовских в 1972 г. из Ленинграда: личная печать и вещи губернатора Омска Е.А. Заборовского, омская и петербургская фотографии его жены Александры Петровны, икона «Николай Чудотворец». Икона эта являлась реликвией семьи Заборовских, в свое время она была подарена А.П. Заборовской, урожденной Шапошниковой, ее женихом... Михаилом Степановичем Знаменским!

Автором иконы, как мы предполагаем, был сам Михаил Степанович, художник, получивший образование в Санкт-Петербургской духовной семинарии по классу живописи и в 1854 г. возобновивший в Тобольской епархии работу класса иконописания. Имеются многочисленные свидетельства о том, что он выполнял заказы на создание икон. Вполне вероятно, что Знаменский сам писал и образ Николая Чудотворца для своей невесты. Сейчас эта интересная находка ждет своего дальнейшего исследования.

Монограмма же «Е З» принадлежит Евгению Алексеевичу Заборовскому, имя которого часто встречается в дневниках Знаменского. В «Памятных книжках по Тобольской губернии (1861–62, 1864)» он значится учителем, а затем помощником ректора по профессорской должности в уездном ду-

ховном училище, где преподавал и М.С. Знаменский. Также в акте приема есть и маленькая биографическая справка, в которой сообщается, что Е.А. Заборовский «кончал семинарию в Вятке, интересовался религиозными вопросами и поэзией». *А впоследствии, по сведениям, предоставленным сотрудником исторического отдела ТГИАМЗ Н.В. Гриценко, он становится одним из самых крупных чиновников в губернии — управляющим государственными имуществами Западной Сибири.*

Кто знает, какие непростые отношения сложились между этими людьми, но одно известно — Знаменский и Заборовские поддерживали долгие дружеские отношения, даже после отъезда Е.А. и А.П. Заборовских в Омск, а потом, возможно, и в Санкт-Петербург, о чем говорят и фотографии М.С. Знаменского более поздних лет, которые сохранились в семье «омского губернатора», как называли его внуки. И шкатулка с монограммой, скорее всего, выполнена не без влияния Знаменского, а возможно, и им самим. Доказать или опровергнуть это предположение также возможно с помощью искусствоведческой экспертизы.

Среди поступления 1972 года есть и фотопортрет другого губернатора — Александра Ивановича Деспот-Зеновича,

*Пять лет жизни города
в газетных подшивках*

Обложка бесплатного приложения к газете «Ермак».
1913. №11

Тайна шкатулки

Александр Иванович Деспот-Зенович.
На обратной стороне фотографии
надпись:
«Евгению Алексеевичу в знак уважения
и симпатии.
28 мая 1882 г.»

СѢВЕРНАЯ
ЭКСПЕДИЦІЯ

1866 г.

съ 23го августа по 17го сентября.

на Камчатке Ороуэ

Обложка альбома
«Северная экспедиция»

Второе обрיתіе браны.
Акв. М.С. Знаменского

Шкатулка из березового капа с костяной
накладкой.

2,4 x 9,7 x 5,5

Монограмма «Е.З.»

[Евгений Заборовский]

находится на обратной стороне.

ТГИАМЗ

Фотография А. Мейкина

Александра Петровна
Заборовская с дочерью Анной.
60-е годы XIX в. Омск

Александра Петровна Заборовская.
Нач. XX в. С.-Петербург

М.С. Знаменский.
Икона «Николай Чудотворец»

М.С. Знаменский.
Лесные страхи

члена РГО, начальника Тобольской губернии (1863–67 гг.), а также его живописный портрет кисти М.С. Знаменского.

Ранее, в 1963 г., в ТГИАМЗ было еще одно поступление от семьи Заборовских, в котором находились живописные и графические работы М.С. Знаменского, опять же связанные с тремя фамилиями: Е.А. Заборовский, М.С. Знаменский, А.И. Деспот-Зенович, что позволяет сделать вывод о приятельских отношениях всех троих. Неоднократные упоминания в дневниках Знаменского имен Заборовского и Деспот-Зеновича («Ара Ивановича») еще раз подтверждают это³. Известно также, что Знаменский был приглашен систематизировать личную библиотеку Деспот-Зеновича в 1864 году⁴. В августе-сентябре 1866 года Знаменский в качестве художника участвовал в экспедиции Деспот-Зеновича на пароходе «Союз» на север губернии (в чем оба были страстно заинтересованы). Предположительно, «спонсировал» поездку купец Наум Тюфин⁵, остальные изображения участников экс-

педиции не идентифицированы и никакими документальными источниками пока не установлены.

Может быть, таких экспедиций было несколько, т.к. в коллекции ТГИАМЗ существует акварельный рисунок (22x24) из путевых зарисовок уже зимней поездки, на котором изображен европеец в закрытом возке, запряженном оленьей упряжкой, в меховой одежде, имеющий характерные черты лица и пышные усы Деспот-Зеновича.

Но пока мы знаем только один источник точной информации: это небольшой, меньше тетрадного формата (22,5x16,5; 20 листов), альбом «Северная экспедиция на пароходе «Союз» с 23 августа по 17 сентября 1866 года». Альбомчик создан явно для внутреннего пользования участников экспедиции, о чем говорит юмористическое содержание его рисунков. Хотя и в нем Знаменский не удержался от сатиры — известная вспыльчивость характера Деспот-Зеновича, его «некоторая заносчивость»⁶ отражены в нескольких альбомных карикатурах. Так, на

³ Знаменский М.С. Дневники // Лукич. 2002. №1; НА ТГИАМЗ №539.

⁴ Роцесская Л.П. Круг чтения М.С. Знаменского // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Новосибирск, 1989. С. 42.

⁵ Швецова Е.П. // Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск, 1999.

⁶ Гриценко Н.В. Александр Иванович Деспот-Зенович // Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 320.

одной из последних страниц альбома при выходе из «Ноева ковчега» всех участников экспедиции губернатор изображен в виде жирафа («Жираф большой — ему видней»).

Определенно существует связь между альбомом и еще одной работой М.С. Знаменского — карикатурой «Второе обритие бороды» (б. акв., 23,4x15,7; 1872). В фигурной раме из атрибутов парикмахера изображен сидящий клиент, покрытый простыней, а рядом с ним — парикмахер и его помощник, собирающиеся сбривать ему бороду и уже (по символике работы) «взявшие за бороду деньги».

Так как эта карикатура и экспедиционный альбом Знаменского сохранились именно у Е.А. Заборовского, логично предположить, что и он участвовал в этой экспедиции, получив впоследствии альбом с рисунками в подарок на память, и что главным героем карикатуры «Второе обритие бороды» является сам Евгений Алексеевич — лицо, изображенное на карикатуре, часто встречается и на страницах альбома. А сюжет карикатуры наводит на мысль о каком-то этапном событии, возможно, следующей поездке, в которую «некто» отправляет Заборовского, для чего и обривает ему бороду.

МАНДРИКА Юрий Лукич родился 28 марта 1952 г. в Сумской обл. (Украина). Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах. Несколько лет возглавлял издательство «СофтДизайн». Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

За успехи в издательском деле удостоен премии им. В.И. Муравленко, награжден грамотой губернатора, знаком «Четвертая власть».

В настоящее время возглавляет издательство.

Н.М. Чукмалдин в «Ирбитском ярмарочном листке»

Попытка найти нового Н. Чукмалдина, неизвестного не только широкому читателю, но и исследователю, нами уже предпринималась¹. Вернуться на круги своя помогла сотрудница областного краеведческого музея М. Волкова.

Разбирая книги из библиотеки Н. Чукмалдина, хранящейся в фондах ТОКМ, ей пришла в голову мысль заглянуть в альбом «Тюмень глазами художника, фотографа и путешественника XVII—XX вв». Она реализовала желание и обнаружила на одной из страниц альбома, составленного Н. Сезевой, две цитаты из «Писем из Москвы». Марину Эриковну удивило, что ни одну из них не удалось об-

наружить в «Моих воспоминаниях» Н. Чукмалдина. Хотя в вышеназванной книге шла речь о

К.Н. Высоцком и о И.А. Калганове, но в альбоме совсем по-другому рассказывалось о выдающихся тюменцах XIX века. В теме появлялся поворот, за которым могло обнаружиться нечто, что дало бы возможность рассказать о жизни и творчестве нашего земляка.

Телефонный звонок Наталье Сезевой уточнил: она лично работала с «Ирбитским яр-

¹ См.: Лукич. 2001. Ч. 4.

марочным листком» и ошибки в цитировании не могло быть.

За чашкой кофе вновь прозвучала грустная нотка в наших сожалениях.

— Ах, как жаль, — сокрушалась Марина Эриковна, бросая свой взор на небесный угол старой церквушки, с годами трансформировавшейся в помещение музея. — Никак мы не научимся делиться тем, что знаем. И часто ищем информацию, которой уже кто-то владеет...

Проблема не нова. Особенно для краеведов. Последних и так раз-два и обчелся, а общей базы данных по тюменской тематике так и не существует. И,

бывает, порой ищешь то, о чем твой однохоббит (одно и то же увлечение) давно знает, но молчит как рыба об лед.

С той же Натальей Ивановной разные разговоры разговаривали, но ей так и не хватило то ли духу, то ли грозы, чтобы отделиться нашему журналу. И даже бесплатно. Может быть, с единственной статьёй. Все-таки вроде бы одно дело делаем.

Правда, на телефонные вопросы она всегда корректно отвечает... Был бы повнимательнее автор этих строк, наверное, и сам бы заметил разницу между публикацией Н. Сезевой и софтДизайновскими «Моими воспоминаниями».

Ирбитский ярмарочный листок. Год первый

«Ивановская ярмарка у креста привилась случайно на месте пустынном и безводном и, несмотря на эти неудобства, расширяется ежегодно; она растёт как пшеничное тесто на опаре. Положим, место неудобное для ярмарки; ей теперь или позднее нужно переселиться, но куда переселиться, пусть рассудят те, которые заинтересованы этой ярмаркой со стороны ли предложения или со стороны запроса. А со стороны тех, которые желают водворить у себя Ивановскую ярмарку, могут, к облегчению выбора, ука-

зать только ярмарочной публице на те удобства, которыми преимуществует предлагаемая местность»².

По распоряжению Ирбитской городской думы в очередной раз в г. Ирбити открыта ярмарка для свободной торговли с 1 февраля по 1 марта 1863 г. Уже на следующий день вышел первый номер газеты «Ирбитский ярмарочный листок», который сообщал: «По 1 февраля 1863 г. прибыли в г. Ирбить: ...редактор «Ирбитского ярмарочного листка» А.Д. Крапивин с типограф-

² *Шабунин*. [О споре между Тюменью и Ирбитью: где быть ярмарке] // Ирбитский ярмарочный листок. 1867. № 18 (22 февр.). С. 69.

скими принадлежностями и прислугою».

Газета пыталась копировать губернские ведомости: она имела две части — официальную и неофициальную. В первой публиковались документы, касающиеся прибывших на месяц в город. Так, в №1 были опубликованы «Правила ярмарочного купеческого клуба». Членами клуба могли стать «дворяне, чиновники, стоящие на службе, и именитые артисты». Учредителей клуба и первоначальных его членов должно было быть 100 чел. Цитировать правила

далее вряд ли необходимо, но есть пунктик, соблюдение которого скрасило бы нашу жизнь сегодня: «При баллотировании запрещаются всякие рассуждения о членах, как в пользу, так и в предосуждение их. Кто сие нарушит, тот подвергается платежу штрафа в пять рублей серебром». Более того, общие правила предусматривали: «§ 21. Никакие разговоры о правительстве, вере или оскорбительные рассуждения, вовлекающие в ссору или клонящиеся к личности, терпимы быть не могут; нарушивший это подвергается денежному штрафу, смотря по вине, от 5 до 15 руб.

№ 18. ИРБИТСКИЙ ЯРМАРОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ. № 18.
ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Среда, 22 Февраля 1867 года

Между Ирбитом и Тюменем существует особый способ по торговле лошадей, как выходящих из Ирбита. И торговля-такая весьма плоха, так что 1866 году между ними торговля была совсем не успешна. Ирбитский помещик, какой-то не помню имени, прислал для своей супруги лошадей из Тюмени в Ирбит. Продавца лошадей звали Иваном, но, как известно, в Ирбитском округе нет лошадей из Тюмени.

Помещик из Тюмени назначил ирбитского купца Петрушу Петруша за 100 рублей, но, как видно из вышеназванного, он не согласился, так как лошадей не было в Ирбита. Ирбитский помещик за 100 рублей, и в Тюмени, ирбитскому купцу за 100 рублей, но, как видно из вышеназванного, он не согласился, так как лошадей не было в Ирбита. Ирбитский помещик за 100 рублей, и в Тюмени, ирбитскому купцу за 100 рублей, но, как видно из вышеназванного, он не согласился, так как лошадей не было в Ирбита.

Помещик тоже хотел по торговле ирбитского купца, но, как видно из вышеназванного, он не согласился, так как лошадей не было в Ирбита. Ирбитский помещик за 100 рублей, и в Тюмени, ирбитскому купцу за 100 рублей, но, как видно из вышеназванного, он не согласился, так как лошадей не было в Ирбита.

1-я страница «Ирбитского ярмарочного листка. 1867. №18.

серебром, или исключаются из клуба по важности случая».

В официальной части помещались указы правительствующего сената, порядок взимания налогов с недвижимых имуществ в городе, проект правил о раздаче внаем лавок гостинного двора на время ярмарок, перепечатки из «Биржевых ведомостей», «Пермских губернских ведомостей».

Неофициальная часть была в первый год издания, пожалуй, менее разнообразна. Сообщалось, кто прибыл из купцов I—III гильдии в Ирбит, а по окончании ярмарочного сезона — убыл. В «Торговых извести-

ях» сообщали о ценах у продавцов тех или иных территорий, о наличии товара. Иногда помещали фельетон, подписанный инициалами, идентичными с редакторскими «А.К.».

Газета издавалась на четырех страницах (кроме №14, который увидел свет двухстраничным). Последняя из них в первый год издания практически всегда была чистой (за исключением №12). Издание имело сквозную нумерацию страниц начиная с первого и заканчивая последним номером сезона.

Начиная лишь с пятого номера газета начала обращаться к участнику ярмарки: «Редакция ярмарочного листка приглашает гг. торгующих заявлять ей о законных нуждах и видах по торговле на ярмарке, поставляя приятною обязанностью и за большое удовольствие все статьи по этому предмету помещать в ярмарочном листке».

В 1863 г. в период ярмарки (февраль) вышло 22 номера. В последнем из них редактор А. Крапивин поблагодарил военного губернатора Александра Григорьевича Лошкарева за помощь в преодолении препятствий при издании газеты. При этом сообщалось, что выручка за газету составила 1200 руб., что позволило «с избытком покрыть все расходы. Мы совершенно осознаем, что листок не вполне достиг тех результатов, которые мы себе предположили; главный недостаток его заключается в том, что отдел о местных торговых сведениях не получил надлежащего развития. Корреспонденты, вызвавшиеся в этом содействовать нам, оказались перед невозможностью доставить сколько-нибудь положительных интересных сведений по новости дела, к которому они заблаговременно приготовлены не были».

Четверть века до «Писем из Москвы»

В газетных хранилищах РГБ, РНЦ и БАНе подшивки «Ирбитского ярмарочного листка» за 1864 г. не оказалось. Хотя в национальной библиотеке в каталоге, изданном отдельной книгой, есть данные о наличии таковой.

Но в 1865 г. Н. Чукмалдин уже значился в числе авторов. Он писал о продаже пушнины (горностая, белки), мануфактур-

ных бумажных товаров, кяхтинских чаев (1865. №6. С. 82). Но после критики одним из читателей заметки Николая Мартиняновича последний написал пару абзацев в свою защиту: «Не спорю, я был бы достоин порицания, если бы искажил факты и нагородил какую-то чепуху, ни на чем не основанную; но я все-таки смею думать, что факты, на которых основана замет-

И хотя в 1869 г. фамилия Н. Чукмалдина ни разу не мелькнула на страницах «Ярмарочного листка», в прибавлении к №23 (последнему номеру сезона) напечатано: «В заключение нельзя не поблагодарить за участие всех сотрудников Листка, особенно много сделавших по отделу торговых известий...». И среди нескольких фамилий значится и Николай Мартинович.

В год, который упоминали абзацем выше, была опубликована еще одна корреспонденция из Тюмени А. Иконникова (№20. С. 89–90).

Случай, когда инициал «Ч», несомненно, принадлежит Н. Чукмалдину — в №15 (С. 59–60) за 1870 г. В письме 1-м «С ярмарки» автор пишет: «Цены на известные сорта бумаги и условия кредита я буду все-таки рассказывать так, как это существует на самом деле, хотя, как слышно, многим это не нравится <...>. Ошибка их состоит в том, что они думают, что погибло все, если расскажется в газете». Спор, который был начат пять лет назад и, несомненно, обидел автора заметок 1865 г. о торговле бумагой, продолжался. Автор немного отошел от обиды и робко, одним инициалом, начал давать о себе знать.

На первом номере и закончилась нумерация писем. Но уже в одном из следующих но-

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ.

слышанные фотографов Высоцких, с оригинальной и замечательной картиной художника Калганова, представляющей въезд Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича из г. Тюмень 27 июля 1868 года, продаются в чайном балагане Чукмалдина и Глазунова. Желающие приобрести такие снимки могут одновременно делать заказы. Тут же продаются фотографические снимки с труппы, изображающей Великого Князя Владимира Александровича и снись сопровождавшей Его Высочество в путешествие по Сибири.

Может, здесь, на ярмарке, и появилась у К.Н. Высоцкого идея о «Сибирском листке объявлений».

Ирбитский ярмарочный листок. 1869.
№15 (20 февр.). С. 60.

меров (С. 68–69) Ч. пишет «О пароходстве в Западной Сибири». Упоминается завод Гуллета, пароходства гг. Колчина и Игнатова.

И лишь через год, в 1872 г., количество писем достигает трех (№9. С. 34; №10. С. 38; №12. С. 45–46). Но в этот же год начинается появляться подпись «Русский купец». Он публикует подборку материалов под общим названием «С ярмарки: Из писем русского купца». В одном из них он сообщает, что у газеты подписчиков 200 с небольшим: «Отчасти от малого содействия публики в доставлении сведений, отчасти скромной обстановки типографии, ну, отчасти, может, и от редакции».

Впервые Н. Чукмалдин опубликовал рецензию «Еще заметка о спектакле» (№9. С. 35–36). А в одном из следующих номеров «Русский купец»

писал: «Вблизи сидят резонные люди из купечества. В руках у них Ярмарочный листок, которому делаются упреки за понижение цен на кожи. Читается статья о коже (здесь отступление от хронологического порядка, но авось читатель не догадается): «Соображая все это, можно сказать, что в данный момент цена на сырые кожи выше против цен Ишимской ярмарки около 10%»».

Чтец делает паузу и замечает:

— Ну уж видно, что кожевенный торговец пишет.

Читает еще и видит подпись под статьей Н. Чукмалдин, который был тут же на лице. Разговор с кож переходит на статью того же Чукмалдина о спектакле 6 февраля и о высоком драматизме г. Вехтера. Идут шутки на счет автора статьи о коже и высоком драматизме» (1872. №11. С. 42–43).

А. Ик-въ в статье «Пароходный вопрос» (1872. №20. С. 75–76) сделал автору этих строк небольшое открытие: «Фирмы Колчина и Игнатова имеют свое определенное дело — перевозку арестантов и пассажиров с ограниченным количеством клади, какое может поместиться на баржах за размещением арестантов и конвоя».

Два года «Ирбитский ярмарочный листок» не издавался: «...малый интерес «Листка» и потому делавший его как будто бременем неоправдываемых на

него расходов заставил городское общество в 1873 году основательно его изданием». Редактор А. Шмидт сообщил читателю: «...возобновленный «Листок», как и прежний, выходит по подлежащей ему программе, вопреки требованиям некоторой части публики, без фельетонного отдела... редакция сама же совершенно убеждена, что сатира и юмор, свойственные фельетону, не улучшают общественных нравы. Сатира... по своему нечистому началу не может иметь ничего общего с истиной, за которую она всегда так бесправно берется стоять, и вернее всего отчуждает от нее людей... Юмор же — послед сатиры... части нашей программы, которая обуславливает развитие и содержание «Листка» (1875. №15 (18 февр.) С. 72).

В год, когда Ярмарочный листок возобновил свое издание, Н. Чукмалдин опубликовал два письма (1875. №15. С. 70–71; №23. С. 1–3). На конец сезона листок имел 129 подписчиков.

Не удалось пока отыскать «Ирбитский ярмарочный листок» за 1876–1877 гг.

В 1878 г. помещено два материала А. Павлова: «Пароходство по рекам Западной Сибири» (№7. С. 42–43; №8. С. 50–51; №9. С. 58–59), «Новый путь к Сибирским богатствам» (№23. С. 165–166). Зато подписи «Ч» в избытке. Снова четыре публикации под римской

нумерацией (С. 113–114; 122–123) без подчеркивания эпистолярного жанра. Автор узнаваем: «Хваля хорошее, не следует забывать дурное... или, по крайней мере, не называть недостатки достоинствами... Никакой фабрикант не будет заводить фабрики, не задавшись целью личной наживы. Если бы и нашелся такой человек, то конкуренция других фабрик задавила бы его очень скоро» (С. 122). В третьей корреспонденции речь о чае (№18. С. 130), в четвертой (№20. С. 142–143) — о торговле кожами: «Куплена часть партии сала г. Подаруевым для отправления в Лондон по Северному пути на вновь строящихся в Тюмени морских шхунах г. А.К. Трапезникова» (С. 142).

В №24 на публикацию в №27 «Русских ведомостей» появляется «Ответ г. Ч-ну» (С. 175–176), в котором автор г. Образцов убежден: «Бросать камень из-за угла и писать опровержение под псевдонимом — это, по мнению литературы, одно и то же». На что редакция ставит внизу страницы сноску: «Г. Ч. — постоянный сотрудник «Листка», известен большинству читателей и, по всей вероятности, самому г. Образцову; только фамилия в подписи обозначена начальною буквою безо всякого, мы думаем, намерения скрыть фамилию».

1880 год весь неурожайный по количеству знакомых авто-

ру этих строк имен. Пожалуй, единственный А. Павлов со статьей с продолжением: «Забота русских царей о сибирской торговле в XVI–XVIII столетиях» (№18. С. 110–111; №19. С. 116–117; №20. С. 122–123).

На протяжении нескольких лет (1882–1884) в «Листке» печатаются театральные рецензюшки, статьи о приготовлении чая в Китае за подписью «Сибирский купец» или «Русский купец». Кто за ними скрывается?

В 1886 г. редактором «Ирбитского ярмарочного листка» стал бывший в то время городским головой В. Иконников. Сложно сказать почему, но в это время пропала фамилия Н. Чукмалдина со страниц газеты, пропал даже намек на его существование.

Начинаются в большом количестве публикации Ильи Семеновича Левитова. Кто сий корреспондент газеты? Он пишет много о Сибири, и о Тюмени в частности. Библиотеки разного уровня (вплоть до Тюменского областного краеведческого музея) сохранили не одну брошюрку, подписанную его именем. «Одно из частновладельческих хозяйств в Западной Сибири» (1893), «Путеводитель по Западной Сибири» (1884), «Сельскохозяйственные нужды Западной Сибири» (1892), «Сибирские коршуны: Монополии и их влияние на сельское и лесное хо-

зайство Сибири» (1894), «Сибирские монополисты» (1892), «Сибиряковский тракт на Север» (1887), «О необходимости опийной реформы на Дальнем Востоке» (1901), «Желтая Россия» (1901) и др. С одной стороны, автор знает хорошо сибирскую тему, с другой — он автор «Путеводителя по центру Москвы» (1881–1882). Т.е. как журналист он ни в чем не должен был уступить по знанию темы Н. Чукмалдину. Два медведя в одной берлоге? Но Н. Чукмалдин по какой-то причине перестал печататься в «Листке»...

Лишь проф. С.А. Венгеров сумел внести лепту в определение имени: «сибирский беллетрист и этнограф» (Т. III. Пг., 1814. С. 417).

За три года редакторства городского головы И. Левитов опубликовал около десятка заметных статей: «Бухарцы Тюменского округа Тобольской губернии» (1886. №19. С. 102–103; №20. С. 108–109), «Западно-Сибирский водный путь и Сибирский транзит» (1886. №22. С. 118–119), «Ярмарочные заметки» (1886. №21. С. 114–115) представляют целый кладезь информации для тюменских краеведов. Не удержусь, чтобы не процитировать из них: «В Тюмень лет пять-шесть тому назад приехал французский ученый. Интересуясь техническими производствами в Сибири, он попросил, имея у себя постоянно

толмача, свезти его к некоторым сибирякам для знакомства, что очень легко делается, понятно, скуки ради. Там он узнал, что главная производительность Тюмени — кожевенная. Он отправился отсюда прямо на кожевенный завод; хозяин его очень радушно принял; между ними завязался очень интимный разговор; ученый делал все время заметки в памятной книжке. Но без закуски, говорит пословица, не красна беседа.

В это время как раз поднялась сильная буря, и радушный хозяин отправил человека закинуть неводь.

К счастью, поймана была какая-то большая рыба, что, нужно заметить, — очень редко случается в Туре, так как я еще никогда не видывал подобной грязной реки. В ней промывается ежегодно несколько сот тысяч кож; при мне в 1884 г. промыто 627000 кож на про странстве одной версты в центре города; колодцев в городе нет, и жители пользуются исключительно каким-то болотом, образующимся из промытых кож крупного рогатого скота всей Западной Сибири.

Хозяин занялся тотчас же приготовлением ухи. В это время подоспели еще некоторые гости, которые занимали француза, интересовавшегося как образованный человек всеми его окружающими. Гости успели уже закусить и выпить по несколько рюмок, а уха в это время по-

доспела. Один из пришедших в то время гостей, тоже богатый тюменский купец, на днях скончавшийся, изрядно выпив, заговорил с французом о Наполеоне, о 1812 г. Француз в простоте душевной спросил, как они, сибиряки, поступали в этом незабвенном для России году.

А вот как с вами поступали, ответил купец, снял кастрюлю с ухой и вылил ученому на голову.

Француз, может быть, рассчитывал быть обезглавленным где-нибудь в Тибете фанатиками монголами, но во всяком случае не рассчитывал на такой прием в воротах Азии, где не фанатизм, а отсутствие чувства собственного достоинства играет первую роль. Они его, должно быть, при этом еще обварили. Француз немедленно оставил Тюмень».

Учитывая, что И. Левитов для нас — terra incognita, приведу все его обнаруженные публикации в «Ирбитском ярмарочном листке».

— Несколько слов сибирскому купечеству по поводу Сибирской выставки в 1887 г. (№10. С. 56–57; №11. С. 61–62): «Самым удобным местом в Тюмени для промышленного музея есть, несомненно, реальное училище. Оставшиеся после выставки предметы (если кто только пожелает пожертвовать их для музея) увеличат и без того уже прекрасную коллекцию директора реального учи-

лища И.Я. Словцова. В настоящее время ежегодно посещают собранную трудами г. Словцова коллекцию до 600 человек».

— Сибирская дезинфекционная печь (1887. №16. С. 91–92). — Автор говорит в ней о Тюмени, которая «служит и будет служить отныне местом, откуда эта болезнь (*дифтерит*). — Прим. издателя) распространяется по всей Сибири». В Тюмени образовался временный Тюменский переселенческий комитет под председательством сибирского пароходовладельца Ив. Ив. Игнатова.

— Необходимость основания речной школы в Западной Сибири (1887. №19. С. 107–108; №20. С. 111–112; №21. С. 117–118). — Автором поднимается вопрос «об устройстве пароходской школы именно в Тюмени на Жабынском заводе, где зимует наибольшее количество судов».

— Успенская писчебумажная фабрика А. Щербакова и К^о (1889. №1. С. 3–4; №2. С. 11–12; №3. С. 17). — И. Левитов обеспокоен, что директора фабрики до сих пор не позаботились об удобном пути сообщения с Тюменью этой фабрики, куда последняя должна была доставлять бумагу для дальнейшего следования в Сибирь.

В 1890 г. произошли в газете метаморфозы: исчез И. Левитов, а вновь появился Н. Чукмалдин. И дебютировал своими «Письмами из Москвы».

«Письма из Москвы» —
 предтеча «Моих воспоминаний»

Почти на излете ярмарочного сезона (1890. №14. С. 81) публикуется письмо I. В нем автор пытается обосновать необходимость своих посланий ирбитскому читателю: «Письмо из Москвы в такой деловой орган, каков «Ярмарочный Листок» должно, по-моему, и носить такую же деловую физиономию, каков он сам. Публике, съехавшейся издалека на ярмарку, некогда пробавляться рассказами фельетонного свойства. Деловым людям, я полагаю, нужнее сведения, перед всем другим, о промышленности и торговле из такого центра России, каким исторически сложилась Москва, мощно влияющим на весь ход дел Ирбитской ярмарки. В этих сведениях не нуждаются те, которые приехали на ярмарку из внутренней России; но в ином положении находятся сибиряки, для которых правдивое сообщение в такое горячее время, как ярмарка, имеет важное значение и цену...».

Уже в 1890 г., хотя в момент первой публикации ярмарка достигла практически середины своего существования, Н. Чукмалдин успел опубликовать 7 писем.

1890. Год издания 26-й.
 I—II. № 14. С. 81—82.
 III—IV. № 15. С. 87—89.

V. № 17. С. 99.
 VI. № 18. С. 106.
 VII. № 26. С. 156.

1891. Год издания 27-й.
 I. № 6. С. 33.
 II. № 8. С. 45.
 III. № 9. С. 52.
 IV. № 10. С. 60—61.
 V. № 11. С. 65—66.
 VI. № 15. С. 93.
 VII. № 18. С. 111.
 VII*. № 25. С. 153—154.
 VIII. № 26. С. 158—159.

1892. Год издания 28-й.
 [Б.№]. № 8. С. 40.
 [Б.№]. № 11. С. 59—60.
 [Б.№]. № 14. С. 76.
 [Б.№]. № 19. С. 106.
 V. № 22. С. 121.
 VI. № 26. С. 140.
 VII. № 27. С. 146.

3 ноября умер Алексей Григорьевич Хитров 48 лет от роду, редактор «Ирбитского ярмарочного листка» в 1869—1872 гг. Открыл типографию в 1872 г.

1893. Год издания 29-й.
 I. № 7 (31 янв.). С. 27.
 II. № 8 (1 февр.). С. 30—31.
 III. № 11 (4 февр.). С. 48.
 IV. № 13 (6 февр.). С. 56.
 V. № 16 (9 февр.). С. 71—72.
 VI. № 25 (18 февр.). С. 124—125.

* Ошибка допущена в издании.

VII. № 30 (23 февр.). С. 145–146.

VIII. № 31 (24 февр.). С. 151.

1894. Год издания 30-й.

I. № 5 (29 янв.). С. 16.

II. № 8 (1 февр.). С. 28.

III. № 10 (3 февр.). С. 36.

IV. № 12 (5 февр.). С. 44.

V. № 18 (11 февр.). С. 68.

VI. № 24 (17 февр.). С. 95.

VII. № 25 (18 февр.). С. 98.

VIII. № 26 (19 февр.). С. 102.

IX. № 27 (20 февр.). С. 106.

В подшивке за 1894 г. удалось обнаружить две публикации Мамина «О продаже казенных заводов» [№20 (13 февр.) и №21 (14 февр.)]. Печатался в «Ирбитском ярмарочном листке» и А. Крылов. В его статье «Ковровое производство в Тюменском округе» [№32 (25 февр.). С. 1–2] автор утверждает: «Две волости — Успенская и Каменская — являются центром коврового производства». Здесь же идет речь о К.Н. Высоцком, который пытался улучшить производство ковров.

1895. Год издания 31-й.

I. № 1 (25 янв.). С. 3.

II. № 3 (27 янв.). С. 11–12.

III. № 5 (29 янв.). С. 18.

IV. № 7 (31 янв.). С. 26.

V. № 8 (1 февр.). С. 30.

VI. № 11 (4 февр.). С. 45.

VII. № 12 (5 февр.). С. 51.

VIII. № 15 (8 февр.). С. 66.

IX. № 19 (12 февр.). С. 82–

83.

X. № 21 (14 февр.). С. 89.

В публикации Н. Чукмалдин попробовал оценить себя как автора эпистолярного жанра: «...некоторые лица, торгующие на ярмарке, моими корреспонденциями недовольны. То же приходится сказать и о Москве. Я сам иногда подмечаю недовольную мину знакомого лица, когда приходится коснуться известного дела или положения. Но что же следует из этого? Ведь не могу же я заставить себя сказать, что товар такой-то дорог, когда он на самом деле дешев... Но как быть с тем, когда фабрикант заготовил изделий выше потребности, оптовый торговец накупил для ярмарки товаров больше, чем нужно, и оба желают, чтобы публика думала, что товаров у них мало, и торопилась своими закупками? Скажите же мне и укажите способ, каким путем сказать правду, не обижая затаенной мысли первых и наивности последних?.. Я... большую часть моих сведений посвящаю тем лицам, которые приехали на ярмарку из Сибири и не вполне знакомы в данный момент с состоянием Московского рынка. Живя здесь и вращаясь в деловой среде, я знаю кое-что из первых рук и не могу сообщать неверных сведений...»

Попытка оправдаться перед читателем уже была. Тридцать лет назад. По тому же поводу (см. выше).

XI. № 22 (15 февр.). С. 92–93.

XII. № 25 (18 февр.). С. 104.

XIII. № 27 (20 февр.). С. 112.

XIV. № 28 (21 февр.). С. 116–117.

XV. № 32 (25 февр.). С. 127.

В № 21 (С. 89) помещена публикация А. Крылова «Обдорская ярмарка».

1896. Год издания 32-й.

[Б.№] № 1 (25 янв.). С. 3.

II. № 10 (3 февр.). С. 38–39.

III. № 11 (4 февр.). С. 44.

IV. № 13 (6 февр.). С. 51.

V. № 14 (7 февр.). С. 57–58.

— Публикация на одну из любимейших тем — о чае.

VI. № 15 (8 февр.). С. 63.

VII. № 17 (10 февр.). С. 75–76. — О торговле сахаром.

VIII. № 18 (11 февр.). С. 81–82. — О кожевенной промышленности. О падеже скота в нагорной части г. Тюмени.

IX. № 20 (13 февр.). С. 91.

X. № 21 (14 февр.). С. 95.

XI. № 22 (15 февр.). С. 99–100. — О торговле в Сибири.

XII. № 23 (16 февр.). С. 105–106. — О предприимчивости русского человека.

XIII. № 24 (17 февр.). С. 108.

XIV. № 27 (20 февр.). С. 121.

XV. № 30 (23 февр.). С. 133.

Начинают появляться статьи, подписанные А. Кр-лов, А. Кр.

1897. Год издания 33-й.

I. № 4 (28 янв.). С. 15.

II. № 6 (30 янв.). С. 22–23.

III. № 7 (31 янв.). С. 27.

IV. № 9 (2 февр.). С. 35.

V. № 10 (3 февр.). С. 41.

VI. № 11 (4 февр.). С. 45.

VII. № 12 (5 февр.). С. 52.

VIII. № 14 (7 февр.). С. 61.

IX. № 15 (8 февр.). С. 66.

— В тексте упоминается имя К.Н. Высоцкого, его участие в создании фабрики ковров.

X. № 16 (9 февр.). С. 73.

XI. № 18 (11 февр.). С. 83.

XII. № 19 (12 февр.). С. 86–87.

XIII. № 20 (13 февр.). С. 93.

XIV. № 21 (14 февр.). С. 98.

XV. № 22. С. 102–103.

XVI. № 23. С. 106–107.

XVII, XVIII (и последнее). № 24 (17 февр.). С. 113.

В следующем, 1898 г. «Ирбитский ярмарочный листок» продолжает публиковать «Письма из Москвы», но со ссылкой на другие источники. Три перепечатки с «Русского труда», одна — «Санкт-Петербургских ведомостей». Он уже простился с читателем: «Но идут года, а мне уже шесть десятков лет, и пора сказать себе: довольно. Пусть идут на смену нам молодые образованные силы и несут с собою новые идеи и новые приемы. Привет им.

Я же прощаюсь навсегда с моими ярмарочными читателями».

Но Николай Мартинианович не смог проститься с «Листком». В 1899 г. газете исполнилось 35 лет. «В юбилейный год «Ирбитского ярмарочного лист-

ка» я посылаю свое приветствие в виде нескольких писем, подходящих к программе газеты и касающихся некоторых сторон нашей жизни. Треть этого письма послужит памятной заметкой бывшим читателям, которые меня еще не забыли как бывшего сотрудника «Ирбитского ярмарочного листка», удалившегося на покой и не могущего уже более продолжать постоянные беседы с вами о текущих новостях промышленной Москвы», — так начиналось первое письмо 1899 г. (№9. С. 34–35).

Не исключено, что в «Русском труде», страдающем антисемитизмом, Чукмалдину было неуютно. К тому же тот год был последним для шараповского издания*.

II. № 10 (3 февр.). С. 38–39. — О качестве чая.

III. № 11. С. 42. — Это и два последующих письма — о захвате иностранцами многих «отделов нашей промышленности».

IV. № 12. С. 46–47.

V. № 13. С. 50.

В этот же год «Листок» перепечатал из «Русского труда» «Нечто о чае» — 4 публикации — без указания автора, из «Санкт-Петербургских ведомостей» — две.

Последнее «Письмо из Москвы» было напечатано в №24 (С. 106–107).

В №1 за 1900 г. печатали некролог Е.А. Иконникова, 10 лет возглавлявшего «Ирбитский ярмарочный листок», период, в который и появились «Письма из Москвы», фрагменты которых стали основой «Моих воспоминаний» Н. Чукмалдина, появившихся в печати отдельной книгой после смерти автора с легкой руки С. Шарапова...

Судя по опубликованным в данном номере журнала письмам, можно смело сказать, что они стали основой для второй части книги «Мои воспоминания». А вот по какому принципу письма были отобраны, почему некоторые их куски отредактированы до неузнаваемости, какова роль Шарапова во второй части «Моих воспоминаний»? В конечном итоге, логично встает вопрос: кто монтировал книгу из писем, публиковавшихся в «Ирбитском ярмарочном листке» на протяжении почти десяти лет?

Перчатка исследователю брошена. Вот только кто ее поднимет?

* Подробнее см.: Лукич. 2001. Ч. 1. С. 5–11.

Письма из Москвы

VI*

Говорят, торговля — спекуляция. Да, если смотреть на нее, что она, взятая в целом, есть посредник, которого должен оплачивать потребитель, нет — если признать ее необходимым агентом, без которого немислимо промышленное развитие. Номад, приведя на рынок-базар своего барана и меняя его на чугунный котел, необходимый в хозяйстве, не совершает спекуляции. Он обменял один предмет на другой, более ему нужный, и, говоря, совершил только *мену* — эту первую ступень купли-продажи. Другой раз тот же номад, сидя у огня своей кибитки, выменял у соседа лишнего барана на папушу табаку и потом на том же базаре, куда возил первого барана, променял и своего, и выменянного баранов на два топора, за которые у себя дома ему охотно заплатили трех баранов. К первому примитивному обмену предмета на предмет примешался более сложный ряд действий, некая комбинация обдуманного расчета, выгоды, и появилась первая ступень спекуляции.

Общество из степного, пастушеского состояния перешло в земледельческое. Члены его перестали менять товар на товар и вступили на новый путь купли-продажи — за деньги. Они умеют считать, как выгоднее продать и как выгоднее купить. Знание расчета, времени и места — основная черта спекуляции. Если бы не нужда, которая идет наперекор всякому знанию, любого земледельца нельзя было бы заставить продавать свои продукты в то время, когда они дешевы, и покупать, когда они дороги. Только эта нужда и заставляет его продавать другому дешево и покупать у другого дорого, потому что этот другой такой нужды не имеет и владеет уже некоторым избытком денег. Эти последние люди того же класса и строя, как первые, характерно начинают именоваться зажиточными, имея большое преимущество перед первыми. У них, кроме силы, общего труда и знания, появилась еще придаточная сила — капитал, деньги, — которая не только устранила нужду, но и дала им возможность комбинировать ее, как им угодно, в лю-

* Ирбитский ярмарочный листок. 1893. №25 (18 февр.). С. 125.

бое время и на любом месте. Покупать для будущего и рассчитывать продавать в будущем — это уж такая видная ступень спекуляции, что даже мирный русский народ окрестил ее именем резкого словечка «кулачества». Кулачество и спекуляция — синонимы, нижняя и верхняя ступени одной и той же лестницы. Первая — грубая ступень едва обтесанного дерева, а последняя — изящная мраморная лестница, по которой идут люди к одной и той же цели — умножению капитала.

Поднимитесь еще выше. Приемы торговой спекуляции в ширь и глубь расширяются. Явились продажи в кредит товаров наличных, товаров будущих, которых еще не существует; товаров фиктивных, которых, быть может, никогда и существовать не будет; явились купли-продажи денежных знаков на другие денежные знаки, наличных, будущих, сперва на сроки 2–3 недель, потом на месяцы и, наконец, на целый год вперед; явились сделки на разницу: курса, цен товаров, процентных бумаг, двойной сдачи количества и проч., и проч., чего не перечтешь и не перескажешь. Нужно долго вращаться в этой высшей среде спекуляции — торговле, чтобы только освоиться и понять все ее обычаи и законы.

В большом торговом центре трудно найти промышленника и торговца сколько-нибудь

крупного, который бы не спекулировал в какой-либо своей специальности. Вот солидный фабрикант бумажной пряжи, только покупающий хлопок как материал для пряжи и пряжу как фабрикат своей прядильной фабрики. Со стороны глядя, кто может сказать, что он спекулирует? Но он купил американский хлопок на английские деньги — пенсы и фунты стерлингов — с платежом чрез шесть месяцев. Ему нужно платить их в срок, т.е. покупать у банка или банкира. Но кто же знает, какая будет цена в то время (курс)? И наш фабрикант силою вещей старается найти момент во все продолжение 6-месячного срока, когда, по его расчету, он может выгодно купить их. Покупать фунты стерлингов на срок — совсем не значит, что их нужно немедленно принимать и платить деньги. Приемка и платеж денег производится в день срока. В сущности, совершается только сделка — условие, что по такой-то цене в такой-то срок один обязан сдать, а другой принять определенное количество английских денежных знаков. Сделка по обыкновению завершается взаимными письмами с краткими изложениями главных условий.

Другой раз тот же фабрикант пряжи имеет еще только в виду покупку хлопка и уж заранее обеспечивает себя, покупая вперед фунты стерлингов,

на целый период времени, для платежа за хлопок фиктивный, некупленный и лишь предложенный к покупке. Случается от такой операции и выигрывать, и проигрывать. Не дальше прошлой недели были подобные покупки 20 т. ф. с. по 96,80 за 10 фунт. стерлингов, а через несколько дней курс поднялся до 95,05. Ясное дело, что купившие такие партии английских знаков были уверены в выгодности такой операции, были убеждены, что в ближайшее время курс рубля упадет и они выиграют. Случилось наоборот — и они проиграли.

Оптовый торговец мануфактурных товаров, видя, что дорожает хлопок, покупает миткаля на прием в сроки партии в 10, 20, 100 тысяч кусков определенной ценою за аршин с расчетом и убеждением, что цена на миткаль ко времени приема повысится. Миткаль ему не нужен, он ничего из него не фабрикует и лишь только рассчитывает на повышение цен и продажу в другие руки.

Крупный сахарный рафинер в одно и то же время покупает и продает песок урожая будущего лета. Он лучше всякого другого знает, что никто не может поручиться, будет ли хорошей урожай свекловицы или не будет, потому что самая земля для посева лежит еще под глубоким покровом снежного слоя. Но он покупает, принимая во внимание сложные ком-

бинации, только некоторым в полноте известные, и дает крупные задатки. В то же время он и продает песок, иногда даже не только не имея его, но продает, не имея даже покупных записок, в одном расчете — купить дешевле, чем продал. Так, недавно была продана партия песка в 160 тыс. пудов по 4,80, сдать в Москве по 20 т. пуд. в месяц, начиная с сентября текущего года.

Владелец небольшого количества наличного капитала идет на биржу и покупает 1000 акций грязе-царицынской железной дороги по 167, с задатком — обеспечением 10 на штуку. Повысятся чрез неделю эти акции на 10 р. — он их продает и наживает 10 т. р., а понизятся на 10 руб. — он теряет свои 10 т. р.

У всех один расчет — на разницу цен — и только одно различие — в степени риска. Один основательно знает свое дело и умеет оценивать величину шансов успеха и неудачи; другой же увлекается слухами и бросается на дело очертя голову. У первого редко бывает неудача, а второй редко избегает разорения. Как назвать иначе все подобные действия, как не спекуляцией? Они таковы и есть на самом деле. Суть и мудрость всякого промышленника, всякого торговца заключается в кратком выражении: *купить дешевле — продать дороже*. Таким образом, вся мировая

торговля основана на разнице цен между покупкою и продажей какого хотите объекта, из которой возникают и растут те колоссальные состояния, о которых мы знаем в настоящее время. Негодуйте, если угодно, на эти условия, но они таковы, и изменить их мы не в состоянии. Нет еще беды, если область промышленности и торговли развивается нормальным путем и ее удерживает на известном уровне взаимная конкуренция. Но беда наступает тогда, когда возникает монополия, у которой нет противника — конкуренции, и она властно начинает распоряжаться карманом потребителя.

Москва, 4 февраля 1893.

VIII*

Позвольте сегодня говорить о коренном ирбитском жителе, талант которого делает честь месту его рождения. Я разумею безвременно погибшего художника *Ивана Александровича Калганова*. Нигде об этом самородке не писано, и знает ли кто его из местных ирбитских обывателей, кроме тесного кружка почитателей, это подлежит большому сомнению. Между тем в лице Калганова Ирбит потерял такой могучий талант сатирического жанра, что позволительно занять о нем немножко места в страницах «Ирбитского Ярм. Листка». «Лучше поздно, чем никогда», — гласит

народная поговорка, и пусть несколько слов послужат венком на забытую могилу художника.

Иван Александрович родился в Ирбите, если не ошибаюсь, в 1852 г. и умер в Тюмени в 1882 г., не получивши ни общего, ни специального образования; нигде не учившись живописи, покойный, однако, был выдающимся художником, творцом. На свои картины И.А. успел обратить внимание, живя даже в таком глухом городишке, как Туринск. Там его заметил бывший тобольский губернатор г. Деспот-Зенович и почти насильно определил его учителем рисования в местное уездное училище. Мне ознакомиться с произведениями И.А. удалось в Тюмени в 1873 г., где я случайно увидал у некоторых тюменцев несколько рисунков, исполненных карандашом Калганова. Из Тюмени я завернул в Туринск, где тогда жил И.А. Познакомившись здесь с ним и видя его горячее желание получить художественное образование, предложил ему возможность поехать со мной в Москву для поступления сначала в училище живописи и ваяния, а потом в академию художеств.

В Москве его обласкал и охотно принял для занятий директор училища Трутовский, но... но первый же приступ не перестававшего преследовать покойного запоя прекратил эти занятия.

* Ирбитский ярмарочный листок. 1893. №31 (24 февр.). С. 151.

После неудачной попытки получить художественное образование Калганов жил в Москве еще два-три года, пробавляясь обыкновенно писанием портретов, но в светлые минуты своей горькой жизни он сумел создать ряд картин и рисунков высокохудожественного значения; большинство их собрано мною и пожертвовано в тюменский музей при Александровском реальном училище. Там целая серия рисунков на темы Некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо», а также серия «Сцен из ночлежного дома», полных драматизма. Но у меня остаются еще три его картины, писанных масляными красками: «Директор гимназии на завтрак у смотрителя уездного училища», «Картежники, обыгрывающие свою жертву» и «41-й сеанс художника». Все эти картины, когда не будет в живых фигурирующих на них лиц, не премину пожертвовать тому же тюменскому реальному училищу.

Во многих картинах покойный любил изображать себя в состоянии своей «болезни» и говаривал, что, поступая так, «он смеется слезами». Все его портреты в картинах — живые, говорящие лица; каждый из них, несмотря на юмористический сюжет, заставляет щемить сердце зрителя; при этом нужно знать, что лица на картинах имеют поразительное сходство со своими оригиналами. Он об-

ладал феноменальной памятью воспроизводить выражения лиц, позы, когда-либо им виденные, в которых вы сразу узнаете тех именно лиц и невольно воскликнете: «Верно, правда!». Бывало, шутя он делает несколькими штрихами карандаша поворот головы, улыбку губ, жест руки какого-нибудь знакомого человека, глядя на которые, разведешь только руками от удивления. Так это было всегда характерно, верно!

Калганов не был в школе скульптурного искусства, как он не был и в школе живописи, но природные силы таланта были так велики, что он вылепил из глины бюст своего знакомого тюменца, покойного Высоцкого, так жизненно и правдиво, что никто не хотел верить, чтобы человек, будучи только самоучкою, мог это сделать. Он вылепил также маленькую статуэтку «Плюшкин», полную юмора и правды, и, мне кажется, трудно найти лучшее создание этого типа из великой поэмы Гоголя. Покойный страшно любил и понимал Гоголя, а «Мертвые души» знал почти наизусть. Любимыми авторами его были Гоголь, Диккенс и Теккерей.

В светлые периоды жизни Калганов был скромный, прекрасный человек, тихого нрава, мало говорящий, тонко и много наблюдающий. О! как он умел тогда сразу угадывать слабую, забавную сторону каж-

дого человека и каким острым, кратким определением слова и карандаша характеризовал всякого субъекта.

Калганов умер и похоронен в Тюмени, могилы его не могли мне указать. Воздадим же по смерти должное безвременно угасшему таланту и скажем в заключение: мир твоему праху!

VIII*

Прозцветает теперь спекуляция во всевозможных видах и положениях. Спекулируют процентными бумагами, акциями банков железных дорог, паями товариществ — одним словом, спекулируют всякой бумагой с неопределенным дивидендом, как никогда еще не бывало и не случалось. Спекуляция приняла у нас размеры неслыханные и пустила в ход приемы, еще невиданные. Пошли в гору паи и акции не только частных банков, страховых обществ, железных дорог, крупных промышленных предприятий, но даже таких промышленных учреждений, о которых прежде знали мало и акторы которых покойно хранились в портфелях самих учредителей предприятия. Теперь совсем стало другое дело, совсем иным духом повеяло. Задумывается какое-нибудь новое предприятие, и, прежде чем написан самый устав, начинается уже вербовка покупателей паев, с премией к их номинальной стоимости.

Практика прошедшего года избаловала многих подобными удачами. Цены паям и акциям росли, как говорится, не по дням, а по часам, и потому охотников покупать ценности проектируемых еще учреждений всегда находится довольно, а котировка «кулисы» как бы узаконила фиктивное дело. Это значит, что официальная биржа такие ценности не признает, в бюллетенях их не помещает, но спекулянты вне биржи и на бирже производят ими сделки, как они производят сделки там же и на все другие законные бумаги. Человек 50—100 такой профессии, всегда юрких, нервных, скученных в одной группе, ажиотирующих, быстро сыплющих словами цифр, громко выкрикивающих название бумаг, и называются «кулисою». Покупая или продавая бумагу, они не говорят ее полного названия, не назначают полной цены. У них свои термины, своя арифметика: «Рыбинка 9; международный 25; Киевские 27». В переводе это значит, что они продают или покупают: акции Рыбинско-Бологовской железной дороги по 139, Московского международного банка — 525, Киево-Воронежской железной дороги — 427. Каждый, кто бывает постоянно на бирже, знает этот эзоповский язык, и никогда от такой неясности не возникает ни споров, ни пререканий. Жизнь подобных людей,

* Ирбитский ярмарочный листок. 1895. №15 (8 февр.). С. 66.

составляющих «кулису», по своей растлевающей профессии — ужасна. Они утром, до биржи, толкаются по всем банкирским конторам, желая узнать и разведать что-нибудь новое, для других неизвестное, чтобы на этом основать план целого дня: что сегодня покупать, что продавать. На бирже во время собрания они ловят на лету всякий слух, разносят его во все концы биржи, прикрашивая по силе своей фантазии, если он им выгоден; покупают или продают и выходят из биржи по заднему крыльцу в другую сутолоку, в настоящую толпу кулисы, в которой и проводят остальную часть дня в каком-нибудь грязном трактире. Так и проходит их время изо дня в день, сегодня, как вчера, всегда в страхе и волнении. Член кулисы малопомалу поступает своими правилами, если они у него были, считает дозволенным то, что, может быть, он еще недавно порицал, и доходит до того, что забывает, как вчера хвалил прочность известного учреждения, а сегодня выставляет его никуда не годным и погибающим. Такие люди иногда наживают крупные деньги и отходят прочь, но это такие редкие исключения, что, пожалуй, нет основания принимать их в расчет, характеризуя целую клику. Обыкновенно же среда ажиотажа, пагубная среда кулисы, втягивает в себя, как болото, каждого неосторожного, и записной

спекулянт часто сегодня богат, ворочает сотнями тысяч, а там, глядишь, в одно время и нет у него ничего, а сам он опять бегает биржевым зайцем. Основы его нравственного облика расшатаны, здоровье надломлено, и весь он как человек становится негоден к другому, более правильно труду и делу.

Весь прошлый год процентные бумаги поднимались, и спекулянты наживали деньги. У них появились ликующие физиономии, самоуверенные речи. Они считают себя умнее других людей. Но не сегодня-завтра появится реакция, наступит крах, и полетят кувырком их дутые капиталы.

Нравы бумажной биржи не знают деликатности и еще менее знают, что такое нравственность, справедливость, хотя и негодуют искренне, если какой-нибудь из среды биржевых дельцов откажется принять купленную бумагу. Резкое непечатное слово бросится продавцом в лицо такого человека, но как-то скоро потом и забывается. Чрез короткий промежуток времени человек «с эпитетом» снова среди биржи и кулисы и делает опять знакомое дело как ни в чем не бывало. Я не знаю, какие устои кроются в глубине их совести, руководящей их действиями, но я вижу, что у них нет того, что понимается в среде русского народа сердцем. Весь ум, вся энергия их направлены только

на то, чтобы наживать деньги, без излишней шепетильности к средствам, какими она достигается. Задумает ли сильный человек повысить цену известной бумаги, он не справляется о том, у кого она будет в руках в то время, когда цена ей вздута, и последний потерпит убыток. Какое ему до этого дело? На то и шука в море, чтобы карась не дремал. Но ведь он отлично и вперед знает, что совершает некоторую мистификацию, нечто фальшивое, показывая всем притворное убеждение, что вздуваемая им бумага прочна и что цена ей будто бы рассчитана по ее доходности, ниже той, какая должна быть в ближайшем будущем. Он уверяет даже, что у него на руках этой бумаги огромное количество листов и что он ни за что продавать их не будет. Шум поднят, цена растет, публика увлекается, а он в это время успевает продать все, что у него находилось на руках. Когда такая операция совершена и бумага в силу реакции в цене падает, сильный человек даже улыбается от удовольствия, какую он сделал ловкую штуку. Ему и в голову не приходит, что он совершил что-то такое, законами, правда, прямо не караемое, но нравственностью не хвалимое. К сильно-му всегда тянет слабого, и слабый просит сильного купить ему бумагу. Тот соглашается за куртажное вознаграждение и поку-

пает бумагу в одну и ту же биржу разными ценами, но ставит в счет заказчика ту, которая всех выше. Это считается принятым, официальная котировка цен его оправдывает, и он даже не подумает, что совершил некрасивое дело. Внешне он прав: такая цена на момент в бирже была. А чего же больше и можно от него спрашивать?

Да, недаром же на фронтоне биржевого здания красуется классическое олицетворение коварства и обмана!

XII*

От фабрики и завода, на которых живут и работают сотни тысяч рабочих, недалек переход к больному месту, который разумеется в России под именем кабака. Кто из русских людей не знает и не порицает этой печальной стороны народной жизни, которая приносит ему вред, равному которому нет во всей экономической и нравственной жизни?

Разоренная семья, холодная, покривившаяся изба, расстроенное здоровье и преждевременная смерть — вот результаты пьянствующего человека. Полмиллиарда рублей, пропиваемых русским народом в кабаке и трактире, и на полмиллиарда прогульных рабочих дней, не считая расстраиваемого здоровья и наследственно передаваемого алкоголизма, — скажите, какое бедствие мож-

* Ирбитский ярмарочный листок. 1895. №25 (18 февр.). С. 104.

но сравнивать с этими колоссальными цифрами? Призыв к воздержанию, учреждение обществ трезвости — бесспорно, хорошие меры, но они как всякая внешняя помощь суть только паллиативы и как таковые не могут существенно изменить пьянства, не могут уничтожить привычки и страсти народной, укоренившихся в длинный период нужды и лишений. Как трудно вести борьбу с кабаком, борьбу длинную, упорную, которая кончилась-таки победою кабака, я расскажу в моих многолетних приключениях.

Я уроженец из среды крестьян деревни Кулаковой Тюменского уезда. Удалясь из нее и нажив материальные средства, я думал закрыть в этой деревне кабак и открыть школу. Я начал с того, что предложил кулаковцам получать от меня по 100 р. в год с тем, чтобы не было в их деревне кабака; купить у них здание, где он помещался; перестроить его для школьного помещения и принять на себя все расходы по содержанию школы. Соглашение состоялось, и я в наивности моей думал, что совершил уже победу. Скоро, однако ж, мне пришлось узнать, что в деревне явились недовольные, и это выразилось тем, что на третий год с меня требовали вместо ста двести рублей. Я согласился и на это. Прошло некоторое время, как в соседней, рядом расположенной деревеньке Гу-

сельниковой, никогда прежде не видавшей у себя кабака, вдруг открывается кабак, заплативший за это право 100 р. денег и несколько ведер водки. Кулаковцы, взявшие с меня 200 р. за свое воздержание, начали усердно посещать соседний кабак, а потом нашли, что вообще мои условия для них стали делом неподходящим. Явились мироеды, соблазненные кабатчиком, которые открыто стали на сторону кабака. Пришлось прибегнуть к новому средству. Я предложил обществу сельским обществам открыть кабак в следующем году на мои имя и средства, а весь барыш по истечении года отдавать им, но с тем, чтобы вино продавать только в узаконенные часы, кредита не делать и ручных закладов не принимать. Общества согласились, и кабак существовал на этих условиях, кажется, два года. Барышапользы приходилось ежегодно около 400 р. В это время явились кабатчики, которые предложили кулаковцам открыть вместо одного два кабака с платою по 350 р. за каждый и с неизбежным количеством нескольких ведер даровой водки. На меня стали говорить, что я лишаю казну доходов от продажи лишнего патента и, сокращая потребление вина, наношу ей ущерб в потере акциза. Все это огорчало меня сильно и надоело страшно. Я отступился и прекратил борьбу с кабаком,

который и расцвел вместо одного в трех экземплярах. Пьянство началось повальное, и деревни в 2—3 года из зажиточных стали бедными, из сравнительно нравственных превратились в буйных, с уголовными преступлениями самого тяжкого характера. Подошли неурожайные годы, и стоны бедных жен и матерей снова заставили меня сделать попытку уничтожить кабака. Я предложил обеим деревням: Кулаковой 200 р., Гусельниковой 100 р. и отдельную помощь хлебом и деньгами. Предложение было принято, и соглашение состоялось. Но на второй же год во множестве появились тайные места продажи вина, и пьянство опять возвратилось снова. Я в бессилии опустил руки и сказал себе с горечью: «Кабак меня победил!».

Из этого краткого остова рассказа пусть читатель дорисует сам полную картину тех мелких хлопот и тревог, которые тянулись на протяжении целых двадцати лет и окончились полным моим поражением. А ведь я мог же, по-видимому, считать себя в праве на победу, жертвуя своими средствами, временем и имея на своей стороне всех хороших людей этой деревни? Опыт с наглядностью очевидного факта показал мне, как непосильна борьба с этим злом для воли и усилий не только одного че-

ловека, но целой половины самого сельского общества и всей массы женского населения. Достаточно было второй половине мужского населения иметь некоторую слабость выпить даровую чарку водки, и вот нахальные злые мироеды направляли дело так, что кабака торжествовал победу. Мыслимо ли сделать что-нибудь существенное, возможно ли воспитать целое поколение, чтобы ему в плоть и кровь всосалось убеждение в роковом вреде пьянства, усилиями только частных лиц и обществ трезвости, без властной руки правительственной опеки? Я думаю, основываясь на моем опыте, что это невозможно.

XV*

Ирбит и Тюмень — два соседних города, два конкурента, десятки лет ратующие каждый за свою ярмарку. Удача в этом споре в конечном результате всегда оставалась за Ирбитом. За ним были историческое право, сила традиции и старая, укоренившаяся привычка торгующих на ярмарке, а посему Ирбит в конце концов и победил. Тюменская ярмарка под именем Васильевской, просуществовав десяток-другой годов, затихла и умерла своей естественной смертью. Во всех других случаях обыденной жизни оба города имеют много общего. Тюмень люднее, богаче Ирбита, у ней

* Ирбитский ярмарочный листок. 1895. №32 (25 февр.). С. 127.

оконечность Уральской железной дороги, но дальше аналогия преимуществ одного города перед другим доказывается чуть не дословными аргументами. Тюмень с гордостью говорит, что товары с железной дороги поступают прямо на пароходы, а с пароходов на железную дорогу; Ирбит же возражает, что ежели провести к нему ветвь железной дороги, то товары также прямо будут поступать на пароходы. Если у Тюмени р. Тура, то у Ирбита р. Ница, по которой, хоть раз в год, пароходы свободно совершают один рейс, а что Ница мало судоходна в остальное время навигации, то ведь и Тура не избавлена мелей, чрез которые сильные пароходы зачастую совсем не проходят. Таким образом, пришлось бы находить немало аргументов, которые каждая сторона одинаково эксплуатирует в свою пользу. Остановившись на них дальше и разбирать их подробнее нет сейчас надобности, да и не может быть интересным. Посему, я думаю, лучшим будет закончить мои письма за этот год воспоминанием о тех, отошедших в иной мир, деятелях, которые не вели между собою пререканий и оставили после себя заметный след в истории своей местности. Об одном из них, уроженце Ирбита Иване Александровиче Калганове, я говорил уже в прошлых письмах моих, а теперь позволяю себе сказать несколько слов о

другом — жителе Тюмени Константине Николаевиче Высоцком. Один был самоучка, высокоталантливый сатирический художник, а другой талантливый в другом роде — гуманист, учитель, полученный практик и основатель в Тюмени фотографии, типографии и литографии. Все эти профессии теперь стали чуть-чуть повыше среднего ремесла, но 30—40 лет назад они требовали от новатора громадной энергии и недюжинного таланта, чтобы вести их с успехом, да еще вдали от центров и с недостатком материальных средств, имея в одном своем лице и инициатора, и работника, которому нередко приходилось в фотографии снимать портреты, самому их ретушировать и самому печатать, а в литографии и в типографии самому быть зачастую и рисовальщиком, и печатником.

Константин Николаевич Высоцкий родился в г. Таре, если не ошибаюсь, в 1835 году. Отец его был политический ссыльный из польского восстания 1831 года. Ребенок Высоцкий рос и воспитывался под руководством образованного отца и под влиянием русской матери, на которой отец его в Таре же и женился. Как сын лишенного некоторых прав отца, он не мог окончить полного курса гимназии и вышел лишь с правом учителя народных училищ и был определен на должность учителя Тюменского уездного

училища, куда и прибыл, если не изменяет мне память, в 1857 году. С тех пор до самой смерти (1887 г.) К.Н. Высоцкий оставался в Тюмени, сначала учителем, а потом, по выходе в отставку, занимался воспитанием детей в частных домах, как, например, Канонникова, Иконникова и других. Некоторые из его учеников занимают теперь видное положение и с благодарностью вспоминают редкое умение покойного привязать к себе детей и повлиять на их развитие благотворно. Потом он заводит фотографию, типографию, переплетную и делает попытку издавать местную газету. При скудных средствах, в новых делах, которые в первые времена требовали громадного труда, энергии и терпения, Высоцкий почувствовал наконец, что силы его надломлены, вера в успех истощается, и ум его, «светочем» прежде светивший для всех тюменцев, начал слабеть и погасать. «Ходячая гуманность», как называли в шутку

Высоцкого, начала иссыхать, и он окончил земную жизнь, заброшенный и забытый многими из тех, которые прежде не находили слов, какими могли бы достаточно характеризовать высокую и гуманную личность покойного.

Печальна судьба наших самородков! Личность Высоцкого только лишней раз подтверждает этот приговор. Покойный носил польскую фамилию, но был на самом деле глубоко русский человек, со всеми свойствами богато одаренной личности, и ни один человек, сколько-нибудь выходящий из обыденного уровня, в Тюмени не миновал обаяния его бесед, не обошел его скромной квартиры. Ваш покойный Калганов, когда он жил в Тюмени, души не чаял в Высоцком, и, бывало, всякая новая идея его характерных карикатур воплощалась в образы и принимала свое реальное выражение чаще всего в мастерской или кабинете покойного и уже потом

ходила по рукам всего города. Только Высоцкий в те времена в Тюмени умел и мог заставить помнить, что можно уважать даже врагов наших, что при всяком споре терпеливо должно выслушивать возражения, и только он мог с восторгом показывать всем

К.Н. Высоцкий
Ваше письмо получено 20 Окт
1887 года, оно найдено уже давно.
Уд. Восточный

ядовитые карикатуры на самого себя, нарисованные Калгановым, где он фигурировал то в образе «Дон-Кихота», то в виде одного из семерых в стихотворении Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Под конец жизни под гнетом разных обстоятельств, о которых нельзя еще говорить, Высоцкий ослабел духом и умер, немногими оплаканный, а большинством забытый и даже осмеянный. Но те семена добра и гуманности, в лучшую пору его жизни им посеянные, не пропадут бесследно в Тюмени и рано или поздно дадут свой плод. Помянем же его за это добрым словом.

Мир праху твоему, человек-учитель!

XI*

Сибири незнакома еще живая без риска — сложа руки и на боку лежа. Там все еще продолжают порою первые стадии торговли, в которых заметны следы обмена вещи на вещь. В Кяхте до сих пор проявляется иногда прежний порядок выменивать чай, т.е. не покупать единицу чая за столько-то единиц рублей, а выменивать за пуд серебра столько-то ящиков чая или за столько-то лисьих лап столько-то ящиков чая; в Петропавловске — за один бунт юфти столько-то концов выбойки и маты, столько-то пудов урюка

и изюма; в степи — за один самовар столько-то голов баранов. Все это теперь исчезает и отходит в область преданий. Всюду господствует общая система купли-продажи с определением цены посредством единицы — рубля.

В Сибири, как я заметил, преобладает только торговля и едва возникает промышленность первыми необходимыми предметами потребления. Всякая другая промышленность более высшего порядка только пробует свои силы, только начинает еще водворяться. Фабрики ограничиваются пока выработкою простых сукон, заводы — выделкою кож; горный промысел — приисками золота и редко-редко выплавкою меди и чугуна. Таким образом, большинство существующих заводов заняты производством продукта, материала, который перерабатывается в изделия другими промышленными заведениями, в Сибири не существующими. Некоторые спорадические начинания, вроде фабрик Успенской писчебумажной, Томской суконной или Минусинского сахарного завода, не изменяют общего фона картины. Они только доказывают, что сибирякам присуща энергия и предприимчивость, что сибиряки готовы приняться за любое промышленное предприятие, будь это фабрика или завод, но для них существуют препятствия, о ко-

* Ирбитский ярмарочный листок. 1896. №22 (15 февр.). С. 99—100.

торые разбивается всякое подобное начинание. На первом плане стоит, конечно, недостаток технического образования, даже недостаток технической практики, а потом идут длинной вереницей — громадные расстояния, чрез которые нужно провозить фабричные механизмы, отсутствие хороших механических заводов, где бы можно было производить текущую фабричную ремонтровку, дороговизна капиталов и проч., и проч. Совокупность всего этого и держит еще нашу восточную окраину в периоде купли-продажи чужих привозных товаров, а не местного фабричного и заводского производств. Упреки, делаемые сибирякам в косности и лени, отнюдь неверны и отнюдь несправедливы. Сибиряк-торговец, сибиряк-промышленник поставлен силою обстоятельств делать только то, что возможно в пределах местных условий.

Для сибиряка, даже капиталиста, невозможны покуда учреждения вроде акционерного банка, механического завода, мануфактурной фабрики, где бы он явился в роли учредителя и снял сливки с предприятия, едва только начинающего свое существование, даже едва только намеченного. В центре России нередко случается так, что паи или акции предприятия, если только оно задумано с толком, повышаются в цене со дня его возникнове-

ния, и владельцы таковых каждый год кроме дивиденда получают еще барыши-премии от повышения цен на акции, сами, что называется, не ударив палец о палец. Давно ли учреждено Золотопромышленное Общество, акции его уже котируются на бирже вместо 100 по 265; давно ли существуют товарищества многих мануфактур, а паи их ценятся теперь вдвое и втрое против выпускной цены; давно ли только намечен вагонный завод в Мытищах, паи его не напечатаны в государственной экспедиции, а уже за них требуют 150 за 100? Ничего даже подобного нет и долго еще не может быть в Сибири. Если и возникает там паевое товарищество, то путь для него не усыпан розами. Ему, как пионеру, приходится бороться с препятствиями, о которых в больших центрах нет и поминна, не говоря уже о том, что при самом учреждении возможны большие органические ошибки, чем где-либо. Доказательством служит то же товарищество Успенской писчебумажной фабрики, которое бумагу вырабатывает хорошую, а дивиденды выдает незначительные. Конечно, и для Сибири наступит время, когда многие причины, задерживающие ее промышленное развитие, исчезнут и она перестанет быть только рынком сбыта для мануфактур и заводов своей

метрополии, только рынком покупки ее сырых продуктов и ископаемых богатств. Тогда она перестанет быть как бы пасынком у мачехи, которому вместо ласки шлются только упреки в неблагодарности, якобы неблагодарному сыну.

Я не знаю даже, почему Сибирь считается в уме обывателя по ее административному делению с Тюмени, когда она по географическому положению, т.е. по ее природным условиям, которых ничто изменить не может, начинается с В. склоном Урала? Почему Ирбит город европейской России, а не сибирский, когда он своей природою — точная копия любого сибирского города? Мне кажется, нам, русским, пора бы изменить всякое название, несогласное с природою; пора термины приравнивать к природе, а не природу приравнивать к терминам. Это ведь всегда и вернее, и естественнее.

IX*

Далеко не веселые дни должна переживать родина моя Сибирь от упадка цен на многие сибирские товары. Номенклатура их очень велика, но все они, почти без исключения, — одно сырье, без всякой обработки. Фабричная и заводская промышленность еще мало развита в Сибири, и все подобные попытки, исключая коже-

венное и мукомольное производство, носят характер пробный и разведочный. Даже заведомо полезные дела в смысле прибыли, как содовое производство г. Пранга в Барнауле, и те идут в развитии туго, расширяются медленно. Сахарное производство покойного Гусева, бесспорно, одно из самых прибыльных предприятий в Сибири, как-то также не идет уверенным путем к успеху. Над Сибирью как бы тяготеет еще период ходьбы на помочах и с чужою помощью. В Сибири мало еще собственных накопленных капиталов, мало технически образованных людей — вот главные причины, почему так мало развита ее промышленность. В любом житейском деле, а тем более в таком сложном, как фабрика или завод, аксиомой является, чтобы хозяин знал его не меньше своего техника и вообще всякого из главных деятелей промышленного заведения. Иначе неизбежен крах и разорение. В подтверждение этого мне нет нужды называть по имени неудавшиеся промышленные учреждения, достаточно, я думаю, рассказать личные попытки в моей молодости, когда я жил еще в Тюмени, т.е. по времени между 60—70 годами.

Покойный И.В. Канонников и я, обсудив затруднения в выделке хорошего строительного кирпича в Тюмени, решили

* Ирбитский ярмарочный листок. 1897. №15 (8 февр.). С. 2.

построить кирпичеделательный завод с машинами Шликейзона. Как водится, нашелся мастер-техник и увлекал нас розовыми перспективами. Казалось, дело все так просто, что только бери и делай да продавай кирпич готовый. Выписали мы механизмы, построили сарай, наготовили глины и приступили к делу. Пробуем. Не тут-то было. Сначала не идет совсем глина из машины, потом, когда добились этого, беда другая появилась — глиняная лента дает трещины. Казалось, устранили мы и это, но когда потом стали выбирать кирпичи из обжигательной печи, то получили только щебень и обломки.

Так и бросили мы всю эту затею.

Я и покойные теперь Д.И. Лагин и К.Н. Высоцкий обсудили как-то, что следует в Тюмени учредить ткацкую ручную фабрику для выработки ходких очень в то время товаров: сарпинки, тика, твина, казинета и трико. Мы рассуждали так: в России дороги земля, постройки, отопление, освещение, а пожалуй, и рабочие руки. В Тюмени это дешево, а ткачей из поселенцев найдешь сколько угодно, даже за меньшую, чем в России, заработную плату, ибо хлеб и мясо были крайне дешевы. Как всегда в подобных случаях, нашелся управляющий и несколько ткачей, которые рассказами, казалось, верными, помогали увлекаться

ошибочной идеею. Смушало иногда немного наше трио, что ведь нет у нас на месте станков, батанов, берд и других инструментов, нет у нас даже основного материала — пряжи, но это устранялось рассуждением, что за пряжу мы заплатим провозы из Москвы до Тюмени, да ведь и за товары, там сработанные, платится подобный же провоз, стало быть, это в сущности и не препятствие. Что нет у нас станков и других орудий производства, так ведь выписать их только раз, а там по готовому шаблону местные ремесленники наделают всего сколько угодно. И так был решен вопрос о фабрике в утвердительном смысле. Через год фабрика станков в 15 была устроена и пушена в ход. В Тюмени появились «своей фабрики» трико и сарпинка. Однако ж скоро стало ясно, что если нет в запасе какого-либо цвета пряжи, то надо ждать, по крайней мере, месяц времени, пока она доставится из Москвы; что если нет в запасе челноков и шпуль, то надо ждать присылки их тоже целый месяц, ибо местные изделия таких предметов оказались и хуже, и дороже. Рабочие ткачи из поселенцев работали усердно только первые недели, а потом уходили на другие, более подручные работы. Одним словом, через год на нашей фабрике мы получили с Лагиным убытка по 3000 р. и неудачные попытки прекратили.

Еще пример. В Тюмени и Сибири продавались фосфорные спички по 5 р. за ящик. Спичечные фабрики существовали только в Вятке и преимущественно в г. Слободском, цена на фабриках была около 3 р. 50 к., а остальное составляло провозы и барыш посредников. Потребность местная в Тюмени и для всей Сибири на такой товар была большая. И нам казалось, что в Тюмени лес, сера, фосфор и рабочие руки нисколько не дороже цен против Слободского, а почему и выводы по сметам и проектам без опыта на деле получались самые блестящие. Как раз и тут нашелся человек-специалист, знающий свое дело досконально, и увлек меня и Лагина в постройку этой фабрики в дер. Кулаковой. Не хочу рассказывать о разных перипетиях сложной процедуры спичечной фабрикации. Мы их все прошли и сработали спички, годные для потребителя, но когда мы подсчитали, во что обходится нам ящик спичек, то пришли в недоумение: цена равнялась десяти рублям!

Проектируя новое предприятие, мы забыли совершенно, что цена на все, начиная с каждого пучка строганой древесной соломы до бумажных клееных коробок, зависит от навыка людей и их сноровки. Где этого нет, там много лет подряд нужно переплачивать за все

подобные работы, чтобы приучить рабочий контингент к такой работе, и прежде всего самому хозяину нужно знать в полном совершенстве всю технику производства до мельчайших подробностей. Иначе хозяин не владелец дела, а слуга его, хозяином, скорее всего, мастер или техник. Хозяин сам как бы только кассир, выдающий деньги.

Таким образом, и это предприятие пришлось нам ликвидировать со значительным убытком.

XVII*

Я — деревенский уроженец, и меня всегда как-то особенно волнует, когда я приезжаю в родную Кулакову. Каждый двор и каждая семья теперь совсем другие, но я знал их деда, их отца и, беседуя со внуком, воскрешаю в памяти все детали жизни предыдущих поколений. Иногда встречаю старика, и мы вступаем в разговоры, перебирая жителей деревни Кулаковой. Я знал их прежде, бедных и богатых всей деревни, знаю их теперь уже меньше и прихожу к такому выводу, что в былые времена больше было всего того, что считается признаком зажиточности деревенской, что сельский обыватель выглядел прочнее, крепче. Нет теперь дворов Калетова, Тараданова, где всякого скота: коров, овец, сви-

* Ирбитский ярмарочный листок. 1897. №24 (17 февр.). С. 113.

ней — считалось вволю, где скирды хлеба лежали на гумнах год за годом, где закрома амбаров с зерновым хлебом были полны. Я помню хорошо, что лошадей бывали большие табуны, что рогатого скота и овец табуны бывали еще больше, но что всего замечательнее, я помню большие холодники, построенные на выгонах, где от жары и овода спасались днем все табуны деревенского скота. Холодники такие строились всеми обывателями, и, стало быть, все умы деревни находили это нужным и полезным. Почему же через 45 лет не нужно стало таких холодников и теперь нельзя найти следов даже бывших построек? Бывало, прежде на дальней пашне, верст за пять от деревни, каждым околотком строились «изба, остожье и колодезь», и семьи околотка во время страднее живали там подолгу. Отчего же исчезли летние избушки и заплыли совсем старые колодцы?

Почему-то говорят, что люди к старости начинают находить лучшим время прежнее и *худшим* время новое, современное. Но скажите мне: при чем же старость, если в самом деле прежде в Кулаковой было больше хлеба и скота, если там существовали для скота холодники и для себя на пашнях избы и колодцы, а теперь ничего этого не стало даже и в помине? Деревня численнос-

тью душ с тех пор увеличилась, в ней теперь порой торгует не один уже кабак, а несколько, и есть новые богатые крестьяне, но совсем другого склада и покроя. Не стало только духа общины, не стало строя общего довольства. Деревня день ото дня как-то становится беднее и беднее, и бывали годы, когда она не могла даже оплачивать сполна подушных податей.

А между тем деревня Кулакова наделена пашней и покосами в таких размерах, что в Сибири даже они считаются достаточными. Между жителями развито ремесло: мужчины все работают сани и телеги, а женщины работают ковры. И, несмотря на все такие благоприятные условия, благосостояние жителей деревни стало падать и явно выражаться оскудением видимых достатков. Главную причину такого положения считаю я кабак, или, скорее, кабаки, размножившиеся после откупной системы; они отняли у слабых людей средства к жизни и испортили нравственную сторону подрастающего поколения. Борьба моя с этим злом, как знаете, длившаяся больше двадцати лет, закончилась моим поражением. Я бессильно сложил руки и с горечью воскликнул: кабак меня победил!

Если таковы экономические результаты полувековой жизни обывателей в д. Кулаковой, которая по своим усло-

виям должна бы быть вполне богатою, а между тем видимо опускается и беднеет, то что же может оказаться в других соседних селах и деревнях, где нет подобных благоприятных условий и где кабак влияет пагубно и растлевающе без всякого стеснения? О! там состояние жителей далеко ниже, бедность еще больше, чем в родной моей деревне Кулаковой. Примером служат многие окружающие села и деревни.

XVIII

И последнее*

«Всякому овощу свое время» — гласит пословица, как и всякому общественному служению по мере средств и знания есть предел, добавлю я от себя. Много лет подряд я сообщал «Ярмарочному листку» всякие торговые и промышленные сведения, а отсюда и всему сибирскому торговому сословию, какие только концентрировались в Москве, стараясь быть всегда правдивым и беспристрастным. Мое независимое положение давало мне возможность говорить о некоторых сторонах нашего промышленного быта открыто и свободно. Не скрою, что подобные сообщения навлекли на меня порою значительные неудобства в жизни. Меня даже привлекали раз к уголовному суду по 39 ст. Цензурного устава и указывали в пер-

спективе на шесть месяцев тюремного заключения. Прошло и это, и лицо, привлекавшее меня к суду, не раз потом относилось ко мне с большей чем когда-нибудь предупредительностью.

Но идут года, а мне уже шесть десятков лет, и пора сказать себе: довольно. Пусть идут на смену нам молодые образованные силы и несут с собою новые идеи и новые приемы. Привет им.

Я же прощаюсь навсегда с моими ярмарочными читателями.

**

Поговорим о потребителе в России. Потребитель — это все и каждый, но между ними в имущественном отношении такая разница, что только разве шутки ради их можно относить в одинаковую группу. Сахар потребляет рабочий, деревенский обыватель, даже иногда и обитатель захолустья, и тот же сахар потребляет директор банка, фабрикант, рантье и вообще богатый, имущий человек. Цена за единицу фунта в 15 к. равна валовому ежедневному заработку: инородца — $\frac{1}{2}$, фабричного рабочего — $\frac{1}{4}$, справногo крестьянина — $\frac{1}{6}$, директора банка — $\frac{1}{300}$, средней руки фабриканта — $\frac{1}{1000}$; а дальше дробь еще выше. По этому примеру любой продукт, любой товар, составляющий на-

* Ирбитский ярмарочный листок. 1897. №24 (17 февр.). С. 113.

** Ирбитский ярмарочный листок. 1898. №29 (22 февр.). С. 123.

сушную потребность каждого потребителя, удобно примерять цифрами, а цифры — далеко не фразы, которые порой легко располагаются в красивые, но затемняющие дело рассуждения. Цифру не наклонишь по желанию в ту или другую сторону, раз она поставлена в согласие с действительностью... Она стоит незыблемо на месте.

Акциз на сахар, пошлина на чай, на хлопок одинаково ложатся на единицу потребителя в России, будет ли он беден, среднего достатка или же так богат, что его доход от капиталов или промысла только за день равняется валовому заработку рабочего человека за десять лет. Посему-то не только можно, а существенно необходимо различать классы потребителей, чтобы знать при акцизах и пошлинах на товары, кто именно оплачивает их, хотя не как прямой налог, а только косвенный, но тем не менее такой же для потребителя действительный, как всякий регистрованный налог, и какую долей он ложится на его заработок. Потребитель может не платить косвенного налога только в том случае, когда откажется от потребления, т.е. тогда, когда не будет пить чай, жечь керосин, носить ткани, вскапывать железною лопатою землю. Но, я думаю, все подобные потребности в народной массе нельзя назвать ни прихотью, ни роскошью. А если все намеченное

— сама насущная действительность, то кто же потребители таких товаров и продуктов, как железо, сахар, чай, хлопчатобумажные изделия, если не народ в обширном смысле слова, составляющий собою не большинство личностей, а подавляющую массу единиц, которыми только и держится всякая обширная основная промышленность? Кто пропорционально против своего заработка платит косвенных налогов очень много и кто очень мало? Опять-таки народ платит очень много, а другие классы очень мало. Таким образом, с какой стороны вопрос ни поверни, ответ получается всегда одинаковой ясности и убедительности.

Насаждая и развивая промышленность у себя дома, мы как-то придаем преувеличенное значение термину «промышленность» и во имя его приносим несоразмерные жертвы, заставляя потребителя — народ — дорогой ценой оплачивать такое насаждение, главным образом в... баснословный дивиденд предпринимателям. Мы знаем все, что нужны временные жертвы для того, чтобы насадить и развить какую-нибудь новую промышленность, но ведь временные жертвы, положим, только на пять лет, а у нас, как видно, мало и десяти годов исключительного положения. Наши южные горнопромышленники 10 лет и 8 месяцев пользовались исклю-

чительным тарифом, ограждавшим их от заграничной конкуренции, и тем не менее теперь вновь ходатайствуют о продлении того же тарифа на чугун (45 к. с пуда) еще на 10 лет. Послушать их, так они все указанное протекшее время только и трудились для русского потребителя, развивая металлическое производство и обещая удешевить его в будущем в силу взаимной конкуренции. Факты цен металлам, факты дивидендов предпринимателей говорят нам ясно совсем иное. Заводы через десять лет исключительного положения продают чугун, стоящий на месте заводу 45 к., по 63 копейки. На 45 к. получают барыша 18 коп. Да это ведь не что иное, как 40% дивидендов! В десять протекших лет некоторые заводы не только выдавали большие дивиденды, но погасили значительную часть стоимости заводов. Они теперь в своих ходатайствах о продлении исключительного положения об этом мало говорят, но вся их деятельность основана была на началах исключительного положения и только прикрывалась громкими словами о насаждении и развитии горнопромышленного производства на юге России. Что для них, большей частью иностранцев, русский потребитель, как не та овца, которую они, «не кормя, стригут», а только на словах якобы заботятся о ее благосостоянии?

Другая наша крупная промышленность — сахарная — находится еще в более исключительном положении, чем горнопромышленная. Чуть не полстолетия дается ей в жертву русский потребитель, а она все еще требует, хотя под новыми комбинациями, но одного и того же вида пособий — высоких цен продукту. Я не знаю никакой страны, где бы сахар в столице государства стоил потребителю 15 к. фунт, и трудно подыскать другую территорию, где бы значительное количество сахарных заводов давало дивиденд акционерам в размере 15–20% ежегодно.

Я не знаю подходящего названия, чтобы выразить наглядно словом, какое расстояние отделяет нашего рабочего в смысле ежедневного дохода от директора банка, фабриканта, богатого рантье и вообще имущего человека. А между тем как потребитель на многие продукты и товары они одни и те же единицы, одинаково потребляющие сахар, чай, спички, керосин. Можно ли поставить в одинаковый ранжир человека, вынужденного тратить на покупку фунта сахара $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{300}$ поденного дохода валового? Что заговорил бы имущий человек, если бы ему сказали, что он должен покупать фунт сахара вместо 15 к. по 10 руб., чтобы сравняться в пропорциях косвенных налогов с рабочим человеком? Посему-то косвенные

налоги на народные продукты, на народные предметы повседневного обихода всегда ложатся на бюджет рабочего человека тяжелым бременем и приводят к непримиримому контрасту отношений по сравнению с классами людей имущих.

Мы знаем, что рабочий человек в России беден, но скажите мне, откуда он возьмет достатка, когда заработок его втрое меньше против европейского собрата, а необходимые продукты и товары вдвое дороже, чем в любом соседнем государстве? Мне кажется, настало время постепенно снимать с русского народа бремя косвенных налогов, перекладывая их на имущие классы в виде прямых или иных налогов.

Для фиска государства несравненно легче получать налог с человека, владеющего капиталом, т.е. получать налог с имущественного объекта, чем собирать его с множества единиц людей под видом косвенных налогов на предметы питания и товары, составляющие вещи первой необходимости.

Давно пора уничтожить наши гильдии, дающие одинаковые права на производство промысла и торговли, не различая разницы, производит ли купец по 1 гильдии продажу фабрикатов на 10 миллионов, имея барыша в год миллион рублей, или имеет транспортную контору, в которой зарабатывает в год валового дохода только десять тысяч рублей. Мы многое заимствовали у западной культуры, и преимущественно у наших соседей — немцев, так отчего бы не позаимствовать и их систему классового налога, по которой обыватель платит не только больше, чем больше он имеет капитала, но чем большим он владеет капиталом, тем выше и выше платит процент с каждой сотни марок своего дохода валового? Уметь заимствовать хорошее, уметь применять его к нашему национальному быту — да это ведь заслуга ничуть не меньшая, чем отменять акциз на соль, уменьшать подати и снять паспортную тяготу.

«С.-П. В.»

Книги, вышедшие в издательстве Юрия Мандрики в 2003 г. *

Словарь рифм Анны Ахматовой/Сост. А.Л. Бабакин, вступ. ст. Н. Рогачевой. — 2003. — 208 с.
ISBN 5-93020-139-0

Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки. Вып. 5 / МУ «БИС»; НГПИ. — 2003. — 416 с.
ISBN 5-93020-140-4

Земляки: Югра в лицах и судьбах / Сост. Ю.И. Переплеткин. — 2003. — 432 с.
ISBN 5-93020-141-2

Ядне Н.Н. В списках не значится: Воспоминания, рассказы, повесть. — 2003. — 624 с.
ISBN 5-93020-142-0

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2-х частях. — 2003. — 256 с. — [Репринтное издание].
ISBN 5-93020-143-9

Сичко А.И. Бионеорганическая и аналитическая химия: Кн. 2 / Сичко А.И., Кобелева Т.А., Дороднева В.И., Никонова Л.Г.,

Быкова В.В. / Под ред. А.И. Сичко / Тюменская гос. мед. академия. — 2003. — 424 с.
ISBN 5-93020-144-7

Фарносова В.В. Березово: История и современность. — 2003. — 256 с. + ил. 16 с.
ISBN 5-93020-145-5

Горбачев В.С. Флагман: Книга о тюменских моторостроителях: Кн. вторая. — 2003. — 224 с. + ил. 16 с.
ISBN 5-93020-146-3

Сибирский листок: 1894–1900 / Сост. В.К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики) — 2003. — 624 с. — [Газеты Сибири].

ISBN 5-93020-136-6 (серия)
ISBN 5-93020-147-1 (Т. 2)

Царенко Т.М. Покорение Сибири: Поэма. — 2003. — 80 с.
ISBN 5-93020-148-X

«Небес мгновенный дар...»: Книга для духовно-нравственного чтения в школе и дома /

* Четыре книги, изданные в конце 2002 г., но датированные 2003-м (*Буцинский П.Н.* К истории Сибири; *Горбачев В.С.* Флагман; *Сибирский листок: 1890–1894*; *Пивоваров С.П.* Хорошее дело), объявлены в журнале «Лукич» (2002. №4. С. 131).

Сост. В.А. Дворовая и Т.Н. Трунилова. — 2003. — 400 с.
ISBN 5-93020-149-8

Кононенко А.А. Социалисты в политической жизни Урала: 1917–1918 гг. — 2003. — 144 с.
ISBN 5-93020-150-1

Подорожник: Краеведческий сб. Вып. 3 / Сост. В.К. Белобородов. — 2003. — 192 с.
ISBN 5-93020-151-Х

Петрушин А.А. На задворках гражданской войны: Кн. первая. — 2003. — 184 с. + ил. 24 с.
ISBN 5-93020-178-1
ISBN 5-93020-152-8 (Кн. 1)

Фальшивый Лукич: Избранное (1998–2002) / Сост. М.Л. Дистанова и Ю.Л. Мандрика. — 2003. — 640 с.
ISBN 5-93020-153-6

Кузичев В.С. Шоковые дни детства: Рассказы, очерк. — 2003. — 224 с.
ISBN 5-93020-154-4

Сибирский листок: 1901–1907 / Сост. В.К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики) — 2003. — 640 с. — [Газеты Сибири].
ISBN 5-93020-136-6 (серия)
ISBN 5-93020-155-2 (Т. 3)

Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Черевিশевской и

Яровской волостей Тобольской губернии. — 2003. — 624 с. — [Краеведческая б-чка журн. «Лукич»]

ISBN 5-93020-156-0 (серия)
ISBN 5-93020-157-9 (Т. 1)

Рихтер О.Б. Кучум: Исторический роман в стихах. — 2003. — 160 с.
ISBN 5-93020-158-7

Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. — 2003. — 320 с. — [Краеведческая б-чка журн. «Лукич»]
ISBN 5-93020-156-0 (серия)
ISBN 5-93020-159-5 (Т. 2)

«И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е–80-е гг. XIX в.): Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. — 2003. — 328 с. — [Сибирский раритет. Вып. 2]
ISBN 5-93020-160-9

Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. — 2003. — 416 с. — [Краеведческая б-чка журнала «Лукич»]
ISBN 5-93020-156-0 (серия)
ISBN 5-93020-161-7 (Т. 5)

Чистова Л.А. Детектив. — 2003. — 208 с.
ISBN 5-93020-162-5

Седов А.В. Альбом / Сост. Н.И. Сезева, вступ. ст. В.А. Рогачева. — 2003. — 32 с.

ISBN 5-93020-163-3

Парламентские диалоги: Дела и Думы трех субъектов Федерации на страницах «Тюменских известий» / Сост. В. Наумова и Н. Шестакова. — 2003. — 400 с.

ISBN 5-93020-164-1

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / Предисл. Г.И. Даниловой. — 2003. — 216 с. — [Югорский репринт].

ISBN 5-93020-165-X

Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Часть вторая. — 2003. — 312 с. — [Краеведческая б-чка журн. «Лукич»]

ISBN 5-93020-156-0 (серия)

ISBN 5-93020-166-8 (Т. 3)

Коптелов В.Т. Великий сибирский путь от Александра III до Николая II: Исторический очерк. — 2003. — 184 с.

ISBN 5-93020-167-6

Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Часть третья. — 2003. — 336 с. — [Краеведческая б-чка журн. «Лукич»]

ISBN 5-93020-156-0 (серия)

ISBN 5-93020-168-4 (Т. 4)

Сибирский листок: 1908–1911 / Сост. В.К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики) — 2003. — 656 с. — [Газеты Сибири].

ISBN 5-93020-136-6 (серия)

ISBN 5-93020-169-2 (Т. 4)

Сибирский листок: 1912–1919 / Сост. В.К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики) — 2003. — 592 с. — [Газеты Сибири].

ISBN 5-93020-136-6 (серия)

ISBN 5-93020-170-6 (Т. 5)

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е—начало 50-х гг. XX века. — 2003. — 272 с.

ISBN 5-93020-171-4

Сичко А.И. Бионеорганическая и аналитическая химия: Кн. 4 / Сичко А.И., Кобелева Т.А., Быкова В.В., Шаповалова Е.М. / Под ред. А.И. Сичко / Тюменская гос. мед. академия. — 2003. — 356 с.

ISBN 5-93020-172-2

Словарь рифм Владимира Маяковского / Сост. А.Л. Бабакин, вступ. ст. Н. Рогачевой. — 2003. — 480 с.

ISBN 5-93020-173-0

Конев Ю.Е. Как мы искали панaceaю. — 2003. — 184 с.

ISBN 5-93020-174-9

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. / Сост. Ю.Л. Мандрика. — 2004. — 200 с. + ил. 1 с.
5-93020-175-7

Михайловский В.М. Шаманство: Сравнительно-этнографические очерки / Предисл. Г.И. Борко. — 2004. — 128 с. — [Югорский репринт].
ISBN 5-93020-176-5

Сотворчество учителя и ученика как главное условие реализации личности школьника: Сб. статей / Упр. образования

администрации г. Новый Уренгой; Тюменский государственный университет. — 2003. — 248 с.
ISBN 5-93020-177-3

Петрушин А.А. На задворках гражданской войны: Кн. вторая. — 2004. — 272 с.
ISBN 5-93020-178-1
ISBN 5-93020-179-X (Кн. 2)

Загороднюк Н.И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / Н.И. Загороднюк, Ю.Н. Квашнин, А.Ю. Конев, И.А. Ломакин, В.Г. Усманов / Под ред. А.Ю. Конева и В.Г. Усманова. — 2003. — 296 с.
ISBN 5-93020-180-3

Век Е.В. Цербер: Повесть. Рассказы, новеллы. — 2004. — 192 с.
ISBN 5-93020-181-1

КОНЬКОВ Николай Леонидович. Родился в 1941 г. Окончил Вологодский педагогический институт. Кандидат исторических наук. Работал учителем в Кировской области, научным сотрудником краеведческого музея в Архангельске. В настоящее время живет в Тобольске.

Интересуется региональной метрологией, нумизматикой и историей денежного обращения.

Автор книги «Тобольские воеводы» (Москва, 2000).

Иван Николаевич Юшков* Приложение

Фамильное древо

Из сказки Сретенской церкви
о священнике А.М. Юшкове
1811 г.

1811-го года августа 24-го дня Градо-Тобольской Сретения Господня Церкви находящейся при оной в действительном служении священника Алексей Петров, Андрей Юш-

ков, диакон Петров и пономарь Константин Симонов по силе указа его императорского величества состоявшего 1811-го года мая 18-го дня сию скаску в Тобольскую духовную консисторию,

	При Градо-Тобольской Сретенской церкви в прошедшую ревизию состояли	Лета	
		По последней ревизии написаны были	Ныне налицо с прибывшими и новорожденными
6	Священник Андрей Михайлов Юшков сын умершего священника Михаила Юшкова бывшего Пермской епархии Камышловского ведомства Латышевского села, показан в прошлую ревизию обучающимся в семинарии	18	34
	Сын его Николай		2

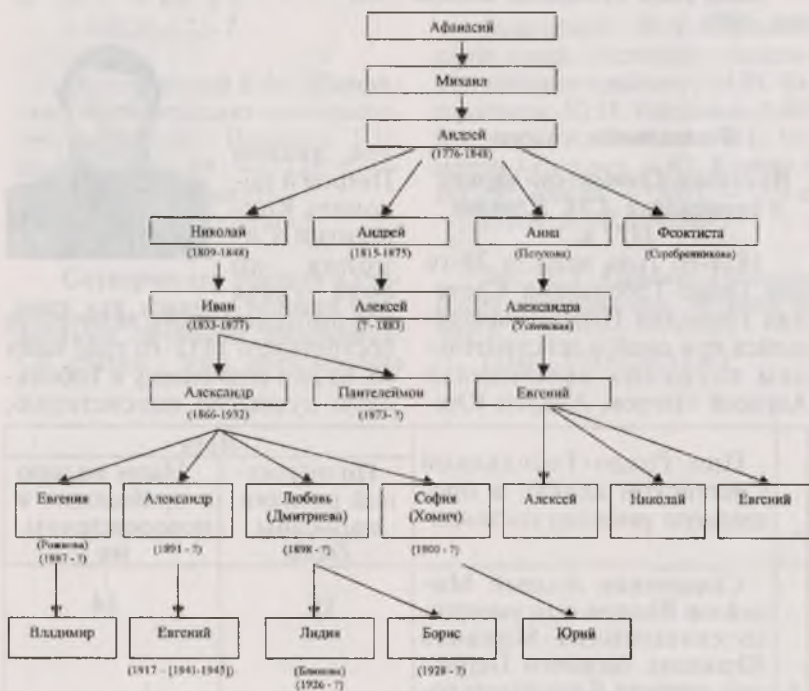
* Окончание. Начало см.: Лукич. 2003. №1. С. 60–101.

как о себе самих, так и детях мужеска пола с показанием сколько по прошедшей 1795-го года ревизии показано было, и из того числа разными случаями убыло и после ревизии вновь родилось и прибыло по самой истинне без всякой утайки, а

буде кем впредь уличены будем или по свидетельству найдется, что кого-либо утаили то повинны положенному по указам штрафу без всякого милосердия.

ГУТО ГА в г. Тобольске.
Ф. 154. Оп. 8. Д. 288. Лл. 541-541 об.

Родословие Юшковых

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Отдел рукописей. ТМ КП 12284/1 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 1. Лл. 1-5.)

Редактор «Тобольских губернских ведомостей»

Из журнала присутствия Тобольского правления об издании губернских ведомостей

Журнал присутствия Тобольского правления об издании губернских ведомостей.

Журнал присутствия Тобольского правления.

16 декабря 1863 года по газетному столу II^{го} отделения.

Об издании в 1864 году Тобольских губернских ведомостей.

Доклад: Согласно 886 ст. II тома общ. Губерн. Учрежд. по высочайше утвержденным в 6 день декабря 1856 г. штатам при Тобольском губернском правлении издаются с 27 апреля 1857 года «Тобольские губернские ведомости». Днем выхода губернских ведомостей назначена суббота. Рассылка оных производится по городу Тобольску на следующий день, а в прочие места губернии и в другие губернии в те дни, когда идет почта, так что последняя отсылка ведомостей после выхода бывает в следующую пятницу, а в Березовский округ чрез каждые две недели. За годовое издание губернских ведомостей, согласно 886 ст. II тома, назначена плата с присутственных мест и должностных лиц 3 руб. сер. Деньги за ведомости присутственные места и лица уплачивают из канцелярской суммы согласно предложению бывше-

го тобольского гражданского губернатора от 14 января 1858 г. за №98-м; земские суды, исправники и заседатели должны получать губернские ведомости и деньги за оные уплачивать из канцелярской суммы земских судов. По 885 ст. того же тома за губернские ведомости для городских присутственных мест уплачивается из городских доходов и общая сумма вносится каждого дня в городские росписи. Для волостных правлений и иногородных управлений губернские ведомости выписываются на счет общественных доходов, а для земских церквей из суммы земского собора. За волостные правления и сельские церковные приходы по распоряжению г. начальника губернии получают деньги из Тобольского окружного казначейства за всю губернию. По высочайше утвержденным сметам на трехлетие с 1860 по 1863 годы значится волостных правлений и иногородных управлений 210 и сельских церковных приходов 296, следовательно, должно было получить из казначейства денег 1518 руб. В 1863 году получено из Тобольского окружного казначейства за 210 волостных правлений и 311 церковных приходов 1563 руб. (более противу смет на 45 руб.), сумма эта увеличилась от учреждения

новых церковных приходов в Тобольской епархии. По взятой же в 1862 году справке из Тобольской духовной консистории оказалось, что по Тобольской епархии еще вновь прибавилось 25 сельских церквей, и в 1863 году отсылалось уже не 311, а 336 экз. в сельские церкви Тобольской епархии на 1008 руб., более против смет на трехлетие с 1860 по 1863 год — 40, что с 210 волостными правлениями составит 546 экземпляров на 1638 рублей. Справка: в 1863 году во все присутственные места и должностным лицам рассылалось Тобольских губернских ведомостей 192 экзempl[яра] на 576 руб.; кроме того, безденежно на основании Цензурного устава 126 экземпляров частным же подписчикам отсылалось губернских ведомостей как по городу Тобольску, так и другим городам в 1863 году 58 экземпляров на 174 руб., итого следовало в 1863 году за Тобольские губернские ведомости с присутственных мест, должностных лиц, волостных и иногородных правлений сельских приходских церквей и частных подписчиков за 796 экземпляров 2388 руб. серебром, а всего ведомостей заготавливалось кроме запасных 925 экземпляров, а запас было печатано экз. до 40.

*ГУТО ГА в г. Тобольске.
Ф. 329. Оп. 11. Д. 660.
Лл. 117–119 об.*

Из журнала присутствия Тобольского правления о выдаче жалованья И.Н. Юшкову

Журнал присутствия Тобольского губернского правления 30 января 1863 года по газетному столу 2 отделения.

О выдаче жалованья служащим в газетном столе и губернской типографии за январь месяц 1863 года.

Доклад: По составленному расписанию за январь месяца 1863 г. назначено выдать жалованье из типографской штатной суммы:

Редактору официального отдела губернских ведомостей г. Юшкову 32 руб. 66 $\frac{1}{2}$ к., ему же по должности корректора 17 руб. 33 $\frac{1}{2}$ коп., всего пятьдесят руб...

Приказал: Согласно докладу и расписанию выдать жалованья за январь 1863 г.:

1) Редактору официального отдела губернских ведомостей г. Юшкову пятьдесят руб.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329.

Оп. 11. Д. 660². Лл. 10–10 об.

Из формулярного списка корреспондента «Тобольских губернских ведомостей» Н.А. Абрамова. 1849 г.

Титулярный советник Николай Алексеев Абрамов, штатный смотритель Березовских училищ, 37 лет, вероисповедания православного. Сын священника.

Обучался в Тобольской семинарии и по окончании курса

учения в 1832 году в первом разряде получил звание студента.

В продолжение двухгодичного обучения в классе богословском с утверждением епархиального архиерея проходил должность лектора еврейского языка в семинарии.

Определен во 2 класс Тобольского духовного приходского училища учителем русской грамматики, 1-й части арифметики, катехизиса и нотного пения. 1832 г. Августа 25.

Переведен в Духовное уездное училище учителем латинского языка, русской грамматики, 1 и 2-й части арифметики и в то же время определен в семинарию учителем татарского языка. 1834. Августа 10.

По прошению уволен от духовноучительской службы и допущен к исправлению должности учителя истории и географии в Тобольском уездном училище по Министерству народного просвещения. 1836. Августа 10.

Исключен из духовного звания. 1837. Мая 11.

Утвержден в чине губернского секретаря 9 июня 1837 года со старшинством. 1836. Августа 10.

Утвержден в учительском звании с зачислением службы с 1836 года 10 августа. 1837. Июля 13.

За хорошие успехи учеников и хороший способ преподавания объявлена от господина Министра народного просве-

щения благодарность. 1839. Февраля 24.

Определен штатным смотрителем Березовских училищ. 1842. Февраля 15.

За выслугу лет произведен в чин коллежского секретаря со старшинством. 1840. Августа 10.

По засвидетельствованию дирекции училищ об отличной ревностной службе постоянных трудах и успешности господина исправлявшего должность тобольского гражданского губернатора объявлена признательность. 1843. Марта 26.

За деятельность в содействии к распространению картофеля в Березовском крае объявлена признательность от господина исправлявшего должность тобольского губернатора. 1843. Декабря 9.

За благонамеренные и полезные содействия к улучшению Березовского уездного училища, которое деятельностью его по службе доведено до возможной степени совершенства по всем частям, от господина управлявшего Тобольскою губерниею объявлена признательность. 1844. Февраля 1.

За похвальное содействие к образованию детей инородцев Березовского края от господина Министра народного просвещения объявлена благодарность. 1844. Июня 29.

За выслугу лет 26 марта 1845 года утвержден в чине титулярного советника со старшинством с 1844 августа 10.

За отлично усердную службу высочайше награжден 150 руб. серебром. 1845. Декабря 31.

Высочайше утвержден членом Березовского уездного попечительного о тюрьмах комитета. 1847. Декабря 27.

По засвидетельствованию дирекции училищ за отличную усердную и полезную службу от господина управлявшего Тобольскою губерниею объявлена признательность. 1848. Января 27.

За отлично усердную и ревностную службу объявлена бла-

годарность от господина Министра народного просвещения. 1848. Марта 11.

Избран членом-сотрудником Русского географического общества. 1848. Мая 14.

При утверждении должности учителя получил не в зачет третное жалованье. Какое получает содержание: штатного 285 р. 71 к., на разъезды 57 р. 14 к.

ГУТО ГА в г. Тобольске.

Ф. 152. Оп. 30. Д. 102.

Лл. 124 об.-127.

Отечество И. Н. Юшкова — Тобольск

Тобольск начала XIX в. глазами современника

Тобольск с 1782 года, главный город губернии сего имени, прежде бывшая столица всея Сибири, лежит... на левом берегу реки Иртыша, в которую недалеко от города впадает река Тобол. Расстоянием от Санкт-Петербурга в 3033, Москвит 2305 верстах. Его разделяют на Верхний и Нижний город; первый — в котором с начала нынешнего столетия построен бывшим в Сибири губернатором князем Гагариным на высоком крутом берегу каменный кремль, стоящий на горе на восточном берегу реки Иртыша, обнесенный каменными стенами, которые ныне большею частию разобраны, и в котором между прочими деревянными и каменными до-

мами почестья могут лучшими новые присутственные места, ратуша и дом архиерейской, также две каменные и три деревянные церкви, Рождественский девичий монастырь, гостиный двор, в коем в каждом жилье по 35 лавок со сводами и под ними 27 погребов. Сверх того в верхнем жилье есть несколько покоев, в которых таможенные дела отправляются. Сей гостиный двор, в котором привозные, а паче иностранные, товары складываются и продаются оптом, показывает важность тамошних торгов. Для мелочной продажи есть другие, в два ряда построенные лавки деревянные, на месте, называемом базар или рынок, где и всякие съестные

припасы продаются. Сей город пред Нижним имеет то преимущество, что никогда не бывает подвержен наводнениям; но напротиву того жители онаго принуждены ходить под гору за свежеею водою.

Нижний город, находящийся под первым на низком месте, также на берегу реки Иртыша... в коем есть такой же рынок, и в нем 161 деревянная лавка, да там же под горою 7 приходских церквей и каменный мужеский монастырь во имя Знамения Пресвятыя Богородицы.

Татарская слобода, которая прежде большую часть Нижнего города занимала и тесным своим строением приняла частые, а особливо же и российским обывателям разорительные пожары, переведена за город, где живут как происшедшие от природных сибирских татар, так и приезжие и поселившиеся там бухарцы и отправляют знатные торги. Тобольск в 1788 году весьма много претерпел от пожару, продолжавшегося 27 и 28 апреля, коим низменная часть почти вся превращена в пепел. До пожара внутри города жили татары, но после онаго отведено им место вверх по Иртышу версты на полторы от Тобольска, где они поселились большою слободою и упражняются по-прежнему в торговле. Чрез Нижний город протекает речка Курдумка в Ир-

тыш, на которой есть мучная мельница. Другая речка называется монастырская, третья Княжева, а все они вершинами вышли не далее двух верст из буераков гористого берега, вверх и вниз по той стороне Иртыша продолжающегося. Великая в Нижнем городе неспособность:

1-е. Тем, что бывает подвержен наводнениям, а особливо претерпел он от разлития Иртыша в 1784 году: когда Иртыш на 7 аршин и $11\frac{1}{2}$ вершков [10 м 25 см] поднялся выше обыкновенной самой высокой воды. 2-е. Что великая часть жителей Нижнего города, как река Иртыш часто большие кабаны от высокого берега своего отмывает, при умножении сих подмывов принуждены бывают далее от берегов переносить свои дома. 3-е. Что хотя вода и под самыми домами, однако она как в колодцах, так и в речках хорошего качества. На архиерейском дворе есть колодезь, которому глубина до воды 35 сажен, по сему о вершине Верхнего города пред Нижним заключать должно... Восход на оную гору состоит в деревянной крутой лестнице, сделанной от горы до Иртыша, имеющей 290 ступеней. На сию же высоту ведут из Нижнего города три взвоза:

1. Прямый, весьма крутой;
2. Никольский, несколько положее;

3. Казачий, способнее прочих, по которому почти одному и ездят.

Оба города, вместе взятые, занимают нарочитое пространство и принадлежат к большим российским городам. С 1773 года, в коем начали порядочно строиться, одна улица по другой становится лучше, а особливо для отменных и прекрасных видов с Верхнего города, может почитаться отменно красивым городом. Всех церквей в нем находится 18, имеет пребывание епархиальной архиерей, обывательских домов 2118, жителей: мужеска пола 7842, женска 8427, всего 16269 душ. Из общественных заведений примечательны: духовная семинария, главное народное училище, воспитательный дом, богадельни и театр и есть 1 типография. Впрочем, почти четвертую часть Тобольска составляют татары, коих предки отчасти при завоевании Сибири в сих местах жили, частью же происшедшие от бухарцев, которые здесь для купечествования поселились. Они живут вообще весьма спокойно, питаются большею частью от купечествования и имеют свои собственные мечети. Другую немалую часть жителей составляют ссылочные или их потомки. Купцы здешние отправляют торги на лучших российских ярмарках, в Москве и на Кяхте. В самом городе производится торговля российскими

и иностранными товарами, особливо весною: поелику по окончании Ирбитской ярмарки остальные товары для продажи отправляются в Тобольск. При наступлении зимы привозится сюда много бухарских и ташкентских товаров. В городе сем есть столько ремесленников, что из других сибирских городов приезжают сюда нарочно для закупки разных рукодельных изделий. Из фабрик находится здесь: 1 полотняная, на коей кроме разного полотна, тuku, ревендуку и салфеток делаются шелковые ленты, а из заводов знатные: коженые, мыловаренные и салотопенные... Торг российскими и европейскими товарами отправляется здесь в начале весны, как скоро откроются реки. Около исхода лета приходит сюда из разных стран много судов с рыбою и другими товарами, которые по зимнему пути отвозят далее. В начале зимы приходят в Тобольск купеческие калмыцкие и бухарские караваны и зимуют в сем городе. Сверх того собирается и мягкая рухлядь с диких народов, платящих оною свой ясак. Также бывают две годовые ярмарки, одна весною российским, а другая осенью сибирским и китайским товаром...

Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1808. С. 238–242.

Из формулярного списка П. П. Ершова

Коллежский советник Петр Павлович Ершев, инспектор гимназии, 34-х лет, вероисповедования православного.

Из штаб-офицерских детей. Получает жалованье из штатных сумм 571 р. 42³/₄ коп. и добавочных из воспитаннической 171 руб. 42¹/₂ коп. и за прослужение в Сибири 5 лет 142 руб. 96 коп. серебром в год.

Обучившись в Березовском уездном училище и окончив курс в Тобольской гимназии, поступил в феврале месяце 1831 г[ода] своекоштным студентом в С.-Петербургском университете, в котором по выслушивании полного курса наук по философско-юридическому факультету удостоился звания кандидата. 1834. Июля 13.

Определен старшим учителем латинского языка в Тобольскую гимназию. 1836. Июня 10.

За поездку в Сибирь получил не в зачет годовое жалованье и двойные прогоны. Перемещен на должность старшего учителя логики и русской словесности. 1836. Августа 10.

Господином Министром народного просвещения утвержден в чине титулярного советника со старшинством с 1836 июля 10.

За отлично усердную службу с разрешения господина Министра народного просвещения

выдано в единовременное награждение 200 р. 25 к. серебром. 1841. Октября 7.

Правительствующим Сенатом за выслугу лет произведен в чин коллежского асессора со старшинством с 1840 июня 10.

Определен исправляющим должность инспектора Тобольской гимназии 1844 года января 29, в звании коего и утвержден 1844 апреля 8.

Правительствующим Сенатом за выслугу лет произведен в чин надворного советника со старшинством с 1843 июня 10.

По высочайшему приказу 18 декабря 1847 года за №243 объявленному указом Правительствующего Сената от 9 января 1848 года произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1846 июня 10.

Сверх того занимал при гимназии должность библиотекаря фундаментальной библиотеки Тобольской гимназии с 11 сентября 1836 года по 29-е мая 1839 года и исправлял должность директора училищ 1844 г. с 3 по 28 декабря, 1845 г. с 1-го по 28-е декабря, 1846 г. с 5-го по 30 декабря и с 4 декабря 1847 г. по 8 января 1848 года.

Высочайше назначено производить прибавку к получаемому жалованью по одной четверти оклада за про-

служение в Сибири пяти лет. 1847. Июня 9.

Женат вторым браком, имеет дочь Людмилу по 1 году. Жена

и дочь вероисповедания православного находятся при нем.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152.

Оп. 30. Д. 102. Лл. 13 об.-17.

1870 год — дата основания Тобольского музея

Из воспоминаний Е.И. Юшковой «История возникновения музея в г. Тобольске»

В 1870 году по распоряжению г-на губернатора Соллогуба покойный муж мой, надворный советник Иван Николаевич Юшков, был командирован в город Обдорск за собранием статистических сведений о ярмарке, и при исполнении этого поручения ему встретились на упомянутой ярмарке предметы, относящиеся к северному краю и его обитателям.

Мужу моему пришла идея возникновения музея в городе Тобольске, и упомянутые предметы им были приобретены, хотя не на большие, но на собственные свои средства, и даже часть предметов была привезена покойным моим мужем, а остальное доставлено было в товарном обозе. По возвращении же мужа моего из Обдорской ярмарки с разрешения г-на губернатора на средства статистического комитета в 1870 году положено было начало Тобольского музея покойным моим мужем, и насколько это было возможно, личным трудом на средства комитета, с мизерными пожертвованиями немногих

образованных лиц и при подобном холодном отношении жителей нашего города к этой новизне. Покойный муж мой до самой своей смерти снискивал и приобретал на только что родившийся музей родные предметы, так как он состоял секретарем статистического комитета, за смертью же его дело по музею остановилось, что и сказано в календаре, изданном Тобольской губернской типографией в 1878 году, и что именно побудило мужа моего о возникновении музея в г. Тобольске...

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Отдел рукописей. ТМ КП 12285/17 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 17. Лл. 1-1 об).

Из предварительного отчета С.К. Патканова в Археологическую комиссию. 21 марта 1889 г.

Тобольский музей начал свое существование лет 20 тому назад, но за исключением двух-трех лет, когда заведывание им перешло к директору Ветеринарного училища г-ну Лыткину, он еле влачил свое существование, вместе со статистическим комитетом переключивая с места на место. Помеще-

ние, которое отводилось музею, было обыкновенно каким-нибудь чуланом или чердаком, где самые разнородные предметы были свалены без всякого порядка, а ввиду отсутствия регистров естественно, что немалая часть их при этом исчезла.

В прошлом году благодаря стараниям Его Превосходительства господина тобольского губернатора Владимира Александровича Тройницкого в Тобольске было выстроено новое роскошное здание для музея, в который и стали стекаться в числе других предметов и такие, которые имеют значение для археологии.

Лукич. 2002. №2. С. 70–71.

Из журнала заседаний Тобольского губернского статистического комитета о сборе музейных экспонатов. 25 сентября 1871 г.

Секретарь комитета доложил присутствию два письма на его имя: одно от березовского окружного исправника А.И. Андронова от 27 февраля с.г., при котором он, препровождая чузелу сибирского тюленя средней величины, приобретенную им в Обдорске, предложил ее для устраиваемого при комитете музея без всякого вознаграждения. Другое письмо получено от действительного члена его комитета Р.Г. Игнатьева из Уфы от 9 сентября за № 155.

В этом письме г. Игнатьев между прочим сообщает, что зем-

ский заседатель 2-го участка Курганского округа Красин уведомил его письмом, от 10 мин[увшего] августа за № 1655, что крестьянин села Моршихинского того же округа Петр Подсохин представил ему древнюю железную лопату, формою своею несколько похожую на флюгер, но с рукояткою, и что лопата эта найдена Подсохиным при распахивании нового поля, прежде никогда не паханного. По доставленному г. Красиным рисунку этой лопаты г. Игнатьев заключает, что находка эта может иметь немаловажное археологическое значение, почему и просит комитет, пригласив г. Красина, препроводить ее в комитет и представить эту находку от себя в Императорское Московское археологическое общество, в том случае, если при самом Тобольском статистическом комитете нет музея. При этом г. Игнатьев выразил готовность со своей стороны составить об этой находке статью для напечатания в изданиях археологического общества и в «Тобольских губернских ведомостях».

По поводу предложения г. Игнатьева об отсылке вышеупомянутой находки в Императорское Московское археологическое общество секретарь комитета заявил гг. членам оно, что при Тобольском статистическом комитете уже положено музею начало приобретением для него частию от жертвователей, а частию покупкою раз-

ных предметов, заслуживающих хранения в музее комитета по принадлежности их преимущественно к произведениям Сибири, не бесполезным для наглядного ознакомления по разным отраслям промышленности, так и для изучения географии, истории и этнографии страны. Почему он со своей стороны полагал бы и находку, рекомендуемую г. членом Игнатьевым, приобщить к другим приобретениям музея комитета... По рассмотрении гг. членами комитета всех вышеозначенных предметов, составляющих в настоящее время как бы основание будущего музея, постановлено:

1) Г. Андронову, приславшему чучелу сибирского тюленя, объявить искреннюю признательность комитета за содействие его к устройству музея комитета и с чем вместе просить его, если ему на будущее время представится случай, приобрести для музея комитета чучелы и других из более замечательных зверей и птиц, водящихся в Березовском округе, даже если будет нужно и недорого будет стоить, то и на средства комитета.

2) Рекомендованную г. действительным членом комитета Игнатьевым находку согласно с мнением секретаря комитета приобщить к другим приобретениям музея, для чего и пригласить г. заседателя Курганского округа Красина представить най-

денную крестьянином Подсохиным древнюю лопату в статистический комитет; о распоряжении этом уведомить г. Игнатьева и просить его прислать в комитет обещанную им статью о вышеупомянутой находке.

ТГВ, 1871. №41. С. 273.

Из журнала Тобольского губернского статистического комитета о пополнении музейной коллекции. 25 мая 1873 г.

Музей комитета увеличился на 10 №-ров разных предметов, относящихся к местной археологии, этнографии, промышленности, нумизматики и т.п. Из этих приобретений более заслуживает внимания небольшая коллекция костей мамонта и других ископаемых животных, найденных летом отчетного года на берегу р. Иртыша около села Демьянского Тобольского округа. Раскопка их, еще не вполне оконченная до настоящего времени, была поручена г. председателем комитета тобольскому исправнику, для чего и было ассигновано ему, по постановлению комитета 29-го июля месяца за № 12-м, тридцать руб. Из представленной его превосходительству исправником при рапорте от 24 [месяца] апреля [1873 г.] за № 698 записки земского заседателя Пузика о местности, где производилась раскопка упомянутых костей, видно следующее: в 245 верстах к северу от Тобольска на левом берегу р. Иртыша находится село

Юровское, по правую сторону которого в одной версте лежит деревня Ларионкова, а по левую, в том же расположении, деревня Ишик.

...С убылью весенней воды жители упомянутых трех селений с давних пор и почти ежегодно на отмелевшем берегу, в песчаном слое земли, находят мамонтовые кости, которые из песка вырывают и употребляют вместо якоря к рыболовным снастям, а те кости, которые еще не совсем сгнили, как, например, клыки, продают в Тобольске.

В нынешнее лето один из жителей села Юровского заметил высунувшийся из песчаного слоя берега реки против деревни Ларионковой (она от берега в 20 саженях) клык мамонта, вырыл его и тут же ущупал другие кости, из которых, по его словам, успел достать две части от передних ног и несколько мелких костей, последние он побросал, по неимению в них ему нужды, в воду, а первые две привязал к рыболовному перемету, но они у него порвались и утонули неподалеку от правого берега Иртыша против деревни Ларионковой, остальные же кости он в то время не мог выкопать, потому что берег стал обваливаться и их засыпало землей. Замечательно, что кости мамонта, как заверяют жители села Юровского и деревень Ларионковой и Ишик, всегда находились только против этих селений. По словам жителей, в

числе костей находилось много головных черепов, но они, по незнанию, куда могли быть употреблены эти кости, не собирали их или просто с берега сбрасывали в воду. В указанном месте ныне вырыты были следующие кости: клык, три кости от передних ног, тазовая кость, два ребра и несколько других мелких костей; последние, а равно первые две, нашедшим их брошены в воду. В каком положении находился скелет, определить было нельзя, потому что обвалом берега постоянно при работах песок одавливало вниз и он от тяжести верхних сырых пластов земли катился (вниз) в воде и тем сгруживал кости мамонта, отчего и найдены они почти одна на другой, и именно сперва челюсть, потом, неподалеку внутрь берега, тазовая часть, а под ней остальные кости, кроме левой верхней кости задней ноги, которая лежала поперек берега, коленом внутрь его, в расстоянии от первых на полторы сажени и ниже их на один аршин. Дальнейшая раскопка будет продолжаться летом 1873 года, по окончательной убыли воды в р. Иртыше и по наступлении сухой погоды.

ТГВ, 1873. №28. С. 2-3.

Из отчета о состоянии Тобольского музея за 1887 год

Музей Тобольского губернского статистического комитета помещался в 1887 году в одном из зданий, принадлежащих То-

больской гимназии. Здание это старое и ветхое и хотя приспособлено к помещению музея, но все-таки настолько неудовлетворительно, что весьма желательным было бы как можно скорее перевести музей в собственное вновь строящееся здание. Настоящее помещение неудовлетворительно уже потому, что оно очень мало, что не дает возможности привести вещи в надлежащий порядок и распределить их по отделам. Кроме этого, помещение это, несмотря на топку печей, очень холодное, что не позволяет работать в музее и мешает посетителям подробно осматривать вещи. Наконец, неравномерная температура помещения подвергает порче многие предметы, находящиеся в музее.

Всех вещей в отчетном году поступило в музей 609 экземпляров.

По отделам музея количество этих вещей распределяется таким образом:

1. По естественно-историческому — 78.

2. По антропологическому — 80.

3. По археологическому — 285.

4. По общеобразовательному — 141.

Итого — 584.

В библиотеку музея поступило:

книг и брошюр — 18;

карт и планов — 7.

К 1-му января 1888 года в Тобольском музее состояло:

I. В естественно-историческом отделе:

Чучел млекопитающих — 9 предметов.

Шкурок млекопитающих — 4.

Черепов — 8.

Анатомических препаратов — 2.

Чучел птиц — 13.

Шкурок птиц — 6.

Спиртовых препаратов земноводных и рыб — 12.

Коллекция минералов — 50.

Гербарий местных трав — 30.

Палеонтологическая коллекция — 30.

Итого — 164.

II. В антропологическом:

Принадлежностей шаманского культа северных инородцев Тобольской губернии — 20.

Нарядов и украшений — 15.

Домашней утвари — 15.

Принадлежности ухода за детьми — 2.

Музыкальных инструментов — 6.

Жилищ в моделях — 3.

Женских татарских украшений — 4.

Принадлежностей для езды на оленях — 14.

Принадлежностей охоты — 35.

Принадлежностей рыболовства — 23.

Манекены остяков — 2.

Модель барки для перевозки хлеба — 1.

Модель мельницы с толчей — 1.

Самоедских трубок для курения табака — 3.

- Портретов Ермака — 3.
Итого — 147.
III. В археологическом:
Костяные вещи:
 Наконечники костяные для стрел — 2.
 Кольчуг — 3.
 Ножей, пряжек, подковок и проч. — 6.
 Стрел — 6.
Медные и бронзовые предметы:
 Бронзовых блях — 4.
 Медных и бронзовых котлов и сосудов — 4.
 Бронзовых удил и украшений к сбруе — 5.
 Бронзовых наконечников для стрел — 30.
Стеклянные и каменные предметы:
 Бус различной величины и формы — 230.
Русские древности:
 Церковных — 1.
 Оружия — 3.
 Печатей — 2.
 Исторических памятников — 2.
 Серебряная золоченая чаша — 1.
Атласы:
 Атлас раскопок курганов, находящихся на Чувашском мысу — 1.
 Атлас древностей Минусинского музея — 1.
Итого — 300.
IV. В общеобразовательном, в котором содержатся вещи, не относящиеся к Тобольской губернии:
 Китайских вещей — 11.

Вещей из оленьей шерсти тунгусской работы — 2.

Нумизматическая коллекция содержит в себе:

Русских монет серебряных — 29.

Медных — 127.

Ассигнаций — 12.

Древних монет — 2.

Иностранных монет — 9.

Медалей и жетонов — 10.

Итого — 202.

Библиотека содержит в себе:

Книг и брошюр — 18 томов.

Планов и карт — 7.

Итого — 25.

Всего в настоящее время в Тобольском музее находится 838 предметов.

Имущество музея заключается в мебели в количестве 7-ми вещей на сумму 48 руб. 56 коп. Пожертвования в музей вещами в отчетном году поступили от следующих лиц: его превосходительства Владимира Александровича Тройницкого, его превосходительства Василия Петровича Неудачина, Марии Владимировны Тройницкой, Софии Ивановны Тройницкой, Прасковьи Александровны Кривцовой, Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова, Михаила Дмитриевича Скрябина, Александра Андриановича Сыромятникова, Клавдии Ивановны Протопоповой, Вандолина Викентьевича Фальского, Павла Петровича Пасынкова, Петра Ивановича Панова, Владимира Васильевича Жарникова, Андрея Александровича

ровича Трухина, Степана Николаевича Мамаева, отца Николая Унжакова, Флориана Станиславовича Лахмайера, Иллариона Михайловича Слауты, Ивана Федоровича Александрова, Николая Никитича Розанова*, Иннокентия Ивановича Кузнецова, Александра Ивановича Писарева, игумена отца Мемнона, куратора тобольского костела ксендза Пеняровича, Капитона Михайловича Голодникаова, Александра Дмитриевича Пискунова, Ивана Николаевича Корнилова, Александра Алексеевича Павлинова, Леонида Александровича Дювернуа, Липы Авраамовича Цейсес, Степана Трифо-

новича Окунева, Ивана Яковлевича Трофимова, Зинаиды Николаевны Лыткиной, Евлампии Петровны Таруниной, Александра Ивановича Брехова, Алексея Ивановича Афонина, Александра Францевича Яновича, Ивана Ивановича Игнатова, Михаила Максимовича Соболева, Ивана Нестеровича Кизерова, Николая Александровича Лыткина, Болеслава Адамовича Ярошевского, Василия Ивановича Брюмквиста, Ионы Федоровича Кирилова.

*Заведующий музеем
Н. Лыткин.*

*ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.
417. Оп. 1. Д. 393. Лл. 721-723
об.*

И. Н. Юшков как исследователь Тобольского края

Из работы «Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии». 1876

[Кожевенные заводы Тюмени]

Из всех заводов губернии большинство принадлежит... кожевенным, находящимся большей частью в г. Тюмени и его округе. Из этих последних более других выдаются, по качеству и количеству выделанного товара, заводы, принадлежащие тюменским 1-й гильдии купцам Ф.С. Колмогорову, И.Е. Решетникову и купчихе 1-й же гильдии А.П. Решетниковой. На первом из них в 1875 году

было выделано белой юфти 40000 штук на 300000 руб. и подошвенных соковых кож 10000 на 150000. На тюменском заводе г. Решетникова было выделано белой юфти 10000 на 65000 руб. и 16000 кож черных, красных и подошвенных на 122250 р. На заводе г-жи Решетниковой юфти белой было выделано в 1875 году 28000 штук для поставки в комиссариатское ведомство по 7 руб. штука на 196000 руб.; других сортов кож выделано на 67500 руб.

Цены на выделанные на этих заводах кожи вообще были

* Николая Никитича Розанова — зачеркнуто карандашом.

следующие: белая юфть шла от 7 до 10 р., подошвенная кожа от 10 до 15 руб. за штуку; черные от 7 р. 50 к. до 8 р.; красная, преимущественно сбываемая в Киргизскую степь, от 7 р. 25 к. до 8 р.; конина черная и белая по 4 р. 50 к., бараньи кожи на других кожевенных заведениях в Тюмени стоили: белые 1 р. 10 к., красные, черные и желтые по 1 р. 13 к. за штуку. За одну выделку кож цены были: за выделку белой конины 50 к. со штуки, красной яловой кожи (линейной) 70 к., яловых, черных и дубленых подошвенных по 80 к., черной сапожной (конской) тоже 80 к. со штуки. Скотские кожи сырцом покупаются на ярмарках в городах: Ишиме, Кургане, Ялуторовске и Тюмени Тобольской губернии, в Петропавловске, Акмолинске и Таинчинской ярмарке в Акмолинской области и городах Ирбите и Шадринске Пермской губернии. Кожевенный товар, выделяемый на главнейших кожевенных заводах г. Тюмени, сбывается на ярмарках Ирбитской и Нижегородской, в городах: Петропавловске, Троицке, Кунгуре, Екатеринбурге, отправляется в Туркестанскую область, а также во внутренние губернии России, в города Казань, Курск, Полтаву и в обе столицы. Выделанные бараньи кожи, а часть и некоторые изделия из них, кроме ярмарок Тобольской губернии, отправляются

для сбыта далее в Сибирь, преимущественно в города: Омск, Томск, Красноярск, Енисейск и Иркутск, цветные бараньи кожи находят сбыт в гг. Казани, Екатеринбурге и Кунгуре.

Большинство кожевенных, как и других, заводов здесь не употребляет для своего действия силу пара, а обходится или конным приводом, или посредством простого механизма, приводимого в движение ветром.

Из вышеупомянутых на кожевенном заводе г. Колмогорова, занимающем семь деревянных корпусов (из них 2 двухэтажные), находятся 13 корьевых ветряных мельниц, одна корьезная машина, четыре винтовых прессы, один водоподъемный насос и два промывальных барабана, действующих посредством конного привода, 256 чанов и четыре котла; рабочих на заводе, под руководством одного мастера и двух подмастеров, в 1875 году работало 150 человек вольнонаемных из русских. На заводе г. Решетникова, занимающем семь деревянных корпусов, девять ветряных толчей, один водоподъем с конским приводом, 4 котла и 114 чанов; мастеровых — четыре человека и 75 чернорабочих. У г-жи Решетниковой действуют на заводе, помещающемся в 6 деревянных корпусах со службами, семь ветряных толчей и одна конная водокачалка; чанов находится 124 и 3 котла;

чернорабочих постоянно считается 50 человек и 25 временных под управлением одного мастера. Материалы, нужные для выделки кож на тюменских заводах, приобретаются в разных местах; так, известь (Уральской горной формации) закупается в Екатеринбургском и Верхотурском уездах Пермской губернии: тюлений жир, квасцы, купорос, сандал и другие красильные вещества и разные материалы, входящие в состав красок, на Ирбитской ярмарке; наконец, дрова, зола, деготь, ржаная мука и таловая кора привозятся в Тюмень из селений Туринского и Тюменского округов.

ТГВ, 1876. №50. С. 3.

[Тобольский винокуренный завод]

Винокуренный завод купца А.А. Сыромятникова находится в Тобольске в так называемом Вершинском предместье. Он помещается в одном деревянном, крытом железом корпусе, а солодовенная помещается в отдельном здании. При заводе в отдельном здании устроена паровая мельница для перемола зернового хлеба, потребного для винокурения; отдельно помещение для очистки вина, бочкарня, подвал для хранения спирта, два амбара для запасной муки, дом для управляющего заводом, два для служащих на заводе и казарма для помещения рабочих. На заводе железный паровик с ап-

паратом системы Рентера; при нем один заторный чан, четыре дрожжевых и газовых чанов и десять квасильных; один бражный куб и два резервуара для спирта.

На заводе г. Сыромятникова в период 1874/5 года выкурено было спирта... на 34044 р., а всего с акцизом на 102132 р. 54 коп. Ответственным винокуром на заводе был за это время один колонист Самарской губернии с помощником из местных жителей, а служащими с чернорабочими всего состояло на заводе до шестидесяти человек.

Чугунолитейные заводы Тобольской губернии

К замечательным заводам, находящимся в городе Тюмени, относятся два чугунолитейных заведения великобританских подданных Е.Э. Гуллет и Г.Э. Вардроппера. Первое из них состоит из 5 корпусов, из которых в одном деревянном помещаются слесарные и токарные мастерские; в другом, также деревянном, — кузнечное и котельное производства; в третьем — каменном — чугунолитейная и медеплавильная вагранка; в четвертом — деревянном — производятся кричные и кузнечные работы, и, наконец, в пятом, деревянном же, находящемся на левом берегу Туры, идет судостроительное производство. Рядом с этим последним зданием устроено особое помещение для водоподъемной машины. На заводе этом

производится разных работ средним числом на 75 т[ысяч] руб. в год. Здесь приготавливаются паровые машины разных систем, ремонтируются шины местных пароходовладельцев и выделяются разные мелкие металлические изделия. Так, в 1872 году на этом заводе построены были две пароходные машины в 60 и 100 сил среднего давления и отремонтировано до 15 пароходов, рейсирующих по рекам Западной Сибири; сверх того сделана вновь одна паровая рукоподъемная машина для одного из уральских горных заводов. Рабочих на заводе до 160 человек. Завод г. Вардропера окончательно устроен и производит работы только с 1872 года. Он помещается в четырех деревянных корпусах и имеет одну паровую машину в 20 сил, посредством которой приводятся в действие токарные станки и вагранка. На заводе, под управлением самого хозяина, работает до 100 человек, рабочих и мастеров, большею частью вольнонаемных из местных жителей, и только одну десятую составляют немцы и переселенцы польского происхождения. В течение года работ здесь производится на сумму до 45 т[ысяч] рублей. Чугунное литье обыкновенно обходится на заводе вчерне от 2 до 2½ руб. за пуд, а в отделке от 4 до 10 р., медное — от 18 до 26 р. вчерне и от 26 до 40 отделанное. Ковка железных

вещей вчерне стоит от 3 до 8 руб., а в отделке от 6 до 15, котельные работы обходятся обыкновенно от 5 до 10 руб. за пуд. В числе работ на этом заводе в 1872 году, кроме разных мелких изделий и ремонтировки пароходов частных пароходовладельцев, произведены были между прочим следующие: две пароходные машины, три паровые мукомольные машины, из коих две с лесопильными станками; один четырехсильный локомобиль и две паровые машины с касающимися цилиндрами, по заказу золотопромышленников в Восточной Сибири. Все необходимые для этих заводов материалы, как-то чугун, железо, сталь, медь, олово, цинк, приобретаются на Ирбитской ярмарке и с Уральских заводов, а дрова и уголь у местных жителей.

ТГВ, 1876. №51. С. 4.

Из работы «Прошедшее торгового дела в Западной Сибири». Не ранее 1867 г.

Замечательным эпизодом из истории тогдашних сношений наших с заграничными торговцами были приключения одного служилого казака тобольской иррегулярной татарской команды по имени Сафар Курбанбакиев. Он по увольнительному билету от своего начальства несколько раз ездил в Кашгар для торговли по доверенности и кредиту семипалатинских купцов Осипа Пиленкова, Самсонова и

других. Осенью 1815 года, запасшись заграничным паспортом, Сафар Курбанбакиев отправился за границу с купеческими караванами, имея при себе более двадцати тысяч рублей ассигнациями, порученных ему для торговых оборотов разными семипалатинскими купцами. Сначала Курбанбакиев поехал под именем бухарца к китайской границе и торговал в китайском городе Учтурбаке, но где-то около города Кульджи был ограблен и лишился большей части своих товаров и денег. Чтобы разыскать по возможности и возратить ограбленное, он приехал в Кульджу и начал просить себе у китайских властей законного удовлетворения. После длинного ряда возможных неудач и затруднений Курбанбакиев года через полтора получил наконец часть ограбленных у него товаров, будучи обязан этим ходатайству одного султана по имени Сарыбай, который выхлопотал ему сверх того и пропуск ехать далее. Через несколько времени караван Курбанбакиева прибыл к урочищу Семи рек (нынешний Семиреченский край) в Большой Орде, где был тогда султаном известный Сюк Аблайханов. Здесь ловкий и предприимчивый Курбанбакиев нашел случай лично представиться султану и разными подарками и рассказами о своих путешествиях имел удачу ему понравиться. Торговля в этой стране

шла плохо, зато отпуском своих товаров в долг Курбанбакиев приобрел большую популярность между туземцами и прожил у них более года. В это время он весьма усердно старался убедить султана Большой Орды, что грабежи и разбой дикокаменных киргиз, от которых и он сам еще так недавно пострадал, и хищнические набеги киргиз Средней Орды могут быть остановлены только тогда, когда Большая Орда будет искать покровительства могущественного русского царя. Эту мысль он распространял и в народе, для того чтобы склонить всю Орду вступить в подданство России. Само собою разумеется, что этот импровизированный дипломат действовал без ведома своего начальства, к которому явиться он затруднялся за просрочкою своего паспорта и потому особенно желал представить впоследствии благовидный предлог своему долговременному отсутствию. Впрочем, инициатива его настоящих усилий принадлежала не ему собственно, а доверителям его семипалатинским купцам, от которых он и имел соответствующие обстоятельства инструкции. Купцы же эти имели в виду преимущественно удобства торговли с внутреннею Азиею и надеялись, особенно некто Попов, что с присоединением Большой Орды к русским владениям они будут иметь гораздо более шансов для собственной безопасности при

проездах своих по степям и для сохранения своих караванов, чем это было до сих пор. С.П. Попов сам внушал приказчикам своим и всем татарам, тоговавшим в степях, чтобы они пропагандировали везде, а в особенности между муллами, богатыми султанами и всеми влиятельными киргизами, о необходимости установления в степях порядка, с которым всякая баранта прекратится, следовательно, стада их увеличатся до громадной цифры и киргизы от этого сделаются богачами Средней Азии, станут употреблять для одежды одно сукно, бархат, конфу и проч., и что для этого им стоит только просить русское правительство поселить на постоянное жительство на некоторых пунктах степи казаков и проч.

Внушения эти, разумеется, при случае подкрепленные бешкешем (подарками), принесли желанные плоды: киргизы, дотеле не хотевшие и слышать о водворении между ними русских, теперь постепенно стали убеждаться, что без прочной власти и порядка нет и не может быть им спасения от внутренних раздоров и хищничества. Как бы то ни было, но усилия Курбанбакиева увенчались полным успехом: султан Сюк изъявил готовность искать покровительства русского монарха и перейти со всем народом своим в вечное подданство России. Курбанбакиев с извест-

тием об этом решился наконец возвратиться в Сибирь и явиться к своему начальству, в Омскую крепость, в которой в то время находился штаб Сибирского линейного корпуса. Корпусный командир Г.И. Глазенап долго не хотел верить справедливости известия Курбанбакиева и только уступая просьбам заинтересованных в этом деле семипалатинских купцов решился для проверки донесения Курбанбакиева командировать вместе с ним за границу служившего в линейном корпусе переводчиком IX класса муллу Гассана Сейфуллина, бывшего до того преподавателем татарского языка в Тобольской гимназии. Сейфуллин объехал все главные улусы Большой Орды, расположенные в степи параллельно нашим линейным крепостям Семипалатинской, Устькаменской и Устьбехтарминской, лично принял уверения султана в искреннем желании его и всей Орды принять навсегда подданство России и привел его с подвластными ему биями и старшинами и другими представителями из народа к верноподданнической присяге. Потом, собрав поверхностно самые необходимые сведения о тамошнем крае и взяв с собою, по желанию султана, сына его Джан Ходжу с мурзою для удостоверения омского начальства, Сейфуллин отправился обратно в Омскую крепость вместе с Курбанбаки-

евым и некоторыми из почетнейших киргизских старшин, пожелавших лично уверить русское правительство в принятии ими и всей Ордою русского подданства.

По приезде в Омскую крепость Сейфуллин представил генералу Глазенапу приехавших с ним султанского сына и мурзу и подробные именные ведомости о новых подданных России. По этим ведомостям значилось принявших подданство России киргиз Большой Орды более 55 тысяч человек обоего пола и всех возрастов. В официальном донесении об этом же предмете корпусному командиру Сейфуллин между прочим отзывался о вновь присоеди-

ненном к России крае, как о самом обильном и хлебобордном, а о жителях его, как о способных и усердных к хлебопашеству. Край этот, по словам его, находится на юге от Семипалатинской крепости верстах в 700, а от китайского города Кульджи не более как в 100 верстах. Вступая в подданство России, киргизы Большой Орды желали, чтобы им испрошено было разрешение русского правительства остаться на тех же местах, свободно устраивать оседлые селения около будущих русских форпостов и построить мечеть.

*Юшков И.Н. Прошедшее
торгового дела в Западной
Сибири. Тобольск. [Б.д.]
С. 17–20.*

Публикации И.Н. Юшкова

Тобольские губернские ведомости

1858 г.

*Фотография в Тобольске
(№34)*

В статье приводятся сведения о «главнейших фазах и истории этого искусства и поименованы знатнейшие ее деятели, которым наука обязана многими замечательными открытиями».

1858 г.

Еще несколько слов по поводу кометы (№39)

25 августа «в исходе 9-го часа пополудни... на северной стороне тобольского горизонта усмотрена комета».

Театральные известия (№№43, 46)

Рецензии на спектакли, в частности на «Свадьбу Кречинского». «Мы видели несколько комедий, сыгранных труппою Соколова очень серьезно и добросовестно».

1859 г.

*Концерты в Тобольске (№8)
Местные известия (№14)*

1860 г.

*О библиотеках в Тобольске
(№31)*

В Тобольске имелись библиотеки при гимназии, семинарии, дивизионном штабе и одна частная.

«Первые две не имеют для нас никакого значения по недоступности своей для массы. Круг читателей здешней батальонной библиотеки ограничивается одним военным сословием, само собою разумеется, что только офицерами. Библиотека эта составляется большею частью из одних журналов и газет, которых в ней выписывается до 10...

Одна только существующая частная библиотека открыта для чтения всем жителям города». Читатели ее, преимущественно чиновники, причем, по мнению автора корреспонденции, «читаем мало, да еще и в этом-то немногом очень часто выбираем не лучшее».

В 1857 г. в Тобольске выписывалось до 50 различных периодических изданий количеством 160 экземпляров; в 1859 — 224 экземпляра и в 1860 г. — 77 изданий (222 экземпляра).

Несколько слов о табачной промышленности вообще, и в Тобольской губернии в особенности (№33)

Местные известия (№33)

1861 г.

Местные известия (№17)

«В одном из прошедших номеров нашей газеты было возвещено об обнародовании у нас Всемиловейшего манифеста 19 февраля 1861 г. и при этом замечено, что этот манифест не имел у нас огромного применения и значения, кроме общечеловеческого, по незначительно-

му числу у нас крепостных имений».

Сибирские татары (№№35—45)

1864 г.

Местные известия (№2 [о создании в Тобольске общества чиновников для составления по частным делам просьб и др. официальных бумаг], *№13)*

1865 г.

Местные известия (ТГВ. №1)

1866 г.

Местные известия (ТГВ. №3)

1867 г.

Варлаков Григорий Александрович. Некролог (№16)

«Прослужив 33 года, исполняя в это время множество хозяйственных операций и живя постоянно чрезвычайно скромно, покойный едва оставил сотню рублей, которою и распорядились при погребении, да пред самой кончиной с обычной своей аккуратностью привел в порядок свои счета, по которым оказалось на нем долгов, сколько нам известно, до 1000 рублей, кроме тех мелких счетов, какие могут еще быть представлены».

Г.А. Варлаков был награжден орденами Станислава II степени (1860 г.) и св. Анны II степени (1864 г.).

Сведения о сношениях сибиряков со среднеазиатскими племенами в начале XIX столетия (№41)

Местные известия (№№47, 48, 50, 51)

1869 г.

[Иван Федорович Лисицын, инспектор и учитель духовного училища]. Некролог (№6)

Местные известия (№№5 [о праздновании трехлетия сиропитательного заведения, созданного с целью призрения детей арестантов-ссыльных], 28, 30–33, 34 [сообщение о смерти 18 августа в понедельник в 2 часа пополудни П.П. Ершова], 35–44, 46–47, 49, 50)

1870 г.

Местные известия (№№7, 8, 10, 12, 14–16)

Обдорская ярмарка 1870 г. (№17)

1873 г.

[Ишимская Никольская ярмарка 1872 г.] (№№26–28)

1876 г.

Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии (№№49–52)

Вестник промышленности

Краткий обзор заводской промышленности в Тобольской губернии (№№3, 6, 25, 65)

Оттиски, статьи

Сибирские татары. Тобольск, 1864.

Прошедшее торгового дела в Западной Сибири. Тобольск. Б.г.

[Ишимская Никольская ярмарка 1872 г.]. Тобольск. Б.г.

Выводы из статистических таблиц Тобольской губернии за 1869 год. Тобольск. Б.г.

Вехи истории Тобольского музея

1870 г.

По инициативе И.Н. Юшкова при Тобольском губернском статистическом комитете открыт музей.

1875–1882 г.

По инвентаризации 1875 г. в музее числилось около 100 экспонатов. После смерти И.Н. Юшкова (1877) вплоть до 1886 г. поступлений разных предметов не было, напротив, чучела птиц и животных портились.

Часть экспонатов, отправленных в Петербург на международный съезд ориенталистов (1876) и в Москву на промыш-

ленно-художественную выставку (1882), не были возвращены обратно.

1886 г.

15 января заведывание музеем поручено статистическим комитетом директору Ветеринарно-фельдшерской школы Николаю Александровичу Лыткину, действительному члену губернского статистического комитета. Коллекция 1886 г. насчитывала 46 различных вещей. 29 сентября статистический комитет принял решение о строительстве специального музейного здания.

1887 г.

4 июня состоялась торжественная закладка музея в саду у памятника Ермаку. Строился он по проекту архитектора П.П. Аплечеева.

1888 г.

25 сентября строительство музейного здания было закончено.

1889 г.

10 апреля состоялось открытие музея для посетителей. До конца года его посетило 2385 человек.

1 декабря 1889 г. статистический комитет провозгласил музей самостоятельным учреждением в системе Министерства земледелия и государственных имуществ с организацией при нем особого общества — «Тобольский губернский музей».

1890 г.

4 сентября. Министерством Земледелия и государственных имуществ утвержден устав общества.

1891 г.

10 июля музей посетил царевич Николай Александрович (будущий император Николай II).

31 августа наследник принял под свое покровительство Тобольский музей. (По восшествии на престол он подтвердил 12 декабря 1894 г. свое согласие оставить музей под своим покровительством.)

1893 г.

Издан первый выпуск «Ежегодника Тобольского му-

зея». Последний — в 1918 г. Всего напечатано 29 номеров.

«Издание «Ежегодника» значительно способствовало росту известности и популярности музея, расширению его научных связей» (Трофимова).

Тираж «Ежегодника» в разные годы колебался от 300 до 750 экземпляров. В нем печатали свои статьи Е.В. Кузнецов, Н.И. Палопеженцев, С.М. Мамаев, Н.А. Городков, Н.Л. Сколозубов, Н.Ф. Катанов и др. Всего было опубликовано 159 краеведческих статей.

«Наше издание, — писала редакционная комиссия, — открывает свои страницы для всех истинно заинтересованных в деле изучения края и всех искренних приверженцев его процветания».

1894 г.

Консерватором (хранителем музея) назначен Николай Лукич Сколозубов, губернский правительственный агроном, позже депутат Государственной Думы. Девиз его деятельности: «Знание своей страны — есть сила, без которой народный труд не может прогрессировать».

1895 г.

Музей принял участие в сельскохозяйственных выставках в Кургане и в Москве. Опубликованы каталоги по отделам.

1896 г.

Участие во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Положено начало художественному отделу музея.

1899 г.

К музею перешла метеорологическая станция, что, по справедливому утверждению В.И. Трофимовой, «способствовало росту авторитета музея как научного учреждения».

1900 г.

Участие в Парижской выставке, получил диплом и бронзовую медаль.

1915 г.

В.Н. Пигнатти провел раскопки городища Искера, они «обогатили музей интересной коллекцией, раскрывающей занятия, быт и торговые связи татарского населения края времени Сибирского царства» (Трофимова).

1920–1929 гг.

Директором музея был М.П. Тарунин.

1925 г.

Музей переведен в новое помещение на территории кремля.

1945 г.

21 апреля областной исполнительный Совет депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) наградило Тобольский музей Почетной грамотой, а директора С.И. Павлова и его заместителя М.П. Тарунина почетными грамотами и ценными подарками (см.: 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск. 1987. С. 191).

1961 г.

Тобольский музей преобразован в государственный историко-архитектурный музей-заповедник. В его состав вошли кремль — памятник зодчества XVII–XVIII веков, городской вал, памятник Ермаку, могилы декабристов и наиболее значительные в архитектурном отношении церкви города.

Основные даты жизни и деятельности

И.Н. Юшкова

1833, августа 30 (11 сентября по новому стилю) — в Тобольске в семье священника Николая Андреевича Юшкова и его жены Александры Федоровны родился сын Иван.

1846–1852 — учеба в Тобольской духовной семинарии.

1859–1870 — редактор «Тобольских губернских ведомостей».

1870 — открытие Тобольского музея при губернском статистическом комитете.

1876, апреля 2 — награжден орденом св. Анны III степени.

1877, марта 13 (25 по новому стилю) — смерть И.Н. Юшкова.

Библиография

Гриценко Н.В. Музей под руководством тобольских губернаторов // Югра. 2003. №5. С. 35–39.

Груздева В. Стоявший у истоков [ТГИАМЗ — 130 лет] // Сибирская панорама. 2000. №15 (8 апреля). С. 6.

Груздева В. Слово об основателе Юшкове // Тюменские известия. 2000. №75 (21 апреля). С. 3.

Ермеева О. К истории Тобольского музея // Сибирская панорама. 1998. №28 (18 апреля). С. 3.

Марченко Л. Положивший начало. Иван Николаевич Юшков (1833–1877) // Сибирская столица. Тобольск. 1997. №1. С. 13–14.

Мурашова Н.А. «Благодаря неустанным хлопотам» [История создания и сегодняшний день научной библиотеки Тобольского государственного историко-

архитектурного музея-заповедника] // Тобольская правда. 1999. №31 (27 февраля). С. 3.

Мурашова Н.А. «Прошу почтить вашими поручениями...» [История библиотеки Тобольского музея-заповедника] // Тобольская правда. 1995. №37 (10 марта). С. 3.

Мурашова Н.А. «Научное и просветительское учреждение» [130 лет ТГИАМЗ] // Тобольская правда. 2000. №37 (9 марта). С. 2.

Надточий Ю.С. Как начинался Тобольский музей // Тобольская правда. 1994. №195 (23 декабря). С. 2.

Рахимов В. Губернский музей [Страницы истории] // Тобольская правда. 1999. №31 (27 февраля). С. 3.

Юшков Иван Николаевич [Основатель музея в Тобольске] // Сибирские реликвии: Альбом. Тобольск. 1999. С. 6.

Записки незаметного человека *

* * *

Я самый маленький, самый незаметный человек, или, вернее, один из таких.

В настоящее время я решил писать, думая о том, что написанное мною когда-нибудь и где-нибудь будет напечатано.

Происхожу я из зырян (конечно, всем известна эта маленькая кучка людей, в высшей степени смиренных и незаметных).

Несмотря на постоянное пребывание среди русских, я все-таки не могу отстать от своего зырянского выговора и некоторых особенных манер, что делает меня угловатым и, вероятно, очень забавным.

Именно забавным, а не интересным.

Откровенно говоря, я часто жалею, отчего я не восточный человек? Что такое зырянин? — замухрышка какая-то, сирота казанская, а то ли дело — горец!

Красота, великолепие!

Ведь родится же такой человек!

Взгляд ли, осанка ли, походка ли, движения — ну просто царственность природная, можно сказать.

Ничего нет удивительного, если дамы такими увлекаются — в них так много притягательной силы.

Куда же тут соваться зырянину или мордвину какому-нибудь?

Будь я горец, не влачил бы такое жалкое существование, как теперь, а жил бы в городе, содержал бы ресторан или что-нибудь такое, ходил бы с кинжалом за поясом, бросал бы орлиные взгляды направо и налево, говорил бы «душа лубезный», совершал бы грабежи и покорял бы женские сердца.

А в настоящем виде я даже не пользуюсь расположением кривой Марьи, особы отзывчивой к некоторым нуждам страдающего человечества.

Ну, я, кажется, заговорился, надо продолжать.

Зырянин я не простой, а девичий сын.

Что может быть хуже этого при наших понятиях?

В безбрачии зачат я, в проклятии рожден, а в самом жалком унижении вырос.

Кажется, самые подходящие условия для того, чтобы из меня вышел жалкий человек.

Но Бог не без милости и свет не без добрых людей, то и для меня нашелся благодетель, благодаря которому я увидел себя в общежитии одного второклассного училища, где благополучно окончил курс и получил назначение на должность учителя в школу грамоты.

Одним словом, вышел в люди.

Нельзя сказать, что школа много мне дала, но все же значительно больше того, что я имел: научился правильно писать по-русски, узнал, как называется та часть света, в которой мы живем, узнал, что Гоголь был сочинитель и Пушкин тоже, слышал объяснения о кислороде и углероде (но теперь никак не могу отыскать разницу), да много кой-чего.

Учителем меня назначили в зырянскую деревушку, где я сразу почувствовал себя «выше толпы». Ко мне обращались за некоторыми разъяснениями, и я, с видом знатока, объяснял так, как подсказывала моя свежая фантазия.

Славно я зажил тут, хотя и получал жалованье 8 руб. в месяц.

Приводит зырянин своего ребенка в школу и говорит:

— Научи грамоте, чтобы умел читать и писать, может быть, придется на чужой стороне бывать, оно и пригодится: письмо домой написать.

Я важно слушал родителей и басом отвечал:

— Научим, человеком будет.

И я совершенно искренно верил в то, что выполню несложную программу, указанную отцом ребенка.

И выполнял, не вдаваясь в мелочи.

Ни сомнений, ни терзаний душевных я тогда не ведал, и жизнь не была мне в тягость.

Идешь, бывало, по улице с тростью (я подражал одному учителю) — народ кланяется, некоторые в гости приглашают, а ребята, быстро узнавшие меня, скачут на одной ножке и звонко кричат:

— Филат Петрович идет!

Очень мне это нравилось.

Нравилось мне и то, что где бы я ни был и когда бы ни пришел, — всегда меня сторож пропустит, как хозяина.

Восьми рублей при тогдашней дешевизне доставало мне вполне, оставалось даже на табак и водку, которую я начал пить из подражания.

Был я принят и в «высших кругах» нашего общества; но пользы от этого оказалось мало.

Впрочем, научился я петь песни с дрожанием в голосе и насмотрелся на выходки наше-

го волостного писаря, из семинаристов, который однажды кормил кашей икону св. Николая Чудотворца, приговаривая: «другие тебе свечи ставят, а я кашей кормлю и думаю, что это более остроумно»; а в другой раз вилкой выколол глаза какому-то высокопоставленному лицу на портрете.

Однако из всех, кого я там знал, писарь был самый умный человек.

Короче говоря, жил я привольно и без нужды; но блаженство это длилось только два года. Школы грамоты упразднили, и я остался за бортом, так как экзаме́н на право учителя церковно-приходской школы держать не стал. С тех пор начинается моя грязная бродячая жизнь.

* * *

Мое благополучие длилось недолго.

Летом, когда все крестьяне на работе, рано утром пришел ко мне священник с бумагой о сдаче школы.

Во время сдачи мне почему-то думалось, что все это обман, канитель, что вовсе ничего не нужно сдавать, но когда священник сказал: «забирай свои собственные вещи и школу запре́м», — то я почувствовал страх и холод.

Священник держал себя со мной немного по-начальнически, но все же, видимо, ему было жаль меня и он пригласил меня к себе чай пить.

Идти пришлось в село, от моей школы две версты.

— И весь твой багаж тут? — удивленно спросил священник, окидывая взглядом два тощих узелка.

— Весь... — пришлось мне сознаться, краснея.

Спасибо, не стал еще расспрашивать о том, что есть в узлах, а то бы пришлось врать, так как там было всего две пары белья, и то поношенного...

Из слов, сказанных за чаем, я хорошо запомнил один вопрос: «Теперь куда?»...

Это меня спрашивали; да и сам себя я упорно спрашивал: куда?

Впрочем, если говорить откровенно, не очень-то я унывал, какие-то надежды были.

Но незачем описывать все мои переживания.

Скажу в кратких словах, как меня жизнь «обработала» после «учительского блаженства».

Странствовал я, попадая из кулька в рогожку, около двух лет. За все это время я не жил так, как живут добрые люди — т.е. сытно, чисто и в тепле; но зато много встретил нового для меня и интересного.

Я попал в Пермь и, само собой разумеется, нашел себе приют в обществе таких же бродячих людей, как и я, только более опытных. В этой среде мало церемонятся с незнакомым человеком; но все-таки пропасть не дадут и в каком-

нибудь совете не откажут. Живут грубо, но общительно.

На тяжелую работу я оказался негодным, а потому мне пришлось отыскивать легких занятий. Но неинтересно и то, как я «навыкал» писать разного рода прошения, как поступал в магазины на должность мальчика и пр.; разве только то достойно внимания, что я основательно выучился пить водку, не прибегая к помощи закуски; а самое главное, как я полагаю, то, что в уме моем кой-что новое появилось.

Встречая всевозможных людей, начиная от бывшего каторжника, кончая студентом, изучающим нашего брата, слушая их разнообразные разговоры, я прежде всего яснее всего понял, что я ужасно темное, неразвитое существо с кличкой человека...

Поняв свое ничтожество, я понял и то, что мне не податься выше того, что я есть: чувствовал я, что нет во мне той силы духовной, которая помогает человеку подняться выше обыкновенного уровня, что нет во мне того священного огня, который заставляет гореть ум и других зажигает.

И от такого сознания скверно стало на душе, презрение к себе росло; а исход всегда был один и тот же: напиться до бесчувствия. Я полюбил то состояние пьяного человека, когда совершенно теряешь сознание, когда язык

уже не двигается и остановившиеся глаза бессмысленно упираются в какой-нибудь предмет.

В трудную минуту жизни — а то было почти всегда, — прибегал к испытанному и верному средству. Не будь этого средства — не было бы забвенья; не будь забвенья — нельзя было бы жить.

Не знаю, сколько бы продолжалось такое мое житие, если бы не следующий случай.

После выпивки, грязный, оборванный, кем-то избитый, попал я в ночлежный дом. Лежу в тесноте и во мраке. Дрожь бьет и кости ноют.

Как сквозь сон слышу разговор моих соседей по нарам.

Говорили двое: у одного чистый молодой тенор, у другого — тяжелый скрипучий бас.

— Когда-то я тоже был таким, как ты, — скрипел бас: — верил в мощь народа, верил в силу интеллигенции, — но время и опыт доказали мне, что это все чепуха, что мир движется к гибели, человечество вырождается. Короче говоря — я увидел бесполезность борьбы и решил просто вести растительную жизнь.

— Не то, товарищ, не то! — вдруг зазвенел тенор. — Это все оттого, что мозг твой отравлен алкоголем. Неправда! Жизнь прекрасна, человечество идет вперед и бороться необходимо. Если интеллигенция немного обезличилась, если народ спил-

ся и дремлет умственно, то это еще не значит, что все погибло. Надо создавать пророков, надо будить сонное царство.

Долго звелен тенор, горячо и вдохновенно; но и скрипучий бас не унимался. Говорили они о народниках и о писателях-народниках; говорили о народном учителе.

Тенор так высоко ставил учителя, так верил в его миссию, так благоговел пред ним, что со мной вдруг что-то страшное случилось: сначала мне как будто стыдно стало, потом жаль чего-то, и вдруг я горько-горько, по-детски, заплакал.

Разговаривающие соседи принялись за мной ухаживать, и когда я успокоился, то мы уже трое говорили. Отрывочно и скомканно я рассказал о том, что я был учителем.

Тенор еще более оживился и заинтересовался. Он долго уговаривал меня бросить босачество, взять себя в руки, подготовиться и держать экзамен на учителя.

— Костя, брось, — прокрипел бас, — не трать напрасно слов, береги заряды для более подходящей дичи. Ты видишь — это вырождающийся индивид: наследственность, первоначальные условия жизни сделали его каким-то бесцветным. Тут возврат невозможен, да и не к чему. Это не случайная жертва социального неустройства, а самая естественная.

— А тебе, брат, вот что скажу, — обратился бас ко мне: — раз ты еще способен плакать от сознания своего безличия и бессилія, если еще не вполне погряз в тине нашей жизни — уходи отсюда. Иди куда-нибудь в деревню, найди себе место сельского писаря или что-нибудь в этом роде и прозябай. Таких людей, как ты, — тысячи, и все они живут все-таки лучше нас.

— А может быть, и поправитесь, — задумчиво добавил тенор: — встретите хорошего человека или даже целый кружок — вот и кругозор изменится.

Проснулся я с решением уйти из города и найти себе постоянное занятие.

Откуда-то даже энергия явилась.

* * *

До первого сибирского города Т. я добрался зайцем и был уверен, что мои мытарства окончатся скоро, но ошибся: куда бы я ни заявился за справками о месте, везде меня подозрительно оглядывали и говорили:

— К сожалению, подходящего для вас места нет...

Наконец, нашелся добрый человек — писец в полиции, сообщивший мне, что в Ч. волости нужен помощник писарю.

Он же и научил меня, как добраться до Ч.

Нашел земскую станцию и застал там Ч. ямщика, собирающегося домой.

Пообещался увезти, только спросил:

— Ты весь совсем?

— Весь, — конфузливо ответил я, играя железной тростью, единственным моим имуществом.

Поехали в неведомые для меня края.

Ямщик дремал, а я отдался мечтам. Картина будущего рисовалась в моем воображении довольно привлекательная. Я видел себя всегда сытым, прилично и чисто одетым, в кругу симпатичной сельской интеллигенции и, в конце концов, женатым на скромной, но достойной девушке...

Замечательно тогда разгулялась моя фантазия, хотя я и голоден был, и курить безумно хотелось.

Но вот село Ч., довольно большое, с правильными, широкими улицами, с богатыми постройками.

При въезде в село нас встретил высокий парень, грязный и грязно одетый.

— Дядюшка, дай копеечку! — дискантом кричал парень, кривляясь и улыбаясь по-идиотски.

— Это Ваня Чига, наш дурачок, — объяснил ямщик.

— Зачем это он копеечку просит?

— А, стало быть, свои научили. Он и из одежды тоже просит. Все домой таскает.

Меня поразила такая практичность дурачка: видно влия-

ние нормальных людей, которым более свойственно слово «дай», нежели «на».

— Ну, куда тебя завезти? — спрашивает ямщик.

— Вези к писарю, как-никак свой брат, пролетарий.

— К писарю?! — и в голосе ямщика послышалось такое удивление, точно я велел ему везти себя к шаху персидскому. — Нет, парень, этот номер не пройдет: к писарю тебя не пустят, потому у них постоянно ворота на запоре. К писарю! До нашего писаря, брат, трудно добраться. Нет, ты лучше вылазь здесь и иди прямо в волость, вот этим переулком. Зеленая крыша, большой дом с вывеской.

Едва волоча усталые ноги, я поплелся по указанному переулку, размышляя о писаре, к которому так трудно попасть простому смертному.

Войдя в темный и душный коридор волостного правления, я в недоумении остановился: над одной большой дверью белелась бумажка с надписью «присутствие», над другой — «канцелярия». Не решаясь идти в присутствие, я вошел в канцелярию.

Полутемная маленькая комната, грязная и пропитанная запахом махорки. Барьер, похожий на стойку в прежних кабаках.

Сидевший за столом молодой человек обратился ко мне.

— Вам что нужно?

Так как он говорил тихо, то и я так же ответил.

— Желая поступить помощником писаря.

Молодой человек подошел к барьеру и еще тише заговорил:

— А! Вон какая штука. Помощник нужен, я вот уже две недели занимаюсь один, и дела накопилось много.

В соседней комнате раздался солидный кашель и звук от сдвинутого стола. Молодой человек быстро отошел от барьера и сел за стол с серьезным видом.

— Э... Николай Васильевич! — слышалось из присутствия.

Помощник стрелой бросился на зов.

Я слышал, как шелестели бумаги, как отдавались приказания.

— Хорошо, Лука Иванович, — часто повторял помощник.

Выходя из присутствия, он остановился в дверях и сказал о моем появлении.

— Где он? — донеслось из присутствия. — Пусть идет сюда.

Присутствие оказалось большой чистой комнатой, с диваном и парой кресел. Большой письменный стол, бюро — вообще довольно приличная канцелярия.

В одном из кресел, развалившись, сидел грузный мужчина в очках, с физиономией сановника.

— Здравствуйте-с, — сказал он на мой безмолвный поклон, мягким жестом пухлой руки приглашая сесть.

Когда на мне остановился упорный взгляд этого господина, я вдруг почему-то растерялся, почувствовал свое ничтожество.

— Ищете занятий? — начались допросы.

— Да.

— Так-с. Собственно говоря, нам нужен помощник. А вы откада будете?

Ответил.

— Прекрасно. Кто такие?

— Бывший учитель.

— Из учителей? — тут писарь (то был он) не то обрадовался, не то испугался. — Великолепно. Я сам был учителем. Документы при вас?

Вручил ему документы, стыдясь их наружного состояния. Осторожно взял, долго просматривал, мотая головой и приговаривая: «так, так».

— Что же? Мы вас, пожалуй, примем.

«Нам, мы, — невольно подумал я. — Что это за тон такой?»

— Вознаграждение вам 20 рублей в месяц; занятия по мере надобности. Служба не тяжелая.

Я в приливе глупой чувствительности рассыпался в благодарностях и даже встал пред Лукой Ивановичем.

Скромно приняв мои благодарности, он закончил:

— Вот с завтрашнего дня и начинайте с Богом. А документи останутся у нас.

Взволнованный, я вышел в канцелярию, где меня шепотом встретил Николай Васильевич:

— Идите пока к рассыльным, вот тут, налево; а потом пойдем ко мне.

Я зашел в каморку рассыльных, или сотников, как их здесь называют.

Два старика и один пожилой мужик занимались чаепитием.

— Это че, не новый ли помощничек? — спросил один старик.

— Да, новый.

— Ну вот, в добрый час. Только суседко-то залюбит ли? Все больше не по двору приходятся. На моих памятях их тут без счету перебывало.

Рассыльные тоже принялись допрашивать меня — чей да откуда; пришедший волостной заседатель — тоже; так что мне уже отвечать надоело.

Есть страшно хотелось, но от приглашения пить чай отказался, т.к. на столе не было хлеба и самовар «сбежал».

Наконец вышел Николай Васильевич, и мы пошли к нему на квартиру, где я вдоволь накурился и утолил свой голод. После обеда Николай Васильевич ушел в волость, оставив меня отдыхать.

— Высыпайтесь досыта в последний раз, — сказал он.

Жаль, что я тогда уснул не мертвым сном...

* * *

Мой товарищ Николай Васильевич Хохотунов — еще всем мальчик 18—19 лет. У него даже еще голос плохо окреп, хотя он и говорил басом.

В первый день нашего знакомства я спал у него на квартире до 11 часов вечера, т.е. пока он не пришел из волости и не разбудил меня.

Не сразу я пришел в себя и на некоторые вопросы ответил невпопад, чем заставил Николая Васильевича звонко хохотать.

— Да вы что, еще не проснулись? — тормошил меня будущий товарищ. — Вставайте, будем водку пить.

Эти слова сразу привели меня в чувство и подняли на ноги.

На столе стояла бутылка водки и тарелка с пряниками.

— Нам ведь придется вместе пропадать за работой, а потому надо познакомиться как следует, — говорил Николай Васильевич, наливая рюмки и чокаясь.

— Почему же уж так «пропадать»?

— А вот увидите.

Выпили по второй.

Николай Васильевич забросал меня вопросами, как я раньше жил, сколько имею денег и обмундировки.

Чувствуя товарищеское участие во всех вопросах, я с удовольствием и искренно ему ответил.

— Гол как сокол, — заключил Николай Васильевич,

выслушав мой отчет. — Ну ничего, все будет, это не беда. У меня ранее была как есть одна тужурка, а теперь есть всего понемногу, даже подушку и одеяло приобрел.

— Расскажу тебе свою биографию, — начал Николай Васильевич, вдруг переходя на ты. — Ты должен знать, с кем имеешь дело; и мне интересно вспомнить старое, т.к. в настоящем нет ничего хорошего. Отец мой был писец. Служил в городской управе. Будучи честным человеком и усердным работником, он умер нищим, от чахотки. Осталось нас пять голов, без куска хлеба и без работника.

Спасибо, дедушка прибрал; у того было кой-какое хозяйство. Да и судьба о нас позаботилась: ребята, кроме меня, перемерли, а мать вышла замуж.

Как-то так вышло, что я лучше стал понимать канцелярское дело и в 15 лет уже занимался в одном частном банке, хотя окончил только начальную школу. Понятно, небольшая птица был я, больше на конвертовке сидел; но все же зарабатывать себе на все необходимое: 25 получал. Только вот самостоятельная жизнь с таких лет и портит нашего брата! Разве тогда знаешь, что можно, что нельзя? Разбирать некогда. Ну, понятно, в товарищеской компании к вину попривык.

А не пришел на занятие дватри раза, сейчас тебе и говорят: «с миром изыди».

Туда, сюда — везде полно.

С горя остатки пропил. Кой-как добрался до дяди — здесь, неподалеку, в заводе служит; дядя побранил: «Бить бы, говорит, надо, да большой вырос, не справиться».

Ну, все-таки помог попасть на место: прямо направил сюда, с письмом к Луке Ивановичу. Вот и служу уже 7-й месяц.

Ну а здесь, брат, такое житье, что и не выразишь скоро словами. Я с первых же дней все хочу убежать; но мужества мало и денег не могу скопить. Понимаешь, в полгода я тут окончательно оглупел, все, что раньше было, куда-то исчезло. Волость превратилась для меня в тюрьму, Лука Иванович — в надзирателя. Пьяный, я еще туда-сюда, способен и говорить, и смелость появляется; ну а трезвый превращаюсь в бессловесное. Жизни я здесь не вижу!

Меня в машину превратили. Та же участь ждет и тебя — я вперед знаю.

— Чем же ты объясняешь все это?

— Чем? А тем, что в этом сонном царстве царит дух Луки Ивановича. Все в его руках, все он обнюхал, каждая былинка отравлена его дыханием.

Он 30 лет тут служит. Отрастил брюхо; набил карман. Я даже выразить не могу, как его ненавижу. Жаль, что в трезвом виде я тряпка; а пьяному скандалить нельзя — свяжут.

— Все-таки как же так он все в свои руки забрал и что же он дурного делает?

— Эх, брат! Ты еще, должно быть, не встречал таких людей? Понятно, все рассказывать долго; но я тебе кой-что изложу. Прежде всего, он не дурак, потому что умеет, как подойти к человеку, как попасть в тон, умеет определить, куда ветер направляется и успевает переменить парус. У него талант приспособляться. Но всегда и всюду он старается исключительно для себя, умея, однако, сделать вид, что стремится к общему благу. Он так юлит, так ерзает, так умеет все использовать для своего брюха. что диву даешься.

Фамилия его — Криводушин — как нельзя лучше определяет его душевные качества. Но премудрость в том, что все его темные делишки окутаны таким туманом, что простым взглядом ничего не разглядишь.

Да вот ты сам попадешь к нему в сети и узнаешь, что это за птица.

— Ну а что же старшина?

Николай Васильевич свистнул и постучал о стол.

— Дерево, так оно дерево и есть.

— Неужели же нет никого, кто мог бы раскусить его, а потом и развенчать?

— То-то, что как следует за него не берутся: бояться. Был тут, говорят, учитель, хороший парень. Ну, начал было завоевывать расположение народа и

Криводушина развенчивать, да только его моментально в ящик запрятали: по тайному доносу нашли что-то нелегальное. Криводушин-то, говорят, с 1905 г. сотрудничает в сыском отделении.

Вот с ним и сразись.

Дальше мы оба окончательно опьянели, так как появилось еще полбутылки. Смутно помню, что мы еще о многом толковали, обещались друг друга не выдавать; пели «Солнце всходит и заходит», за что хозяйка нас обругала обидным словом «стрикулисты». В заключение мы, обнявшись, горько плакали да так и уснули.

Утром нас разбудил раскатыльный.

— Айдайте — пришел!

Это значило, что писарь пришел.

Головы наши трещали, вообще состояние было ужасное; но надо идти на занятие.

Николай Васильевич октавой ругался и скрипел зубами.

Начинался каторжный день!

* * *

Как-то мне пришло в голову сравнить себя с товарищем.

Какая громадная разница между нами! Он ужаснейший хохотун, вертушка, бабник.

Я — угрюмое существо, дикарь.

Но канцелярия делает нас одинаковыми: мы одинаково склоняемся над работой, оди-

наково вытягиваем бумажный воз — и не можем вытянуть.

На свободе мы разные. Николаю надо обязательно возиться, хохотать, я боюсь всего этого. На работе же мы просто две рабочих лошади, запряженные в телегу — канцелярию, под управлением кучера Луки Ивановича.

В несколько дней я убедился, что Николай прав: несложный труд по волостной канцелярии благодаря запущенности оказался действительно Божеским наказанием. Груды неисполненных бумаг сначала поразили меня, и я налег было на них; но Николай остановил:

— Не торопись: ничего не выйдет, его же царствию не будет конца.

— Почему так?

— Потому, что у плохой стряпки вечно горшки не мыты, ей все некогда.

— При чем же тут стряпка?

— А при том, что мы с тобой только поденщики, а стряпка в нашем деле Лука Иванович. Ты сколько ни чисти, сколько ни потей — он опять по-своему сделает.

Оказалось, что мой товарищ был прав.

Самое главное то, что Лука Иванович видеть не может, если какая-либо бумажка исполнена не по его указанию: ему обязательно нужно везде приложить свою руку.

К 10 числу, допустим, наличие неисполненных бумаг

равнялась 50. Пришла почта. Опять бумаги.

Новые записываются во входящий и присоединяются к старым. Если есть бумажка от высшего начальства, то Лука Иванович вдруг засуетится, заволнуется:

— Немедленно исполнить.

Обыкновенная переписка останавливалась. Через два дня опять почта. Есть особенно счастливые бумажки, которые достаются по году и больше.

Короче говоря, при такой постановке дела никогда не будет свободного времени и всегда получите затор.

Это страшно утомляет и даже выводит из терпения.

— Ну-ка, дайте мне неисполненные бумаги, — потребует иной раз Лука Иванович.

Тащишь ему целую охапку. Смотрит, смотрит, наконец, что-нибудь выбирает, призывает которого-нибудь из нас, делает умопомрачительные распоряжения, и все остальные бумаги опять лежат.

То же самое и с исполненными.

Исполнишь незамысловатую бумажку, по его же указанию, и несешь ему для подписи, точно какому мандарину китайскому.

— Ладно, оставьте, — скажет иной раз.

И лежат бумажки.

А то вдруг вздумает забрковать — и изволь переписывать.

И черт бы с ним, будь определенное время для занятий — то и беда, что нет этого!

Приходишь в 8, а иногда и в 7 утра; занятия окончательно закрываются в 11–12 ч. ночи.

Попробуй тут не оступеть, осмелся развиться.

Что же делает сам Лука Иванович?

Он тоже работает, и много работает, но только его работа особенная: время от времени он достает какие-то бумаги, хранящиеся у него, и подолгу сидит над ними, что-то соображая; чаще же всего его можно видеть за денежным журналом. Это большущая книга, в которую записываются все денежные суммы по волюсти. Для удобства Лука Иванович кладет книгу на два стола и почти буквально ложится на нее.

Записывает он с черновиков и из других книг, которые большей частью ведутся нами. То, что обыкновенный человек сделает в несколько часов, у Луки Ивановича растягивается на недели.

На занятия он является неопределенно и по вдохновению: то придет ни свет ни заря, то в 12 часов дня.

Мы обыкновенно ходим обедать в 12 часов.

Иной раз только уйдешь обедать — бежит рассыльный.

— Что такое?

— Айда, Лука Иванович требует.

Скверно пообедаешь, в скверном настроении и бежишь, а в душе ненависть кипит: так бы, кажется, задушил великолепного кучера нашей телеги.

А подойдешь ближе — и нет того духа: робость какая-то проклятая.

Часа в три дня Лука Иванович постоянно уходит обедать; а вечером опять неопределенное влияние: то в 5 придет, то в 9.

Мы же постоянно должны быть в канцелярии, т.к. Лука Иванович может вдруг прийти и все равно пошлет рассыльного.

Такой порядок ужасно связывает и утомляет.

А установить свой порядок мы не в силах, т.к. мы слишком жалкие, трусливые люди и ужасно боимся остаться без места.

И терпим, возем широкую, неуклюжую, вечно не смазанную телегу, а кучер Лука погоняет.

О таком ли житье мечтал я?

Я мечтал, что встречу в лице писаря просто опытного товарища, с которым весело будет работать; было в моих мечтаньях и то, что служба не съест меня, что будет и свободное время, будет и рыбалка, и просто возможность идти куда вздумается.

На деле же приходится согласиться с Николаем, что волостное правление для нас —

тюрьма, Лука Иванович — надзиратель.

Было ведь и то в моих мечтах, что я устроюсь порядочно, сойду с местным обществом.

Но для меня теперь ясно одно, что, найдя себе кусок хлеба, я превратил себя в бессловесное вьючное животное, пляшу по дудке Криводушина, тупею еще больше и в придачу ко всему иду навстречу чахотке и геморрою...

И нет во мне силы избрать другой образ жизни, нет желанья бороться!

Все-таки зачем-то жить хочется, почему-то не тянет кинуться в воду.

Буду же жить, пока живется.

* * *

При кучере Луке мы делаем вид, что везем, но как только он уходит, картина изменяется: мы начинаем заниматься своими делами сообразно нашим наклонностям. Николай бросает перо, потягивается с наслаждением и хохочет звонко, оглушительно.

— Ушел! Вот ей-богу, ушел!

Лицо его принимает веселое и даже счастливое выражение. Вообще он оживает и как будто умышленно старается выдумывать разные развлечения: то начинаются гимнастические упражнения, то заводится какой-нибудь длинный соблазнительный рассказ, обязательно с участием героини; то призывается более разговорчи-

вый рассыльный и ему задаются самые курьезные вопросы, а иногда, если известно, что Криводушин отлучился надолго, Николай свертывается клубком на диване в полутемном коридоре, предварительно густо окутав себя табачным дымом, и сладко засыпает.

Одним словом, в эти счастливые для нас моменты мы всячески забавляемся, даже иногда газеты смотрим, которые идут через волюсть разным лицам.

Просители и вообще все лица, имеющие надобность в волостном правлении, по обыкновению спрашивают Луку Ивановича (так приучены), и мы с величайшим удовольствием отвечаем, что его нет.

Но само собой разумеется, что всякий раз, как только колокольчик у входной двери затрезвонит, мы зорко следим, кто пришел.

Если по коридору раздастся шлепанье тяжелых галош и пыхтенье, это значит, что появился Лука, и мы быстро садимся за работу с видом искренних тружеников.

Если все благополучно, Лука, раздевшись, с минуты остается у нас, причесывается, гладит свое брюшко, протирает очки и между делом говорит что-нибудь приятное для нас:

— Жениться надо, Филат Петрович!

А так как я (или Николай) из вежливости улыбаюсь и бор-

мочу что-нибудь, то он октавой смеется и бросает свои любимые: «А? Че?».

А если Лука не в духе да еще застанет нас за газетой, пронеси Бог от грозы: проборки же не миновать.

— Заниматься надо, господа, а не газеты читать, — начинается обыкновенно криводушинская проповедь. — Вы жалованье за что получаете? Так надо работать, а не этой, с позволения сказать, ерундой заниматься. (Последняя фраза особенно нравится Луке: тут он скромно намекает, что мы ему единственно обязаны всеми настоящими благами).

После такого начала мы с Николаем молча переглядываемся и начинаем строчить, отлично понимая, что такое начало обещает мало хорошего.

И действительно: потребовав исполненные бумаги для подписи, Лука вдруг сердито бежит в канцелярию.

— Сколько раз говорил я вам этого не делать — нет, все по-своему!

Вещественным доказательством служит какая-нибудь ничтожная переписка, на которой делается еще более маловажная подпись: «за нерозыском возвращается» или «препровождается для сведения».

Иной раз надпись эта делается в конце листа, заполненного такими же, и то приходится писать экономно; поэтому подпись волостного заседа-

теля или старшины, а в особенности писаря, должна ютиться на самом краю света: для Криводушина это позор.

— Ну, где я тут подпишусь? — тычет жирным пальцем в переписку.

— Это прямо выходит самоволие и больше ничего. Я должен скрепить бумагу, подпись должна быть четкая и на видном месте, а вы тут спрятали меня.

— Многие ведь так пишут, Лука Иванович, — пробуешь иной раз возразить.

— Мало ли как там пишут?! — еще строже накидывается Лука. — Они сами собой, а мы сами собой. У нас, так сказать, свои уставы. И без всяких разговоров пишете так, как приказывают. А самовольство к добру не ведет.

Итак, с первых же месяцев моей службы я понял, что попал в подмастерье к очень скверному мастеру. Меня главным образом угнетало то обстоятельство, что я недобросовестный работник и не вполне заслуженно получаю деньги с мужика; но, раздумавшись, приходил к тому заключению, что я лишь капля в море криводушинных, довольно основательно подмывающих мужицкие карманы. Мало того, что Лука плохой работник, слишком дорого стоящий и бесконтрольно, со стороны мужика, ведущий все дела по волости, — он, кроме того, обратил себя

в чиновника с правом кричать на обыкновенных смертных.

Но оставлю пока Луку в покое, хотя страшно трудно обойтись без него, потому что он является центром здешней жизни.

Ошибкам моим или обманутым надеждам, кажется, и конца не будет. Или я мало видел настоящих русских мужиков, или не научился их понимать, но здешний мужик оказался для меня новым. Нет в нем приветливости и мягкости, о которой я мечтал. Черствость какая-то, напускная деловитость и еще что-то, чего я понять не могу. Может быть, все это по той причине, что многие из здешних мужиков занимаются торговлей; настоящих «землеробов» тут почти нет.

Странное отношение к нашей братии: постоянная насмешка, плохо скрываемая.

Хозяин моей квартиры, мужик разговорчивый в высшей степени, подробно расспросил меня о том, какого я «роду-племени», и дал отеческое наставление:

— Услужи Луке Ивановичу, больше ничего. В ем вся сила. А ежели наперек пойдешь — живо слетишь с места. Ему, парень, везде вхожо. Сам губернатор руку подает.

Обидно было слышать такие речи из уст мужика, к которому я поступил на службу. В мозгу этого мужика поселил-

ся Лука Иванович, и нет там места более порядочному.

Много обидного встретил я на первых порах.

— Тебя как зовут?— спросила хозяйка квартиры.

— Филат Петрович.

— Филат? — удивилась баба и тут же переделала меня на «Филантею».

И с первых же дней я почувствовал себя жалким Филантеем, ниже той среды, куда попал.

За 9 рублей в месяц меня только кормили, а жил я, т.е. спал, где придется. Вместо отдельной уютной комнаты и шипящего самовара, о чем я мечтал, — обед в кухне, не особенно опрятной, и спанье на полотах там же. В чистые комнаты меня и не приглашали, хотя дом большой.

Впрочем, зачем обвинять людей в неуважении, когда сам я не внушал им порядочного чувства?

Все во мне и на мне было убого, начиная от физиономии и кончая сапогами. Не зря меня сторонились, т.к. был всегда грязен.

В праздник, например, все члены хозяйской семьи оденутся в чистое и нарядное, а я все в том же засаленном пиджаке с короткими рукавами; ну как они не будут меня сторониться?

Да для меня и праздника нет. Иной раз только что хочешь сходить в церковь, чтобы хоть час не сидеть в канцелярии, — уже идет рассыльный.

— Айда, скорее велел.

Это значит, Лука уже там, пришел отдать распоряжение.

Бежишь с проклятием.

Ну как тут жить порядочно? Как я пойду знакомиться к человеку, который бы мог меня понять? И когда пойду? Да, наконец, кто же мне рад такому? А ведь меня обвинят во всем.

Впрочем, со стороны видней: может быть, я и виноват, потому что кто-то сказал, что всякий человек есть кузнец своего счастья.

* * *

Я всегда с удовольствием слушаю и читаю проповеди о пьянстве или, вернее, о вреде его. Раз в церкви, когда священник говорил на тему о том, что «пьяницы не наследят царства небесного», я даже плакал. Но как только начнешь раздумывать о своей жизни и жизни мне подобных, так и видишь с поразительной ясностью, что нельзя не пить, вернее, не напиваться.

Я так рассуждаю, конечно, потому, что мой мозг уже отравлен алкоголем, и понять меня может только пьяница. Но почему же Достоевский понимал пьяницу? Почему он не писал статей о вреде пьянства, а оправдывал пьяницу Мармеладова его же словами? Потому, что он понимал психологию человека, понимал ужас положения, когда «человеку

некуда идти», несмотря на то что кругом живут люди-братья. И я пью, пью для того, чтобы забыться, вырвать себя из атмосферы послушания, бесстыдной несправедливости.

Жалованье я получаю два раза в месяц; если получка совпадет с отсутствием Криводушина, то обязательно напиваюсь. В пьяном виде я люблю говорить монологи, у меня является смелость, Криводушина уже не боюсь.

Смутно помню мой первый выход. Прихожу в волость вечером, полупьяный Николай занимается. Начали пить вместе.

— Тише: здесь, — шепчет товарищ, указывая на дверь присутствия.

— Здесь?! — заорал я во все горло, делая ужасные гримасы. — Как раз мне его и надо! Я с ним поговорю!

Шумно открыв двери присутствия, я на минуту остановился. Горела лампа с розовым абажуром. Криводушин величественно сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. При моем появлении он из-под очков подозрительно посмотрел на меня.

— Спать, спать, Филат Петрович, — прогудела его октава.

— Я сам про себя знаю! — запальчиво возразил я. — Чего ты везде суешь свой нос? Придет время — усну, а теперь надо с тобой поговорить. Ты бюрократ!

— А, так ты грубиян? Вон! Сию минуту вон! — загремел

разгневанный Лука, соскакивая и шумно отодвигая кресло.

— Легче! Не строй из себя Юпитера. Я не позволю тебе пить кровь! Ишь, зазнался. Ты кто? Почетный гражданин? А я нищий! Наг родился, наг и умру.

Криводушин ужасно рассвирепел и приказал рассыльным посадить меня в каталажку.

Меня безжалостно связали и втокнули в грязную каталажку, где я долго еще громил Криводушину, пока не уснул. На следующий день с большой головой я ни свет ни заря уже сидел за работой. При появлении Криводушина на меня напала робость. Он не поздоровался и, тяжело пыхтя, прямо прошел в присутствие. Наконец, не вытерпел и, призвав меня, принялся читать проповедь.

— Нехорошо так поступать, Филат Петрович! Мало того, что на занятие не явился, еще нагрубил мне.

— Виноват, Лука Иванович.

— Че, виноват — не в этом дело; а надо, собственно говоря, понимать сорт людей. Тебя приняли, как порядочного человека, дали тебе кусок хлеба, а ты по-свински поступаешь.

— Больше не буду, — врал я.

— Кто говорит, что вовсе не пей — пей, но только ума не пропивай. Пей в меру. Я тоже пью иногда, но как пью? Видал ли ты меня в неприличном виде? Боже избави! — И

долго еще Криводушин проповедывал приличие. Мое смирение нравилось ему.

Подобные выходы повторялись довольно часто. В конце концов Криводушин отдал приказание, чтобы нас не пускать в волость, когда мы пьяны.

Выговоры же он делал постоянно, любил сравнить себя с нами.

Он, например, пьет «умеючи». Во-первых, ежедневно пред обедом стакан, следовательно, организм привык; во-вторых, частенько в гостях или дома с гостями, но ведь это не ради пьянства, а ради компании; в-третьих — во время поездок по волости пьет у сельских старост или у своих приятелей до «остолбенения глаз», по выражению мужиков. И все-таки не спивается!

Ну, как тут подкопаться к человеку? Я пьяница, потому что напиваюсь, а он нет. Интересно только следующее: сколько выпиваю я в год и сколько он? По приблизительному моему подсчету выходит так, что если я выпью два ведра, то он десять. Но все-таки я пьяница, а он трезвый человек.

По крайней мере, сам Криводушин всегда твердит:

— Мое несчастье заключается в том, что помощники пьяницы! Замучился я с ними, сколько крови я порчу. Будь на их месте трезвые люди — работа шла бы играючи.

Иной наивный слушатель, вероятно, думает: бедный Лука Иванович! Такой достойнейший человек и терпит каких-то жалких пьяниц.

Между тем дело объясняется проще. В трезвые минуты у меня нередко является вопрос: почему в самом деле Лука не прогонит нас и не возьмет трезвых помощников? Ответ выплывает сам собой: мы, пьяницы и вообще люди испорченные, поглупевшие, для него выгоднее по многим причинам. Во-первых, нам некуда деваться и мы будем служить даже за 12 рублей, ему, значит, не надо говорить на волостном сходе о прибавке нам жалованья: лучше же о прибавке для себя хлопотать; во-вторых, такие помощники ему не опасны: они не в состоянии быть ему конкурентами, так как перед чиновником робеют, а у мужика на смеху.

Криводушину нужно одно: чтобы ни мужик, ни чиновник не увидели рядом с ним человека «лучше» его. Сравнения не в свою пользу он боится больше смерти.

Вот почему он не гонит нас, вот почему он старается какими-нибудь средствами удалить хорошего помощника, если таковой иногда найдется. Были, например, помощники из местных крестьян, люди способные и трезвые, Лука устроит так, что или человек сам уйдет, не вынеся каторжного труда за 20

рублей, или уволят за какой-нибудь пустяк.

Лука рад и усиленно старается доказать мужикам, что «это был человек малограмотный, ему еще далеко до дела».

Таким образом, авторитет Криводушина непоколебим.

Итак, мы, филаты, пьяницы, погибшие, нас надо спасать, а криводушины трезвенники, лица государственной важности, им надо давать дорогу. Рассуждайте там как хотите, а часто эта именно несправедливость заставляет меня искать забвения в водке, доходить до состояния, когда появляется дар слова.

Приведу здесь пример, каковы мы, пьяницы, а каков Криводушин, трезвенник. Волостное начальство нередко принимает под свою охрану водку и вообще спиртные напитки, отобранные урядником у лиц, занимающихся тайной продажей сего зелья. Никакой отчетности по этому поводу не ведется, и водка только в грех вводит праведников. Пиво раз до того достояло, что пришлось выбросить.

Ну так вот, иногда с похмелья, не имея денег в кармане, обращаешься к волостному заседателю.

— Дай, пожалуйста, сороковку, деньги из жалованья вычтешь.

И большое спасибо, если не откажет. Наши сороковки всегда возвращались. А Криводушин не любит мелочиться.

Понадобилось ему, например, однажды поставить мужичкам угощение на волостном сходе. Где водки взять ночью?

— Заседатель, сколько у нас водки под охраной?

— Ладом не знаю, Лука Иванович, а бутылок 11 должно быть.

— Давай их сюда, после пополним.

Приносят. Лука Иванович угостил нужных людей за счет неблагонадежных лиц, тайно торгующих водкой...

Впрочем, это опять же не ради пьянства, а для благой цели: мужички прибавили Луке 100 рубликов.

Не могу в точности сказать, «пополнил» ли Криводушин взятую водку; только заседатель жаловался уже пред увольнением:

— Вот взял 11 бутылок да мелочами брал, а сказать не смею. Ежели с меня потребуют, то спасибо не на чем!

Впрочем, что дурного, если бы Лука Иванович и действительно «забыл» купить водку? Ведь он не сам выпил, а мужики... Кроме того, водка может испортиться: пиво выбросили же...

Но ведь это мелочи; стоит ли о них писать?

* * *

Несмотря на то что мы живем в так называемый «век положительных знаний», я думаю, что не всем известно, что из

себя представляет русское волостное правление.

А между тем учреждение это важно в нашей государственной жизни.

Самое главное — сбор податей и повинностей, без чего кой-кому трудненько пришлось бы.

Затем: объявление распоряжений и исполнение постановлений правительства и судебных властей, выдача паспортов крестьянскому населению волости, дела по воинской повинности, страхование крестьянских построек; всевозможная статистика, составление протоколов о происшествиях, волостной суд, сиротские оценки, хлебозапасные магазины, дорожная повинность, земская гоньба и масса других дел. Работы, конечно, много. Вся канцелярская работа лежит на писаре и его помощниках, так как «начальство», старшина и заседатели, — народ по большей части малограмотный или вовсе безграмотный, но так как волость делится на сельские общества, а в каждом обществе есть староста и писарь, то труд наш облегчается.

Поэтому старшина и заседатели, выбранные народом для управления делами волости, всецело зависят от волостного писаря, так же, как и волостные судьи. Таким образом, волость, нанимая писаря, отдает ему в руки все и вся.

Здесь, например, мужики (большинство) уверены, что

больше Луки Ивановича никто знать не может.

— С им даже чиновники по ручке здороваются, а наш брат куды поспел? — говорят мужики, и Лука Иванович в их глазах «растет, растет, как дом». В самом деле: как тут человеку не возгордиться иной раз?

Выбранные волостью должностные лица, «облеченные доверием» и проч., на самом деле являются, с одной стороны, мебелью, обстановкой для Криводушина, с другой стороны — просто прислугой. На должность старшины обыкновенно выбирают человека зажиточного, и, однако, большинство из них кой-как могут подписаться. «Служба — не без нужды», — говорит народ, и это изречение доказывает, что главное в службе — нужда, ущерб для кармана. Само собой разумеется, что каждый «служака» желает как можно меньше понести нужды за службу; отлично также каждый понимает, что это будет достигнуто только тогда, когда слушаться писаря, гладить его «по шерстке». Каждый служака «с трепетом» вступает на должность и просит писаря:

— Не оставь уж, Лука Иванович! Мы люди темны... Все в твоих руках. Наше дело тебя слушать да уважать. А за благодарностью не постоим.

Растет Лука от этих поклонов и великодушно успокаивает:

— Не беспокойся, меры всегда будут приняты. Слава тебе Господи, не первый год. Я для вас всей душой.

А потом тише и более важно добавляет:

— Мне ведь и начальство наказывает самому за всем следить: «вы уж, пожалуйста, Лука Иванович, присматривайте там за всем».

Это он, конечно, врет, но простодушный мужик верит.

Вступив на службу при таких благосклонностях Луки, мужик облегченно вздыхает и говорит:

— Ну ладно: шибко не пужает; может, как-нибудь Господь пособит.

Конечно, мужик не должен забывать милости писаря: надо уж угощать, когда заедет, да еще и «сунуть» что-нибудь.

Этого только дурак не понимает.

С одной стороны — удобство: нанять человека и говорить, и думать за себя, а самому только «глазами хлопать», с другой стороны — пагубно, даже преступно, так как «воз и ныне там». Ну, это, впрочем, дело философов.

Я хотел только сказать, что старшина или заседатель суть очень плохие актеры, повторяющие слова суфлера Криводушина. На сходе ли, при разъездах ли по волости для обстановки всегда находится выборное должностное лицо, повторяющее слова Криводушина.

— Вот, господа, — вкрадчиво начинает Лука. — На днях я был в городе; виделся с крестьянским начальником (обычный криводушинский прием сразу озадачить мужика своими отношениями с чиновниками). Между прочим имели суждение о том, что наша волость не имеет квартиры для волостного писаря.

— Да, господа, по прочим волостям фатеры для писарей имеютца, — поддержит старшина.

Смотришь, и прошел проект Луки.

Курезен почет, какой оказывают писарю и служакам: если Криводушин заходит на сход одновременно со старшиной, то мужики большей частью здороваются только с ним.

— Сам Лука Иванович выехал, — говорят в деревне, если случится наезд из волости по какому-нибудь важному делу.

А если заседателя откомандируют по деревням для более успешного сбора податей, то без всяких обиняков он объявляет:

— Лука Иванович приказал беспрерывно собирать. Два раза меня ворочал и наказывал: «Так и скажи, что, дескать, Лука Иванович велел, гумага, дескать, такая есть». — Заседатель при этом делает серьезное лицо и очень гордится тем, что ему Лука велел.

Безгрешный народ: ни капельки самолюбия.

Как старшина, так и заседатели — дежурящие, отпраши-

ваются у Луки, если нужно съездить домой.

— Ну что, ходил, докладывался? — не раз слышал я, как один заседатель спрашивал другого.

— Уволил! — радостно отвечает тот. — «Ничего, говорит, съезди».

Почти все служаки одинаковы. А если кто попробует сметь свое суждение иметь, тот вдруг окажется глупым человеком, по описанию Криводушина, и начнет получать ужаснейшие командировки, попадать впросаки, получать проборки и даже наказания в виде ареста.

Служаки иногда употребляются и для более нужных Луке дел.

Например. Сам Лука, ни жена его почти никогда не ездят в город на своих лошадях за покупками, а потому все необходимое для их обихода привозится большей частью волостным заседателем *по пути*, при служебной поездке.

Перед праздниками наблюдаются такие картины.

Заседатель собрался в город, на почту. Лошади поданы, заседатель уже согрелся, рано одевшись, а уехать нельзя: Лука велел подождать. Приходит наконец Лука.

— Ну что, можно ехать, Лука Иванович?

— А вот иди сюда, я тебе кой-что растолкую и поручение дам. — Начинается длинное разъяснение. — Заедешь

сначала на почту, получишь пакет. Потом сдай наши пакеты. Не забудь купить двухкопеечных марок — на свои деньги, потом я отдам. Затем зайди в магазин Соколова, купи вот по этой записке. Только пусть цену ставят каждого предмета. Понял? Ну вот. Не потеряй записку. Потом зайди в типографию Крылатова, там меня знают. «Лука Иванович, дескать, наш волостной писарь, послал меня за карточками». Ну, а съезд крестьянских начальников знаешь?

— Нет, не знаю, Лука Иванович.

Тут начинается составление плана.

— Пароходскую команду знаешь?

— Знаю.

— Ну вот! От нее пойдешь вот так (проводится черта карандашом на четвертушке бумаги); тут будет угол, на углу каменный дом.

Наконец измученный заседатель как будто понимает.

Для Криводушина требуется отыскать секретаря съезда и передать ему пару уток.

Мировому судье — то же самое. Братцу родному письмо занести. Два пуда крупчатки купить, крахмалу, ваксы. Даже продать половину теленка.

— Тебе ведь по пути! — убеждает Лука заседателя. — Заедешь на базар — с руками оторвут, теперь перед праздником.

— Так-то оно так, Лука Иванович, — пробует возразить напуганный массой покупок заседатель. — Только успею ли?

— Успеешь! Да долго ли? А тем более не пешком ходить. Вот тебе десятка денег. Пожалуйста, только не перепутай где что купить. Теперь ступай с Богом. Заедешь ко мне, все уложишь. Привяжи крепче. Там еще Маланья Кузьмовна чего-то заказать хотела.

Наконец заседатель садится в кошеву. Лука выходит провожать на крыльцо и все продолжает наказывать:

— Обратно телятину не вози: как продашь, так и ладно.

На квартире Криводушина заседатель получает столько же поручений от его супруги, столь же великолепной Маланьи Кузьмовны.

Надо быть уже в городе, а он только еще тронулся, кругом обложенный криводушинским добром.

— Вот постоянно так, будь он трижды проклят, боров англейской, — ругается ящик. — А не послушайся, не стань возить — пять нарочных в день будет посылать, замучит, здоху не даст.

— Беда, — вторит ему заседатель. — Вот она, служба-то, и достается нашему брату. Значит, тепереча изволь все исполнить и толк дать?! Просто ума в головушке нет. А вдобавок и конфузно: телятину заставил про-

давать! «Что им служба-то, — говорят некоторые. — Дивья с колокольчиками разъезжать». Нет, парень, другой раз не рад и колокольчикам. Эдаких наемщиков мало земля родит.

— Штобы ему околеть, оканному, — заключает ямщик. — Когда на ево и пропасть придет?

Криводушин же и в ус не дует. Но так как он отлично знает, что надо чем-нибудь и размочить душу у служаки, чтобы недовольство не копилося, то придуманы следующие фокусы.

— Что, делать нечего, Макар Фомич?

— Нечего, Лука Иванович, отдыхаю.

— Одевайся-ка да пойдем ко мне чай пить.

— Спасибо, Лука Иванович. Кассу не на кого оставить.

— Ну, пустяки! Запри на замок, и только. День ведь? Рассыльные тут и помощники. Давай собирайся, пойдем.

Заседатель рад стараться. Лука показывает ему свое уютное хозяйство с подробными объяснениями. Угощает чаем и водкой, вообще очаровывает. Телятина забыта, заседатель размяк... При разговоре оказывается, например, что у Криводушина в тот день снопы взяты.

— Горе с народом, Макар Фомич, — жалуется Лука. — Денежки подай, а дело делают кой-как: снопы, наверно, так

складут, что через неделю развалятся.

— Так ты что же?! — восклицает заседатель. — Давно бы сказал. Мне делать нечего — и я складу. А ведь против меня мудрено сделать.

— И верно, Макар Фомич, — наивничает Лука. — Пособи, пожалуйста, будь вместо хозяина.

Заседатель спешит на гумно и работает, как дома.

Он уже не замечает, что в прислуги попал, о телятине совершенно забыл — одно покрыло все: очаровательное радушие Криводушинных. Теперь он будет часто рассказывать:

— Экой ведь, парень, Лука-то Иванович простота! Чисто запотчевал меня прошлый раз. А живет как? Не по-нашему: ни ветрика, ни мокрика зря не попадет. И ничево-то от ево не уйдет. Экий человек, братец!

Криводушин, по всей вероятности, еще в первые годы своей службы подметил эту пагубную слабость мужика — поклонение рюмке — и до сих пор с успехом играет на ней, приправляя лестью, хлопаньем по плечу и т.п.

Остается сказать два слова, и глава закончена. Если едет куда-либо заседатель с которым-нибудь из нас, то лошадей подают самых плохих, и часто только одну; старшине подают тоже так себе, а когда собирается ехать Криводушин, то рассыльный говорит ямщику:

— Запрягайте коней получше: сам поедет. Сена велел побольше положить.

Выборный едет так себе, а наемный уже с шиком: он уже покрикивает на ямщика.

Такова наша родная логика. Сначала я удивлялся, а теперь только смотрю.

* * *

Как на плохой, болотистой почве растут жалкие, уродливые деревья и растения, так и в окружающей меня жизни живут одного со мной вида существа, по социальному положению еще ниже, еще незаметнее меня.

Есть существа, которым даже я могу приказывать!

Что-то невероятное, а между тем так.

Существа эти по-нашему называются рассыльными, мужчины же — «сотскими» или «комаринками».

На их обязанности лежит: следить за чистотой, как внутри, так и снаружи, топить печи, наливать керосин в лампы, подавать самовар «начальству», разносить пакеты, бегать с различными приказами всей волостной администрации.

Каждому из этих рассыльных я могу сказать:

— На, вымой чернильницу.

— Сходи за нитками в лавку.

— Выбрось окурки.

И мои приказания всегда выполняются, хотя и не без

иронии, а иногда и с большим неудовольствием.

Рассыльных при нашей волости трое: Аксен, Минай и Митрофан.

Кроме Миная, рассыльные нередко меняются, а он служит несколько лет подряд и, вероятно, дослужится до юбилея... Минай — уже дряхлый старик, страдает одышкой, но все-таки служит, потому что иначе нечем жить.

Аксен — мужик средних лет, служит в рассыльных потому, что не имеет своего хозяйства, да и ленив очень.

Митрофан — тоже старик. Такие служат для того, чтобы не торчать зря дома и иметь «свою копейку».

Жалованье всем рассыльным одинаково: по 9 рублей в месяц, за исключением страдной поры, когда платят 10.

Не стал бы я писать о таких скучных вещах, как волостные рассыльные, если бы меня не поражало их уменьшение на 30 к. в день.

Хотя требования их невелики, но все-таки не святым духом живут.

Хлеб имеют в достаточном количестве; чай, сахар, картошка, табак. Одеваются удовлетворительно.

У Миная есть старуха в другой деревне, которой он, по всей вероятности, помогает жить.

У Аксена целая семья: жена и сынишка. Может быть, жена и достает своим трудом

какие-нибудь гроши, но зато и живет Аксен шире Миная: покупает дрова для своей хаты, по большей части ест белый хлеб, объясняя эту роскошь тем, что простой хлеб «душа не примат», нередко покупается мясо и рыба; при каждой получке Аксен еще ухитряется выпить.

И это все на девять рублей при современной дороговизне на жизненные продукты!

Типы, подобные Аксену и Минаю, считают такой заработок выгодным и «местом дорожат». Значит, уж жизнь дома до невероятности скудна.

Труд рассыльных, при их привычке рано вставать и в сравнении с тяжелым крестьянским трудом, может показаться даже легким.

Если все благополучно, то, по обыкновению, все рассыльные лежат в своей каморке, наполняя ее табачным дымом и до невозможности нагревая. Блаженство рассыльных бывает полным только в отсутствие Луки. Привычки писаря изучены в совершенстве.

Когда Аксен уверен, что Лука не придет, то он преспокойно забирается в присутствие и с наслаждением растягивается на диване.

Дома ему такой роскоши и во сне не видать. Как же, в самом деле, не дорожить местом?

Но, само собой разумеется, не все коту масленица: приходит и на рассыльных суета сует.

Находит на кучера нашего воза Луку такое вдохновение, что он готов загонять рассыльных. Вдруг он вспомнит, например, что нужно немедленно отправить пакет.

Забегает по волости, поддерживая сползающие брюки (признак сильного волнения), отдавая приказания рассыльным.

— Иди к ямщику: пусть сейчас же лошадь подает. Сию минуту чтобы! Лука Иванович, дескать, велел, экстренно.

Собирается, допустим, Аксен. На физиономии его появляется ужаснейшее недовольство: ему, кажется, легче умереть, чем идти к ямщику или вообще куда-нибудь.

Не успеет Аксен дойти до ямщика — Луке уже не терпится: минуты кажутся вечностью.

— Не пришел еще Аксен?

— Нет, он только что вышел.

— Как только что? Беги, давай, ты! Того ведь только за смертью посылать. Сейчас же чтобы подавали!

Начинает собираться Миная; этот, по своей дряхлости, еще медлительнее Аксена. Если третий рассыльный никуда не услан, то и его гонит к ямщику, не дождавшись первого. Нередко посылаются вторично. Если Луке покажется, что лошадь все-таки долго не подадут, то призывается хозяин — ямщик — и ему дается проборка.

Иной раз рассыльные до того добегают, что положительно теряют силы.

Раз Луке понадобилось солить мясо. Сидит и сожалеет.

— Мясо надо осолить, а некому. Эх, на этот счет хорош был Иван Иванович Курносов, заседателем служил.

— Он ведь здесь, — на свою беду промолвился Аксен.

— Что ты? — воодушевляется Лука. — Где он? Давай его сюда! Скажи, что Лука Иванович, дескать, ждет тебя.

Аксен на этот раз заражается важностью поручения и идет на поиски Курносова.

Луке положительно не сидится: возможность осолить мясо как следует вдруг оживила его. Со всеми только и речи, что о мясе и Курносове.

Проходит полчаса — нет ни Аксена, ни Курносова.

— Минай! Ты не знаешь ли, где может быть Иван Иванович?

— Не знаю, Лука Иванович, — жалостно отвечает Минай, упираясь слезящимися глазами в своего «барина».

— А ты сходи-ко к Алексею Васильевичу, там у него племянница; может быть, не там ли?

И Минай идет на поиски. Короче говоря, все рассыльные ходят по большой деревне, отыскивая Курносова.

Возвращаются «в поте лица». Минай с полчаса отдыхает. К величайшей радости Криводушина, нужный ему человек найден. Замечательно здесь то, что как рассыльные,

так и «начальство» проникаются криводушинским настроением: никому и в голову в то время не придет, что соленье мяса и проч. вовсе не относятся к служебным обязанностям.

А сколько этих криводушинских надобностей!

Не будь их — для волостного правления было бы вполне достаточно двух рассыльных; следовательно, сотня рублей ежегодно была бы у волости в кармане.

Для рассыльных же «услужить» писарю во всех отношениях полезно: с «вакансии» не уволят, да иногда и сладкий кусочек перепадет с криводушинского стола...

Большей частью, конечно, по усам течет; но есть поговорка, что «мужик три года за спасибо робил».

За пирог же или рюмку водки он «по гроб жизни» будет верным слугой.

Таковы существа, которых я все-таки выше.

По моим наблюдениям, мужики эти теряют свой настоящий образ; обстановка портит их.

Минаю около 80 лет; но главное его качество — сквернословие.

По своему положению рассыльные похожи на наших церковных трапезников. Как в церковной сторожке, так и в каморке рассыльных непременно членами являются клопы.

Стены тех и других являются молчаливыми свидетеля-

ми кровавых побоищ. Атмосфера тоже одинаковая.

Как рассыльный частенько употребляется для личных надобностей писаря, так и трапезник для таковых же священника, если последний тоже криводушинской породы. Лица эти до некоторой степени становятся дворовыми людьми своих патронов.

Остатки крепостного права...

А сколько есть еще людей, выбираемых народом для службы отечеству!

Сотские, полицейские, десятские, трапезники, церковные сторожа, сторожа у хлебозапасных магазинов, в школах и проч.

Меня всегда поражает это обилие должностей. Помимо чисто хозяйственных расходов: наем пастуха, караульного — мужики обязаны назначать из своей среды и на указанные выше должности. Некоторые должности нужно отбывать натурой, иные можно заменять деньгами.

В начале нового года все вновь избранные «служаки» являются в волость для принесения присяги.

Криводушин берет на себя обязанность говорить мужикам речь на тему о строгости и ответственности. Своим красноречием он достигает того, что мужик проникается важностью своего поста и когда-нибудь в пьяном виде громит кого-нибудь из своих земляков.

— Ты как смеешь со мной грубо поступать?! А не знаешь разве того, что я человек присяжный? Да я тебя сейчас отправлю!

У меня осталось от присяг такое впечатление: красноречие Криводушина есть удар, оглушенный которым мужик остается все время своей службы.

В мозгу гвоздем сидит криводушинская фраза:

— Если малейшее что — оборони Бог!

Что собственно это значит — мужику нет дела: он уже оглушен.

Положение мужика-служаки гораздо хуже моего, а потому я иногда стыжусь жаловаться на свою судьбу: не последняя еще спица в колеснице...

* * *

Продолжаю существовать все так же, постепенно опускаясь ниже и ниже. Раз по пьяному делу я зашел на вечерку и стал приставать к девицам: ребята меня сильно поколотили. С тех пор боюсь ходить поздно вечером и придумал следующий исход: не ходить ночью на квартиру, а спать в волостном архиве или свободной каталажке.

Удобство, о котором я не мечтал даже: ночью не тащиться на квартиру и утром не спешить в волость. Днем два раза побываю на квартире — и только. Всецело, значит, отдал себя волостной пыли, клопам, спер-

тому воздуху: не все ли равно? Кто обо мне думает? Не всем ли все равно, что я бритый или не бритый, мытый или не мытый?

Все равно: здесь мне некуда идти.

Николай — тот все-таки лучше меня живет: он молодой, красивый, любит хохотать, следит за собой — даже зеркало карманное имеет.

Если б ему чуточку побольше денег и свободного времени, он, вероятно, пользовался бы успехом у здешних красавиц, кстати сказать, очень скупых на ласки.

А мне что ж? Я заранее уверен, что создан не для наслаждений. Не встречалось еще такой женщины, которая бы прошептала мне: «люблю». Для чего же, значит, стараться быть лучше? Да еще и вопрос, что лучше: умываться или нет? В баню, положим, есть смысл ходить: хорошо выпить после бани. Сразу молодеешь года на два.

Отчего же я, в самом деле, одиноко и скверно живу? Разве кругом меня остяки какие-нибудь? Нет, далеко нет.

В Ч. есть интеллигентное общество, т.е. общество людей, которые знают больше, чем рассыльный Минай.

Да, есть общество, и оно могло бы на своих плечах поднять одну-две личности, подобных мне; но... я вижу брезгливые гримасы и слышу общий приговор:

— Иди, мы тебя не знаем, т.е. погибай, дескать, черт с тобой: мы, слава Богу, не таковы.

Да и в самом деле — кому охота возиться со мной? Каждому довольно забот о своем благополучии.

Возьмем для начала центральную фигуру здешних мест — Луку Криводушину. Так как он старожил и к тому же состоятельный, то является главой здешнего интеллигентного общества, премьером в некотором роде. Не по достоинству, а по первенству.

Не во гневе будь сказано всем прочим — Лука тут задает тон: он везде на первом плане. Но удивительная вещь: обыкновенно вожаки ведут вперед, а Лука уперся на одном месте и *не пускает* вперед.

Почти вся интеллигенция видит этот криводушинский прием, но как-то мирится с этим. Нет таких смелых, ярких личностей, которые бы могли сказать:

— Криводушин, если сам не двигаешься — уйди с дороги, дай пройти желающим!

Повторяю — люди сошлись обыкновенные, уже бывшие в боях и не победившие. Они отлично понимают, что воевать с Криводушиним — значит, отравить себе существование. Вся интеллигенция, до некоторой степени, зависит от Луки: учительницы получают жалованье при его участии, духовенство нередко имеет надобность в

кредитном товариществе, где тоже Лука орудует.

Все это в случае объявления войны Лука так поставит, что и жизнь покажется постылой. А кроме того, в его власти всегда донести о чем-либо подозрительном — значит, надо всегда жить осторожно.

Ну какой же здравомыслящий человек будет брыкаться? А кроме этого, Лука хорошо поит и кормит, от чего только дурак откажется. И еще, у Луки нередко можно встретить высший сорт: мирового судью, крестьянского начальника, врача и проч. Кому же не лестно провести время в обществе, до некоторой степени, особ?

Луке же местная интеллигенция нужна не для духовного удовлетворения, а для обстановки: остановится, скажем, какой-нибудь чиновник ночевать — что делать? Приглашаются свои и составляется карточный квартал: гость скучать не будет и самим приятно. Хорошо «жить братии вкупе».

Наш же брат находится за бортом. Да и мыслимо ли, чтобы Лука принял меня как равного. Во-первых, он считает ниже своего достоинства говорить со мной о чем бы то ни было, кроме канцелярии, во-вторых, он, вероятно, боится, как бы я чего не украл; в-третьих — с какой стати Лука будет заботиться о порядочности своего помощника, который вдруг окажется лучше его?

Слышал я раз разговор Луки с одним лицом.

— Лука Иванович, почему никогда не видно в обществе ваших помощников?

— Сами виноваты, — с кислой гримасой ответил Лука. — Как их, собственно говоря, принимать в таком виде? Допустим, пусть бы пришли когда-нибудь, не жалко чаю, но представьте себе, что как раз в это время ко мне заедет, например, крестьянский начальник?! Скандал, позор для меня. «Вы, — скажет, — Лука Иванович, кого это у себя принимаете?» Что я должен говорить?

Лука долго распространялся на тему о том, что мы сами во всем виноваты. Между тем он даже никогда и не заикался о том, как нам поступить, чтобы быть достойным его внимания. Смысл его проповедей, читаемых нам после прогулов, таков, что мы должны дорожить куском хлеба и все заниматься, заниматься...

Никогда, даже в шутку, Лука не приглашал нас к себе.

Раз в праздник я проходил мимо криводушинского терема, слегка выпивший. Был вечер. В криводушинских покоях горели великолепные лампы, двигались тени. Захотелось взглянуть на благополучие сытых людей. Решился зайти. Вопрошающую у ворот прислугу обманул пакетом. В нерешительности остановился в прихожей. Заметили. Торопливо вышел Лука.

- Что, Филат Петрович?
- Пришел поздравить вас...
- Ах, спасибо, спасибо.

Лука засуетился, притащил графин с водкой и налил мне подряд две больших рюмки.

— Так, так, отлично, — бормотал Лука. — Ну, извини, мне сейчас некогда: гости. Спасибо, что зашел. Костя, проводи Филата Петровича!

Я вышел под конвоем работника, вконец уничтоженный обращением Луки.

Больше я никогда не ходил к Луке. Да и к другим не пытался заходить. Я замечал плохо скрываемую брезгливость при встречах с некоторыми; а ведь и у меня все-таки есть самолюбие.

Брезгливость — не жалость и может только возмутить.

Единственный человек из чистой публики, у которого я бываю, — это здешний псаломщик Строптивин.

Познакомился я с ним по пьяному делу — он тоже пьет. Это один из тех неудачников, которые «попадают не на свою полку», как выразился Горький.

Трезвый он ужасно замкнут. Говорит о самых скучнейших вещах, а по глазам видно, что человек думает о чем-то другом, далеко. Будто бы даже стихи пишет, чему я охотно верю.

Зато в пьяном виде Строптивин неузнаваем. Я положительно не понимаю, откуда у него берется вдохновенный вид, решимость, находчивость.

Водка в большинстве случаев безобразит людей, а его делает прекрасным, конечно, когда не перепьет.

Строптивина многие боятся, так как его считают душевнобольным, что отчасти верно. Это преимущество дает ему возможность говорить то, что другим не позволено. Например. Сидим мы с Николаем за срочной работой. Лука тяжело отдувается в присутствии и икает. Вдруг с шумом открываются двери, колокольчик отчаянно заливается, и перед нами предстал Строптивин в своем пьяном величии.

— Здорово, рабы, закрепощенные Лукой!

Молча киваем ему головой на дверь присутствия.

— Ага, здесь, значит, телец упитанный? Мне его необходимо видеть.

Двери присутствия открываются дерзкой рукой Строптивина, и голос его гремит.

— Сидишь, любитель торжественного уединения? Сиди, пока тебя не прогонят проснувшиеся мужики. Продолжай расставлять сети, которыми ты хитроумно ловишь людей, стели мягче, чтобы тверже было твоим ближним! О лицемер!

— Спать, спать пора, голубчик, — раздается криводушинская вкрадчивая речь. — Идите с Богом: вас дома ждут жена, дети...

— Оставь, — нетерпеливо перебивает Строптивин. — Твоя лживая ласка меня не обманет,

меня не очаруешь тем, что поддержишь за пуговицу. Я послан вам в наказание и должен исполнить свой долг. Ты кто есть? Земский деятель? Нет, ты просто разжиревший чичиковский кучер Селифан!

— К чему эти праздные слова? — Лука уже начинает волноваться. — Вы просто прерываете мои занятия.

В дверях собрались любопытные: заседатель и рассыльные.

— Подумаешь, какая важность! — продолжал Строптивин. — Как будто вселенная остановится, если Криводушин околеет?! Много о себе думаешь! Ты вот лучше скажи: чей этот диван?

— Я не обязан...

— Врешь! Твое больное место. Диван этот подарен чрез тебя купцом Свиреповым на память мужикам, а ты его продал. Ты вор!

— Ну чего же вы смотрите, я не понимаю! — закричал наконец Лука, выйдя из себя. Заседатель и рассыльные хотели было взять Строптивина, но он отбросил их, обладая силой.

— Прочь, челядь! Послужите: Лука сахарку даст. А до тебя я еще доберусь, наемник нерадивый!

И, быстро повернувшись, Строптивин величественно удалился. Лука долго после этого волновался и рано ушел домой, приказав рассыльному проводить себя с фонарем.

Так вот, этот самый Строптивин говорил мне однажды, после «раздавленной» полбутылки:

— Ненавижу и презираю всех этих благополучных обывателей за их благонаравие. Они хотя и не в могиле, но мертвы для живого дела. А брезгуют нами! «Они, — говорят, — держать себя не умеют в обществе». Неужели нужно быть гением, чтобы играть в преферанс, говорить об убийстве министров и т.п.? У-у-у, негодяи!

Взяточник в еновом тулупе им друг и брат, а труженник, огрубевший от бедности, — чужой.

Речь Строптивина клонилась к тому, что и без такого общества можно обойтись, благо есть возможность забыться.

* * *

Прошло много времени с тех пор, как я начал писать эти записки, я видел угловатость слога и натянutosть мысли, что подбивало меня бросить писать. В своей непригодности я убедился окончательно.

Имея основание предполагать, что мне в конце концов и самой простой мысли не выразить на бумаге — спешу закончить свои записки.

После бродяжества моего прошло три года. Я не нашел хорошего, не понял радости жизни, а может быть, таковой вовсе и нет. Не потому ли, что попал под управление Луки?

Не знаю, что-нибудь одно: или жизнь ничего не дала мне, или я не сумел отвоевать себе кусок повкуснее.

В обыкновенное время я живу сносно, т.е. просто ничего не чувствую: работаю, как машина. Иногда, при отлучке, является чисто физическая потребность напиться — и напиваюсь, разрешаясь любыми монологами.

Но бывают и для души скверные минуты. Например, пред большими праздниками. У всех начинается суета особенная: чего-то ждут люди, даже в волостном правлении поднимается уборка, мытье. Я обыкновенно тут не выдерживаю: в самую суету являются мрачные мысли о том, что у меня нет ничего своего, родного, что меня никто не ждет, и в заключение напиваюсь прежде времени. Иногда пристаю к мытницам-бабам, за что получаю шлепки мокрыми тряпками. Нередко скандалю с рассыльными. Раз окна выбил в правлении.

Сам не знаю, отчего на меня такое бешенство находит?

Представится иной раз предпраздничная суета у Криводушина, залезет в мозг картина, как великолепная Маланья Кузьмовна, раскрасневшись, дирижирует на кухне, а кругом навалены гуси, поросята, телятина и проч. — и подступит к горлу какой-то ком, который можно размочить только водкой.

Просто все это зависть: не умел нажить своего — вот и рвет сердце, когда люди благодушествуют.

А Николай так еще чуднее меня: как весна покажется — он плакать, худеть начнет.

— Что с тобой? — спрашиваю первый раз.

— Так, — говорит, а сам отвернулся, смотрит в окно и плачет. — Вот теперь весна... Скворцы прилетели... Надо больше гулять, а ты сиди тут, как в гареме каком...

— Ну, взял да и ушел!

— Да, долго ли нам с тобой? Везде дорога открыта... Милости просим!

Иной раз до того разнервничается, что даже слеза прошибает. Трудно жить безвольным людям.

По счастью, Николаю повезло: какой-то знакомый человек помог добраться в Восточную Сибирь, и там он сносно устроился, прислав Криводушину интересную открытку: «Лука! Я только теперь начинаю отдохнуть после твоей опеки и только теперь ясно понял, что ты... солитер в Ч-й утробе. Но я тебе не завидую: «смерть грешников люта». Лука прочел открытку и разорвал.

После Николая перебивало уже много помощников, и все бегут, не вынося криводушинской атмосферы.

Я держусь дольше всех; по своей выносливости и забитости я для Луки незаменим. Раза

два я пробовал уходить, раз Лука прогонял меня, но кончалось всегда тем, что я снова сидел на прежнем месте. У меня даже предчувствие есть такое, что здесь я и умереть должен.

Вот случаи, по которым можно судить о моей испорченности. Задумаешь иногда купить себе новые сапоги или что-нибудь. Скопишь денег рублей 10 — и в город. Кажется, соприкосновение с культурной жизнью должно бы ободрить меня, внушить хорошие мысли, а выходит наоборот: масса городских нарядных и красивых женщин будят во мне естественное чувство, обыкновенно подавляемое ненормальной работой в канцелярии. Для меня вдруг становится ясно, что я не пчела, что мне около тридцати лет, что у меня при нормальной жизни могли бы дети быть.

Все это вихрем пронесится в голове и ведет к тому, что я беру извозчика и еду к публичным женщинам...

Да, я безнравственный, низкий человек, каюсь, но по моим испорченным понятиям выходит так, что иначе нельзя, иначе зачем бы людям публичные дома?

В деревне у меня нет никаких привязанностей, ни плотских, ни платонических. Приезжая в город, что бывает не больше одного раза в год, я чувствую себя свободным и вдруг вижу возможность удов-

летворить свои наиважнейшие жизненные требования. Проститутка — единственная в мире женщина, которая не брезгует мной, и я бесконечно ей благодарен за это. В ее номере я не вижу ни грязи, ни порока, а нахожу лишь уют и ласку. С богатой освещенной улицы с пышными покоем, в которых живут благонравные люди, но чуждой для меня и мне подобных, я попадаю в дом свободных женщин и чувствую себя у своих, знаю, что отсюда не выгоняют, если есть пара рублей в кармане.

В этом пристанище для падших людей (по мнению благонравных) я забываю о сапогах и вообще обо всем на свете, расходуя все свои деньги на удовольствие случайной своей жены...

Обыкновенно я отдаю все свои деньги ей и говорю:

— Распожайся как знаешь!

— Рубля два или три можно оставить, — великодушно предлагает она.

— Не надо, держи все, — разошлась моя щедрость.

Большей частью из моих 8—10 рублей остается несколько копеек на извозчика.

Здесь, в этом месте греха, я узнал кой-что интересное о «честных» людях. Оказывается, каждая проститутка, еженедельно являясь к врачу на освидетельствование, платит ему «за труды» 50 к. Предположим, что

таких пациенток у г. доктора 50 штук. Следовательно, 25 рублей в неделю! В месяц 100 рублей!

Круглая сумма и заработана честным трудом. Только я уверен, что о такой статье дохода врач умалчивает, если приходится говорить о зарплате.

Впрочем, мало ли что взбрдет в мою башку?

Почти все мои поездки в город носят одинаковый характер. Иногда как будто стыдно порядочных людей, но, раздумавшись, спрашиваю себя — что грешнее: один раз в год согрешить с незаконной или двести раз с законной?

— Ах, какой нахал! — слышу я возглас возмущенных целомудренниц.

Лука толстеет, что ему? Мужики хотя и ругают, а ни отказать от службы, ни жалованья убавить не в состоянии. Во-первых, Луку поддерживает мир особ, т.к. он, Лука, в высшей степени услужлив, осторожен, тактичен и т.д., знает, что «лицо» к нему благоволит и после служебных дел пойдет чай пить в его уютный особняк, а все-таки ходит «на перстиках», говорит шепотом — вообще, все знаки внимания и почтения. Само собой разумеется, что такой ласковый теледок благополучно высосет не только двух маток, но и более.

Во-вторых, у Луки есть сильная партия его друзей, которые в любом общественном

вопросе сильнее большинства средних мужиков.

К партии Криводушина принадлежат почти все мужики-коммерсанты, которым он нередко бывает полезен словом и делом. Примеры. Приезжает в волость один из таких коммерсантов, в пуховой опояске, с низкими поклонами и вкрадчивыми манерами.

Лука весьма радушно принял его, провел в присутствии и тщательно закрыл двери — следовательно, вопрос шекотливый, государственная тайна. Долго длилась беседа. Потом дело выяснилось, что мужичка этого общество выбрало сельским старостой, а ему служить не хочется. Какими-то путями достали медицинское свидетельство, представили его крестьянскому начальнику, и в результате общество вынуждено было избрать другого старосту. Таких посетителей бывает немало; интересно, что для обыкновенных просителей Лука или выходит в канцелярию, или, принимая в присутствии, не закрывает дверей, а для «особых» просителей, которых Лука «нутром» узнает, закрываются двери и ведутся осторожные разговоры.

Если бы здесь не играла роли кривда, если бы Луке не «золотили ручку» — то зачем было бы двери закрывать?

Законное учреждение, и все вопросы в нем должны решаться открыто.

Но Лука — тонкий дипломат и знает, что делает. Все мужики, которых он выручает из беды «при закрытых дверях», ценят его гениальность и рады «драть глотку» на волостном сходе за Криводушина.

Наконец, каждому даже и безгрешному кулачку просто интересно быть в хороших отношениях с Лукой, полагая, что он действительно совершенство.

Придерживаясь такой политики, Лука еще долго продержится. И что ему до шумного света?

Большинство населения недовольно тем, что он слишком большой барин, что его приходится ждать, придя по делу, что он страшно затягивает разные сиротские и судебные дела, что он, наконец, держит сторону богатых и т.д., но не могут понять, в чем суть, и не видят исхода, а потому поневоле величают его.

«Куда пойдешь? Кому скажешь?».

Большая часть интеллигенции хотя и уверена, что корень зла в Луке, но привыкла и помалкивает.

Властям предержавшим нередко поступают на Луку анонимные доносы; но объяснение дает он же.

Один старшина начинал было выражать недовольство, но не сумел как следует высказаться и получил проборку...

Так что Луке «и бури, и тайные мели» — все нипочем.

Только пьяный Строптивин иногда и громит его своим горячим словом.

Жизнь в Ч. идет так же, как и в первый год моей службы. Никакого продвижения вперед я не вижу — конечно, быть может, по своей близорукости.

Да, может быть, и нигде нет никакого движения?

Может быть, тогда, в ночлежке, студенты так зря говорили? А я, дурак, за чистую монету принял. Впрочем, в Ч., по случаю голодного года, правительство соорудило мост через реку, за что Лука ожидает себе награду... и получит, хотя он, по обыкновению, был только свидетелем.

Дурачок Ваня по-прежнему просит копейку.

Сознаю, что я надоел: довольно.

Теперь замолкну и буду по привычке тащить телегу, пока не упаду, а умру — на волостные деньги похоронят...

I*

Лука Иванович Криводушин в возбужденном состоянии ходил по канцелярии волостного правления.

Можно даже сказать — бегал, а не ходил. Глаза его под очками тоже бегали и искрились весельем.

* С этого места повествования начинается нумерация глав. И повестюшка подписывается другим именем — А. Аржиловским.

— Ха-ха-ха! — в третий раз принимался он раскатисто хохотать, причем громадный живот его делал попытки выпрыгнуть из жилета. — Осрамить на весь мир! Теперь мне нельзя показаться в люди! Нет, не твоим ртом мышей ловить. Надо иметь вес да тогда уже учить людей. Не на того нарвался!

Волостной заседатель, приглашенный Кривокушинным для беседы, не сразу понял, куда Лука клонит, и потому в недоумении хлопал глазами.

— Он думал, что напечатает там какую-то ерунду, так сейчас и комиссия выедет! Запрягают уж. Ха-ха-ха! И дурачье же, прости Господи.

— А, это ты про газеты-то! — догадался заседатель. — Так себе, стремелюдина одна.

— Ведь правда? Ведь ерунда все? — обрадовался Лука еще больше, видя, что его начинают понимать. — Ну, что он доказал? Кому он досадил? Наоборот: мне теперь даже сочувствуют еще больше. Недавно крестьянский начальник говорил: «Вы, дескать, Лука Иванович, не обращайте внимания; это, дескать, газетчики помешаны на том, чтобы выдумывать разную грязь о порядочных людях».

— Кого тут! Нашему ли брату тут лезти? Значит, все ничего, а один выискался шибко умный. Ишь ты парень! Не обдумает своей башкой, да и бух.

— Ну и добился, что ни взад, ни вперед. Видит, что ни-

чего не выходит — стыдно стало, убрался.

Разговор этот происходил по поводу того, что автор «Записок незаметного человека», печатавшихся в газете «Ермак» за 1912 г., уезжал куда-то далеко; значит, Кривокушин очень дешево отделялся от этого ненавистного ему человека. Довольно портить кровь, начнется опять прежняя, спокойная жизнь.

Долго Лука проповедовал заседателю о том, что газеты и книги — одна чепуха, что люди, которые этим делом занимаются, — бросовые и т.д.

— Если бы нужно было писать в газетах, и порядочные люди писали бы, — доказывал Лука своему слушателю. — Почему не пишут в газетах, например, становые пристава, крестьянские начальники и т.п.? Да потому что все это глупость, одно попушенье. А прохвосты, это вроде нашего Аники-воина, ни на что доброе не способны, ну и строчат. На них и внимания никакого не обращают.

— Кого тут! — соглашался заседатель. — Нам газета ни к чему; не поит, не кормит.

Словом, Лука наговорился до усталости и высказал все. Заседатель даже спать захотел и, дождавшись, когда писарь уселся за бумаги, тихонько поплелся в свое отделение, соображая при этом: «Черт тебя живит, а не человек. Лебедкой

надо сворачивать со стула, и то не своротить».

Криводушин занялся бумагами. Давно он не был в таком отличном настроении, и на нем это отражалось.

Бумаги разбирались любовно, подписывались честно и даже с каким-то особенным вниманием.

В куче всевозможных переписок лежал черновик годового отчета по волости. Лука остановился на отчете.

Кое-где он делал поправки, ставил запятые. Отчет, собственно говоря, только переписан с прежних отчетов, но вполне удовлетворял Луку: там было все гладко, так что начальство останется довольным.

Народ трудолюбивый; ни пьянства, ни хулиганства нет. Под конец Лука до того умирлился духом, что... даже задремал, что с ним бывало в такие минуты.

«Идти бы домой, новый год встречать, — шевелились сонные мысли в заживевшем мозгу, — да хочется почты дожидаться: не будет ли каких экстренных предписаний?»

И не в силах дольше бороться с дремотой, Лука убавляет огня и падает на диван, моментально засыпая.

Помощник, болезненный молодой человек, услышав богатырский храп Криводушина, начинает волноваться.

«Всем праздник есть и отдых, а мне надо корпеть тут.

Ведь вот дрыхнет свинья торжествующая, а мне нельзя уйти: выпится — обязательно пошлет за мной, если с почтой что-нибудь придет важное».

А из присутствия доносился такой храп, что становилось жутко. Криводушину снилось:

В 1913 году ему прибавили жалованья 300 рублей.

За 30-летнюю беспорочную службу вышла награда: медаль из американского золота внушительных размеров.

Крестьянский начальник приезжал лично поздравить Криводушина и, прицепляя медаль, говорил замечательную речь, от которой многие плакали.

После этого торжества неожиданно получается такого рода предложение: волостному писарю Криводушину за труды, понесенные при устройстве дамбы, предоставляется право выставить свою кандидатуру в члены законодательных учреждений, взамен выбывших за смертью. Криводушин пожелал быть членом Государственного Совета, так как Думу он недолюбливал за вольнодумство. Провожать его собралась вся губерния, много было проявлено теплых чувств. С трепетом входит Лука первый раз в верхнюю палату и долго прислушивается, а оглядевшись, начинает входить в роль. Оживленное заседание совета. Обсуждается вопрос о печати. Много разных предложений, но все они кажутся Луке сла-

боватыми. Председатель, точно угадав его мысли, говорит:

— Последнее слово принадлежит Луке Ивановичу.

Воцарилась мертвая тишина. Журналисты перестали дышать, чувствуя на себе торжествующий взгляд Луки.

— Печать вывести из употребления, — торжественно произнес Лука. — Государство от этого ничего не потеряет. Из коих оставить только свод законов, а газеты продать мелочным торговцам.

— А календари можно оставить, Лука Иванович? — кто-то резко спросил.

— Календари можно, — согласился Лука. — Там грязью ни в кого не бросают. Писателей же и вообще всех сочинителей без всякого суда сослать на Ледовитый океан.

Дружные, долго не смолкаемые аплодисменты покрыли краткую, но сильную речь Луки; журналисты же упали в глубокий обморок.

Тут сновиденье Криводушина спуталось, и вдруг он увидел себя... в должности водовоза, каковым и был когда-то.

— Лука Иванович! А, Лука Иванович! — тормозил писаря рассыльный. — Почта пришла.

— Кому? Вчера чан привозил, — бормотал Лука.

— Турусит, — улыбнулся рассыльный, — какой-то чан дался. Почта пришла, Лука Иванович!

Лука сел на диван и тупо уставился на рассыльного: в его воображении блеснул роскошный зал Государственного Совета, а пред глазами торчало чучело заморское в засаленном старом пиджаке, глупо улыбаясь.

— Уснул? — фамильярничал старик-рассыльный. — Мне жаль было будить, да нельзя, сам велел.

Криводушин окончательно проснулся и потребовал себе почту. Распечатывая казенные пакеты, Лука находил в них самые обыкновенные распоряжения: об исправлении дорог, о срочных донесениях, о неукоснительном взыскании недоимок и т.д.

Между казенными пакетами попадалась и частная корреспонденция. Были поздравительные карточки и между ними одна почтовая открытка, написанная рукою ненавистного ему корреспондента.

Но тем не менее Лука впился в открытку, каждое слово которой кололо его, точно иглами...

Лука скомкал открытку и растерзал ногой.

Но настроение было уже отравлено: значит, опять эта мошка будет его кусать, значит, опять ожидай запроса по поводу корреспонденций.

И кто его знает, что из всего этого выйдет?

И приказав рассыльному сопровождать его с фонарем, Лука пошел домой, тяжело кряхтя.

«Что день грядущий мне готовит? — горестно думал Лука. — Какие еще каверзы выдумает враг ненавистный?»

И страшный сон казался просто насмешкой.

Становилось еще досадней.

II

— Ты что же про Луку ничего не пишешь? — спросил меня один деревенский приятель.

— Надоел уж он мне, — отвечаю. — Все равно что в омут камни бросать, так и про Луку писать.

— Ну, это ты напрасно. Впервые, нам интересно читать о нем, во-вторых, и сам он с большим нетерпением ожидает, не появится ли на Божий свет какое-либо из его деяний. Ты представить себе не можешь, как он волнуется при чтении твоих «записок». Понимаешь: как-то вдруг съезжится весь, глаза быстро забегают, из груди вырываются болезненные стоны и трагический шепот: «Жулик! что я ему сделал?».

— Черт с ним, пусть волнуется; но печать должна преследовать общественные интересы. А Лука кому нужен?

— Да позволь, позволь! — нетерпеливо перебивает приятель. — Ты нам эту антимонию-то не разводи! «Общественные интересы!» Тоже скажет! А если ты своими очерками целую волость взвинтил — так это как назовешь? Если у тысячи

мужиков открылись глаза на разные пакости г. Криводушина — то что это будет? Да разве, наконец, Лука в качестве волостного писаря, забравшего в свои руки так много, не имеет права на самую широкую гласность?

— По вашему-то оно так, — слабо защищаюсь, — да редактор иначе смотрит: он предпочитает материал злободневный...

— Ну, злобу дня тоже оставь, очень ее хорошо мы знаем по вашим газетам. Такая иной раз злоба печатается, что на всех писак в читательской груди закипает настоящая злоба.

Видю — дело неладно: парень разошелся, как тут быть?

Вдруг неожиданный исход.

— В таком случае, — говорю, — вот что: если вам интересно изводить Луку, собирайтесь вы иногда вместе и пишите все, что знаете, а потом присылайте мне — я уж тут сделаю что надо.

— Идет! — одобрил приятель. — На днях ты получишь наше первое общее «сочинение». Только, чур, печатать! Иначе и не показывайся в наши места: метлой изгоним.

Ну, думаю, слава Богу, отвязался от одного скучного собеседника. Уверяю себя, что ничего они не напишут и забудут.

Каково же было мое удивление и, по первому впечатлению, огорчение, когда я полу-

чил четко написанную рукопись от своих земляков!

Рукопись довольно оригинальна — переписываю ее почти целиком.

«Протокол общего собрания общества борьбы с криводушинскими каверзами.

Собрание, заслушав предложение председателя о необходимости критической оценки отрицательных сторон деятельности писаря Криводушина, единогласно постановило: собирать все имеющиеся в районе материалы о Криводушине и отдавать таковые в местную печать через автора «Записок незаметн. челов.», приподнявшего занавес над фигурой Криводушина.

Цель таких мер — во что бы то ни стало убрать Луку с насиженного места и заняться оздоровлением волости».

Новый факт. Помощника Росинова, которому приписывали знакомство с автором «Записок», Лука прогнал со словами:

— И так много пишут!

Ни в чем неповинного человека, нанятого волостью, Лука единолично прогнал только за то, что ненавистные ему прошлогодние «Записки» писаны от лица помощника.

Вот уже факт, на котором необходимо остановиться!

Волость, ассигнуя деньги на канцелярские расходы, между прочим уделяет на наем двух помощников писарю.

Но само собой разумеется, в дальнейшем умывает руки.

— Ты уж, Лука Иванович, как знаешь с помощниками — каких надо, таких и выбирай.

Ну, Лука, конечно, и действует соответственно своей натуре.

Порядочные помощники, при его распоряжениях служить, конечно, не будут, а людей безответных он может в любое время прогнать.

И прогоняет.

Росинов служил около 3-х лет; свое дело знал отлично.

И все-таки Лука выгнал человека без всяких разговоров, разгневанный тем, что «и так много пишут!». Таким образом, получилась величайшая несправедливость: Лука получает 1500 р., а Росинов 240 р.

Луку не может свергнуть даже вся волость, т.к. он «лицо» и умеет «зубы заговаривать» как мужикам, так и начальству; Лука может пять Росиновых сменить в один месяц, и никто не будет знать.

А если разобратся, так помощники работают на удивление много и полезны мужику, т.е. службе, не меньше писаря.

И все-таки мелкая сошка летит с позором, летит прямо на улицу, не имея запасов на черный день, а разжиревший на мужицких хлебах Лука сидит в глубоком кресле и самодовольно похрюкивает.

III

Хотя Лука Иванович и торжествовал, что ему ничего дурного не причинило разоблаче-

ние его некоторых деяний, но все же кое-какие неприятности были.

Приезжает однажды крестьянский начальник Исполатов с секретарем съезда.

Лука по обыкновению заюлил, заегозил — не знает, как и вывернуться.

Хмурится Исполатов.

— Каких это вы мне уток посылаете, Лука Иванович? — начинает секретарь.

— Что такое? В чем дело? — не понимает Лука.

— Да все та же газетная грязь! — недовольно объясняет Исполатов. — В одной газете «Записок незаметного человека» брошена тень на Петра Петровича, которому будто бы вы посылали уток с волостным заседателем. А так как я с утками дела не имел, — добавил секретарь, — то и считаю долгом снять с себя гнусное подозрение.

— Что вы! Помилуйте, как это можно? — вопиет Лука. — Все одна несправедливость. Я тогда же хотел писать опровержение, да времени нет.

Лука при этом ужасно гримасничал и делал страшные глаза.

— Вот мы и выясним, поставим на официальную ногу. Заседатели здесь?

— Здесь.

Явились два заседателя, отвешивая низкие поклоны и упираясь испуганными глазами в начальство.

— Кто из вас возил в город от Луки Ивановича телятину и уток?

Заседатели оторопело переглянулись между собой, вопросительно посмотрев на Луку.

— Что молчите? — возвысил голос Исполатов. — Говорите, как дело было?

— Я, первый, телятину не возил, — ответил один заседатель. — Письма, случалось, важивал, ну и по магазинам бегал, а телятину не возил, это напрасно!

— Значит, ты?

— Действительно, я возил телятину и уток возил, — брякнул второй заседатель. — Перед праздником дело было...

— Кому же уток-то передал?

— А, право, не упомяну. Кажись, Миронову...

— Все-таки не мне! Все-таки клевета! — воскликнул секретарь.

— Нет, вам я уток не возил, — пояснял заседатель. — Как-то был с письмами, Лука Иванович велел. А уток — мировому...

— Вот видите, как все переврано! — негодовал Исполатов, обращаясь к заседателям. — А люди думают, что Лука Иванович в самом деле нехороший человек.

— Ну, значит, теперь можно писать опровержение и привлечь за клевету, — настаивал секретарь.

— Вы можете идти, — объявил Исполатов заседателям. —

Больше ничего не имеете сказать?

— Больше ничего не знаем, — ответил один заседатель. — Конечно, случалось, важивал и карасин, и крупчатку Луке Ивановичу; только ведь это все при случае, а не то что нарочно...

Заседатели вышли.

Хотя дело выходило в пользу Луки, однако ему было как-то не по себе: кажется, сознал и он, что неудобно посылать какую бы то ни было съезд с должностными лицами.

Исполатов прошелся по кабинету, побарабанил по стеклу, пошевелил усами и обратился к Луке с внушением.

— Все это прекрасно, Лука Иванович, на вас по обыкновению наклеветали. Но тем не менее все-таки факт установлен, что вы действительно кое-что посылаете лично от себя. А это, знаете, не совсем удобно.

— Больше не повторится, Виссарион Виссарионович, — пролепетал Лука коснеющим языком.

Но напрасно Лука волновался. Исполатов торопился с этим вопросом покончить.

Судили и о том, как писать опровержение насчет уток.

Напрягая все свои дипломатические способности, общими силами решили наконец, что писать опровержение нет основания. Во-первых, факт описан в литературной форме, и в жизни Лука — вовсе не

Лука. Во-вторых, если даже все принять на свой счет и доказать, что утки переданы не секретарю, а мировому, то выйдет комично: обнаружится превышение власти писарем и злоупотребление земскими лошадьми.

Значит, необходимо писаря наказать; а так как это будет великий грех, то лучше замолчать.

На том и порешили.

А секретарю очень хотелось написать опровержение.

На приглашение Луки отдохнуть начальство милостиво согласилось и вполне добросовестно воспользовалось гостеприимством.

Часов в одиннадцать вечера Лука явился в волость и, спустивши шторы, стал заниматься; но мысли как-то плохо повиновались.

Пришлось отложить дело и ходить по комнате.

— Хотя и деликатно, и поверхностно, а все-таки предупреждение сделано, — рассуждал Лука. — А что если обнаружится кое-что другое? А что если крестьянский начальник не пойдет ужинать?

Долго тяжелые мысли беспокоили жирный мозг Луки.

Здесь мне хочется высказать то удивление, какое во мне возбуждает отношение к Луке Исполатова.

По отзывам, он военного воспитания, человек вполне современный, т.е. любитель про-

светительного движения, поощритель всяких благих общественных начинаний, поборник трезвости, враг хулиганства.

Лично мне пришлось наблюдать, как он пробирал мужиков за то, что те стояли без шапок при его появлении...

Словом — человек передовой.

И тем более для меня непонятно его отношение к Луке.

Ведь Лука если не прямой взяточник, во всяком случае, писарь-барин, писарь-чиновник, живущий исключительно ради своей выгоды, загребаящий жар чужими руками.

Лука — это живой труп, скверно пахнущий, заслоняющий дорогу молодому, живому, здоровому. Все лучшие люди волости давно поняли, что Лука только способен застрашать мужика, а не развить его.

Этим он и держится.

Если Сибири нужно земство, так Лука не только не подготавливает население к самостоятельной работе, а всячески начинает запутывать.

Итак, если Исполатов либеральный человек, то его ми-

ролюбивое и даже симпатичное отношение к Луке по меньшей мере непонятно.

Исполатов, как представитель О-ва комитета попечительства о народной трезвости, должен бы интересоваться, как, например, ликвидированы дела бывших чайных-читален. А ликвидированы они в 7-й волости замечательно: оставшийся комитетский чай Лука с большим удовольствием выпил, любезно угощая волостных заседателей; книги же, выписанные для читальни, без всякой записи исчезли в волнах житейского моря...

И ничего, все благополучно.

Лично мне известны сиротские дела, которые Лука из каких-то видов всячески старался замять; но приносимые жалобы на такие деяния не производили на Исполатова должного впечатления.

Следовательно, остается предположить, что г. Исполатов не вполне заслуженно пользуется репутацией либерального чиновника*.

* На этом текст обрывается по неизвестной причине. — *Прим. издателя.*

Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем

9 августа 1933 г. № 89856

И.С. Абрамову, Ленинград,
ул. Марата, д. 77, кв. 24

Многоуважаемый Иван
Спиридонович,

прошу Вас принять на себя обязанности представителя в Ленинграде и его области нашего «Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики», утвержденного 3 июля с.г. Совнаркомом РСФСР. Вам надлежит разыскивать и приобретать для нас всевозможные литературные материалы, исполнять наши поручения, о которых мы Вам будем сообщать, и принимать все меры к преуспеянию и увеличению литературных фондов нашего музея, а также входить в сношения с частными лицами и учреждениями по поводу разыскания нужных нам архивных материалов.

Все почтовые отправления прошу направлять по моему личному адресу: Москва, 9, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2.

*Зам. председателя Комиссии
по устройству Центрального
литературного музея
Влад. Бонч-Бруевич*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 32–32 об.

2/X-33 г.

Москва. Директору центрального
музея литературы

*Краткий отчет И.С. Абрамова
о работе по содействию музею
с 22 марта 1932 г. по 20 августа
1933 г.*

22 марта 1932 г. я получил от Вас личное для меня приглашение оказывать содействие Комиссии по устройству Центрального литературного музея. Немедленно я приступил к разработке своих экспонатов, а также к розыскам нужных материалов на стороне. Мною были высланы музею автографы И.С. Тургенева (на книгах), И.А. Гончарова, А.К. Толстого, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, А.А. Блока и других.

В начале 1933 г. выслан неизданный фотографический снимок редакции «Жизнь» (М. Горький, Вересаев, Тан, Чириков и др.).

По поручению от 30/XII 1932 (№ 90733) посетил литератора С.М. Шпицера (ул. Перовской, 3, кв. 76), осмотрел его коллекцию автографов и дал о ней отчет.

По поручению от 7 марта с.г. посетил Н.А. Морозова, осмотрел коллекцию портретов лите-

раторов и обществ. деятелей и образцы послал в музей.

По поручению от 26 мая с.г. (за № 91218) посетил В.П. Фан-дер-Флит (Вас. остр., 6 л., д. 33) и осмотрел портреты декабриста В.П. Ивашева и К.П. Ле-Дантю и сделал об этом сообщение музею.

В начале июня посетил О.К. Буланову-Трубникову и вел переговоры относительно названных выше портретов и переписки.

Из эпистолярной литературы мною доставлена была ЦМЛ переписка художника академика Н.Н. Ге; переписка писательницы Н.А. Белозерской, жены издателя украинского журнала «Основа», в котором участвовал Т.Г. Шевченко; портрет Стасова с автографом и др. Доставлена также старая заграничная карикатура на русские события, изданная (по предположению) Третьим Отделением, и др. материалы.

От 20 августа с.г. по 1 октября.

По Вашему предложению от 20 августа троекратно посетил Н.Н. Субботину, дочь писателя Н.Г. Гарина (Петр. стор., ул. Ленина, д. 9, кв. 2) и вел переговоры о передаче портрета Н.Г. Гарина в музей.

12 августа упаковал и сдал этот портрет на железную дорогу для отсылки в музей.

По предложению от 14 августа с.г. двукратно посетил проф. С.О. Грузенберга (Дег-

тярная ул., 39/41, кв. 4). 22/IX с.г. осматривал архив и коллекции Грузенберга в течение трех часов и предложил ему выслать музею список всей имеющейся у него эпистолярной литературы и др. материалов. По Вашему указанию (от 2 сентября с.г. № 91535) посетил Е.М. Шаврову-Юст, уплатил ей 300 руб. за приобретенные музеем 2 портрета родственников Пушкина и отослал эти портреты в Москву, ЦМЛ.

27/IX с.г. снова посетил Е.М. Шаврову-Юст и обсуждал вопрос о цене 3-го портрета родственников Пушкина. Осмотрел также ее небольшую коллекцию фотогр. портретов писателей и артистов.

27/IX ответил Вам относительно посланных раньше материалов из архива Н.Г. Гарина и послал расписку в получении 140 р. В тот же день осмотрел книги в киоске «Дешевая книга» в Лесном и приобрел несколько книг по Пушкину и 2 автографа.

28/ IX послал ЦМЛ вторую посылку книг по Пушкину (расписка № 727).

30/IX посетил на Пушкинской ул. частного собирателя Ш. и вел переговоры относительно приобретения некоторых из имеющихся у него материалов для ЦМЛ.

30/IX с.г. посетил на Вас. острове Б. и приобрел около 25 писем Льва и Алексея Жемчужниковых («Кузьма* Пругков»),

* Орфография оригинала.

которые имею в виду выслать ЦМЛ. Что касается уже доставленных мною в разное время коллекций, то они Вам известны.

На будущее время буду вести систематическую запись своей работы для ЦМЛ, и тогда отчет будет полнее.

*Научный работник
И.С. Абрамов*

*Ленинград, 2, ул. Марата,
д. 77, кв. 24.*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 70–71 об.

16 ноября 1933 г. № 826

В.И. Абрамову

Уважаемый Василий Иванович.

Я только что сейчас получил письмо от Вашего отца из дома предварительного заключения, в котором он уведомляет, что он здоров и что вещи, приобретенные им для нашего музея (более ста материалов), находятся у него на квартире. Если Вы знаете эти приобретенные им материалы для нашего музея, я был бы Вам очень благодарен, если Вы прислали бы мне их почтовой посылкой. Кроме того, меня беспокоят деньги, 500 руб., которые я послал Вашему отцу для уплаты за купленные нами портреты.

Пожалуйста, сообщите мне, как обстоит дело с этими деньгами: получили ли Вы их или Вам почта вовсе их не выдала и они, таким образом, должны вернуться обратно ко мне?

Прошу ответить мне на это как можно скорей, а также сообщить о положении Вашего отца. Я написал письмо по поводу него начальнику ОГПУ г. Медведю, но так как не знаю никаких обстоятельств, почему именно арестован Ваш отец, то не могу и предположить, в чем тут дело. Если Вам что стало известно, сообщите мне об этом.

Всего наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 1.

17 ноября 1933 г. № 85499

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Ленинград

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я с величайшим удивлением узнал Ваш новый адрес, и мне очень прискорбно, что Вы находитесь в Доме предварительного заключения. Почему, за что Вас арестовали — мне совершенно неизвестно. Ваше выбытие из строя очень нарушило ход нашей работы по нашему Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики, так как у Вас было много нитей по приобретению документов и материалов для нашего музея в Ленинграде.

Прежде всего, я Вам выслал деньги для выплаты целому ряду лиц. Деньги эти теперь, по-видимому, возвращаются нам обратно, и получается не-

приятное впечатление у тех лиц, у которых мы приобрели материалы для нашего музея.

Кроме того, Вы сообщаете мне, что у Вас имеется около 100 предметов на квартире, купленных для нашего музея. Пожалуйста, сделайте распоряжение Вашему сыну или Вашей жене, чтобы эти материалы все они совершенно немедленно переслали бы нам сюда в Москву посылкой.

Я глубоко убежден, что Ваше пребывание в Доме предварительного заключения является случайным и временным и что Вы, наверное, скоро приступите к исполнению своих обязанностей по нашему музею.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 99-99 об.

29 ноября 1933 г. № 989

*Начальнику Ленинградского
ОГПУ тов. Медведю*

Дорогой товарищ, я написал Вам по поводу ареста Ивана Спиридоновича Абрамова, прописанного в Ленинграде по адресу: улица Марата, д. 77, кв. 24, который по моему поручению занимался розысками нужных для нашего музея материалов, пересылая их в Москву. Сейчас я осажден письмами целого ряда ленинградских литераторов, у которых по моему поручению был Абрамов и у которых он взял ценные ли-

тературные материалы с обязательством доставить их в наш Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. Я получил письмо от И.С. Абрамова из дома предварительного заключения (Ленинград, ДПЗ, 1-й корпус, ком. 223) о том, что все эти вещи, более 100 предметов, находятся у него на квартире. Таким образом, и я, и вверенное мне учреждение поставлены в высшей степени в неприятное положение, когда мы, ответственные перед третьими лицами за нашего агента, не можем даже выяснить, что, какие вещи он у кого взял, чтобы заплатить всем тем лицам, у которых мы приобрели эти предметы.

Я прежде всего просил бы Вас ускорить рассмотрение дела Абрамова и, если оно недостаточно серьезно, выпустить его хотя бы на поруки, чтобы он продолжал свою полезную деятельность для нашего музея. Во-вторых, я прошу Вас сделать распоряжение отправить его на квартиру к нему, хотя бы под надзором Ваших помощников, чтобы он мог сейчас же то, что он приобрел для нас, запаковав, отправить нам сюда и сообщить подробным отчетом, что он именно направляет, от кого эти вещи приобретены и кому мы должны за них заплатить, указав, сколько именно, и адрес, кому именно. Иначе, повторяю, это страшнейшим

образом компрометирует наше молодое государственное учреждение, которое приобретает все эти вещи согласно распоряжению правительства и директивных органов партии.

Меня изумляет, что вот уже почти месяц, как я послал Вам мое первое письмо, но до сих пор я никакого ответа не получил. Привыкши работать всю свою жизнь с Владимиром Ильичом и зная его четкое отношение к подобным запросам и отвечая сам на эти запросы в тысячах случаях совершенно незамедлительно, меня крайне изумляет, как более молодые товарищи, стоящие во главе такого ответственного учреждения, как ОГПУ, бывают недостаточно внимательны к таким запросам, тем более что мой запрос об Абрамове был сделан не с бухгалтерии, а по очень важным обстоятельствам. Я объясняю Ваше молчание Вашей большой занятостью или тем, что мое письмо до Вас не дошло.

Прошу Вас сделать распоряжение дать мне ответ по моему запросу об И.С. Абрамове в самое ближайшее время и уведомить меня, будут ли высланы нам в музей, по моему адресу, все закупленные для нас литературные материалы.

Крепко жму Вашу руку.

С коммунистическим приветом

*директор ЦМЛ
Влад. Бонч-Бруевич*

Мой личный адрес: Москва, 9, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2864.
Лл. 1-2.

*29 ноября 1933 г. № 1033
Секретарю обкома ВКП(б)
и председателю Ленсовета
тов. Кирову. Г. Ленинград*

Дорогой товарищ,

позвольте мне побеспокоить Вас по чрезвычайно важному делу. Вы, вероятно, знаете, что 3 июля с.г. в Москве особым распоряжением правительства организован Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, на который средства отпущены особым распоряжением из средств ЦИК ССР*. Наша задача — как можно шире скупить из частного сектора все литературные ценности 18 и 19 вв. и, таким образом, выполнить один из заветов Владимира Ильича по поводу наследства предыдущих эпох, от которого мы не отказываемся, а которое критически принимаем в нашу общую культурную сокровищницу.

Для того чтобы лучшим образом ориентироваться и узнать, у кого мы могли бы приобрести такие литературные материалы в Ленинграде, я поручил очень хорошо мне известному Ивану Спиридоновичу Абрамову, которого я знаю почти 30 лет, он учитель Вашей ленинградской низшей школы, в часы досуга заниматься ра-

* Орфография оригинала.

зысканием этих материалов, их обозрением и пересылкой нам сюда в Москву.

Я давал ему отсюда из Москвы много директивных поручений, которые он выполнял наилучшим образом.

К величайшему сожалению, месяца 1,5—2 тому назад он был арестован. Я получил от него письмо из дома заключения (Ленинград, Дом предварительного заключения, 1-й корпус, камера № 223), где он сообщает, что у него на квартире (Ленинград, ул. Марата, 77, кв. 24) находится более 100 предметов, которые он закупил для нашего музея. В настоящее время я буквально атакован письмами лиц, которые требуют или возврата материалов, или причитающихся им денег. Комната Абрамова опечатана ОГПУ. Я написал два письма тов. Медведю, прося его экстренно рассмотреть это дело.

Я совершенно убежден, что здесь какая-то ошибка, т.к. И.С. Абрамов совершенно советский человек, он глубокий демократ, пострадавший в революцию 1905 г., помогавший нам в годы реакции сохранением нелегальной литературы, в устройстве конспиративных явочных квартир, работавший вместе с нами с первых дней Октябрьской революции, так что человек он проверенный, но за что он арестован, сейчас мне совершенно неизвестно.

Я очень прошу Вас, дорогой товарищ, сделать распоряжение

рассмотреть, насколько серьезно дело И.С. Абрамова, и, если возможно, освободить его хотя бы на поруки. Я должен сказать Вам, что И.С. Абрамов очень помог нам в деле приобретения фондов для нашего музея. Я очень прошу Вас, если нельзя освободить Абрамова, то нельзя ли по крайней мере отправить его к себе на квартиру с агентом ГПУ, чтобы он мог запаковать и отправить нам все те вещи, которые он приобрел для нашего музея, составив опись этим вещам и послав их почтовыми посылками по моему личному адресу: Москва 9, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2. Наша фондовая комиссия немедленно рассмотрит все эти материалы, мы вышлем всем владельцам вещей причитающуюся им сумму денег, и, таким образом, прекратятся те ужасные нарекания, которые сыпятся на наше новое культурное учреждение, и сыпятся совершенно справедливо, так как мы благодаря аресту Абрамова сильно задержали выплату денег и не даем никаких ответов по поводу приобретения нами всех этих материалов.

Очень прошу Вас сделать распоряжение по этому делу, а меня приказать уведомить.

Крепко жму Вашу руку.

С коммунистическим приветом

директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2825.
Лл. 1—2.

19 декабря 1933 г. № 1239
Ленинград. Всеволоду Иванову
внучу Абрамову

Это хорошо, что у Вас распечатали комнату. Я об этом сильно хлопотал в Ленинграде. То, что все в хаотическом состоянии, это очень скверно. Прежде всего там должен быть мраморный бюст писателя Дорошевича. Пожалуйста, сохраните его, это большая ценность, принадлежащая нашему музею. Также, пожалуйста, постарайтесь рассмотреть все, что там находится, и выделить вещи, которые принадлежат музею, как можно скорее, ибо меня все время запрашивают об этом наши ленинградские клиенты, а я ничего не могу им ответить.

То, что Вы запросили отца, это тоже правильно. Буду надеяться, что он Вам ответит. Деньги, принадлежащие Вашему отцу, я переслал на Ваше имя. Пожалуйста, получите их и пришлите расписку, что деньги для передачи такому-то получил. Так как мы должны все наши долги теперь в декабре месяце погасить и представить расписки в контролирующие нас органы.

Директор ЦМЛ
Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 260.
Лл. 4-4 об.

15 апреля 1934 г. № 4009
Всеволоду Ивановичу Абрамову.
Ленинград, Надеждинская,
д. 56, кв. 2

Многоуважаемый Всеволод Иванович,

письмо Ваше я получил. Со своей стороны принял меры, прося дать возможность Вашему отцу перед отъездом в Западную Сибирь сдать все дела, связанные с нашим музеем.

Также я вошел с ходатайством, прося разрешить ему ехать в Сибирь за свой счет, а не по этапу.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ
Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 260.
Лл. 7-7 об.

7 мая 1934 г. № 4399
И.С. Абрамову
г. Тюмень (Обь-Иртышской
обл.). Почтовая контора

Уважаемый Иван Спиридонович!

Открытку Вашу получил. Книги по мемуарам, конечно, высылайте. Меня очень беспокоит бюст (мраморный) писателя Дорошевича. Взяли ли Вы его от дочери Дорошевича? Ко мне поступило несколько писем со ссылкой на Вас, что Вы его взяли для доставки в наш музей, но мы его не получали. Сейчас же сообщите, где он. Также сделайте распоряжение выслать все, что Вы собрали для музея. Познакомьтесь в Тюмени с музеями, архивами,

частными собраниями, книжными магазинами и пр. Если что найдете из литературных документов, сейчас же высылайте или сообщайте, что нашли. В Тюмени много было в царское время политических ссыльных, надо осмотреть кладбища и зарегистрировать все могилы писателей, общественных деятелей, политических ссыльных и пр.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 2—2 об.

17 мая 1934 г. № 4696

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Г. Тобольск. Обско-Иртыш-

ской обл. Почт. отдел.

До востребования

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я только что получил Ваше открытое письмо от 13/V с.г. и радуюсь, что Вы наконец будете на постоянном месте жительства, где и отдохнете. В Тобольске находится громадный музей, который Вам надо сейчас же начать изучать. Там должны быть очень большие залежи рукописей известного писателя Ершова, автора «Конька-Горбунка».

Также, вероятно, в Тобольске найдется много документов политических ссыльных XIX столетия и пр., а также в библиотеке, вероятно, есть книги с автографами.

Все это необходимо изучать и делать исследования. Напишите сами о материалах Ершо-

ва, и я Вашу статью помещу в сборниках «Звенья». Почем знать, может быть, удастся обнаружить новые рукописи Ершова, его неоконченные произведения и пр. т.п.

Нам из Тобольского музея уже сообщили о рукописях писателя Ершова и даже прислали список имеющихся материалов. Так что я наверное знаю, что там есть над чем работать. Может быть, Наркомпрос пожелает передвинуть эти материалы к нам в Москву, а если нет, то мы их все заснимем фотографически. Если найдутся какие-либо фольклорные записи, конечно, нужно будет их иметь в виду.

Вообще, мне Вас не учить, Вы и сами прекрасно знаете, что нам нужно для нашего музея и для исследования нашей отечественной литературы.

Вы пишете в письме Вашем, что побывали у владельцев портретов Пушкина. Напомните мне, кого Вы видели и какие вели переговоры. Пушкина мы стараемся собрать все, что возможно.

Я очень рад, что Вы все написали мне подробно о бюсте писателя Дорошевича. А мне уже писали наследники Дорошевича, что будто бы бюст писателя Дорошевича взяли именно Вы для передачи нашему музею. Стало быть, был у них кто-то другой. Я об этом написал Сакаганской и просил ее сейчас же поставить в известность Дорошевич.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 3—3 об.

20 июня 1934 г. № 5546

Ивану Спиридоновичу

Абрамову. Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

это прекрасно, что Вы стали заниматься рукописями Ершова. Благодарю Вас за список лирических произведений Ершова. Надо составить всю библиографию его рукописей, которую, я не сомневаюсь, что мы напечатает. Если стихи Ершова до сих не были напечатаны, то, по-моему, стоит сделать их обследование, списать их и напечатать хотя бы у нас в «Звеньях».

Вашу статью «П. Ершов в Тобольске» сейчас же высылайте мне. Это хорошо, что Вы ее написали, и хорошо, что воспользовались не только материалами, хранящимися в музее, но и теми преданиями, которые сохранились в Тобольске о Ершове.

Вам не надо смущаться тем, что «Академія» выписывала рукописи Ершова. Я советовал бы Вам снять самую точную копию с тетрадки Ершова. Вы сами знаете, как часто наши издательства из большого материала выдергивают очень немного, а многое остается втуне совершенно неисследованным. За снятие копии с тетради Ершова мы, конечно, заплатим. Это

будет приятно — иметь ее у нас в архиве. Опишите все внешние признаки подлинной тетради Ершова, укажите номер, под которым она хранится в Тобольском музее, и пр. т.п. сведения. Также сообразите, не нужно ли написать какой-либо вводной статьи, и, может быть, пока «Академія» расшевелится печатать Ершова, мы напечатаем эти материалы в «Звеньях».

Над 6-й книгой я сейчас усиленно работаю. 3-я, 4-я и 5-я очень скоро почти одновременно выйдут в свет.

Относительно поэмы «Судзе*» (жены Кучума) все разузнайте, где она была напечатана, нет ли разночтений, и сообщите мне. Если будете ее переписывать, то опишите ее внешние признаки и сообщите номер, под которым она хранится в Тобольском музее. Нет ли в музее каких-либо писем Ершова и к нему? Если подобные письма можно найти в частных руках, то об этом надо особенно позаботиться и постараться все это приобрести для нашего музея. Может быть, у внучки Ершова найдутся портреты Ершова.

Арифметику Магницкого покупать не стоит, так как она везде имеется, и платить за нее 300 руб. ни в коем случае не следует. Местный библиофил переоценил эту книжку.

Из Ленинграда от Ваших родственников я никаких материалов не получал. Напиши-

* Орфография оригинала.

те им, чтобы они выслали все поскорее.

Обследуйте также и другие учреждения в Тобольске, чтобы нам знать, что там сохранилось.

Сведения о кладбище я получил. Эту Вашу заметку я, конечно, сейчас же напечатаю. Какое безобразие, что чугунную плиту с могилы Кюхельбекера куда-то взяли. Не осталось ли какого-нибудь фотоснимка с этой доски. Напишите мне подробно о состоянии самого кладбища, я помешу эту Вашу заметку в «Звеньях».

Список лирических стихотворений Ершова я отдал в переписку.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 4—5.

22 июня 1934 г. № 5534

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я очень благодарю Вас за Ваше письмо от 14/VI с.г. Как прекрасно, что Вы взялись вовсе за исследование Ершова и уже отыскиали столько новых материалов.

Я немедленно пишу его внучке Н.А. Смолевой письмо и прошу ее при Вашем содействии переслать нам все имеющиеся у нее материалы для рассмотрения и оценки, после чего ей сейчас же будут высланы причитающиеся деньги. Помо-

гите ей, пожалуйста, как можно лучше упаковать все материалы и выслать нам ценной посылкой в адрес музея, застраховав руб. в 100—200.

Прошу Вас продолжать дальше Ваше прекрасное исследование.

То, что вы отыскиали новую поэму Ершова «Абалак», — это великолепно. Как бы хотелось купить этот список 47 г. Если нельзя приобрести самую рукопись, то снимите самую точную копию, и мы сейчас же напечатали бы ее или в «Звеньях», или в «Летописи».

Видите, сколько прошло времени, а Ершов еще не исследован как следует.

Убежден, что вы в Тобольске разыщете массу документов, ибо там и родина некоторых очень интересных людей, и там протекала невольная жизнь огромного количества весьма знаменитых лиц.

Пожалуйста, сфотографируйте дом, где жил Ершов, начиная с 36 г. по 69 г. Лучше всего сделать два оттиска. Стоимость фотографии мы сейчас же оплатим.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 6—6 об.

13 июля 1934 г. № 5966

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

все Ваши денежные счета с музеем, конечно, будут сейчас же выяснены, и о 50 руб. Вам, вероятно, уже написано. Точно так же будет все выяснено и относительно тех 75 руб., о которых Вы запрашиваете.

Я очень благодарю Вас за Вашу деятельность по музею, которую Вы проявляете. Замечку Вашу о пребывании поэта М. Михайлова в Тобольске постараюсь напечатать в «Звеньях». Хотя это стихотворение известно, но интересен антураж, в котором оно было написано. Очень хорошо, что Вы занялись Ершовым вплотную и что Вам так много помогает его внучка.

Как жаль, что Вы недоработали в Ленинграде по поводу извлечения автографов Достоевского, Тургенева, Жемчужникова* и других. Если в этом отношении можно продолжить — продолжайте. Укажите мне адреса тех лиц, с которыми надо снестись по этому поводу.

Будем еще надеяться, что Вам удастся на любимом поприще поработать вовсю.

Посылку Вашу с материалами по Ершову еще не получил. Как только получим, сейчас же Вас уведомим.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 7.

15 июля 1934 г. № 5996

Абрамову И.С.

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

50 р. за пересылку материалов посланы Вам 27/VI. Что касается 75 руб., о которых Вы пишете, то они входили в сумму, высланную Вам согласно письму секретаря ЦМЛ от 15 декабря 1933 г.

Директор ЦМЛ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 8.

28 июля 1934 г. № 6231

Ивану Спиридоновичу

Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

только что получил Ваше заказное письмо вместе со вложением материалов по Ершову. Я очень рад, что Вы переписали поэму Ершова «Абалак», которую сейчас же буду печатать, а также благодарю и за другие высылки.

По Вашему письму по всему говорю: решительно все нужно — и Ваши фольклорные записки, и иллюстрации тобольского художника. Нужно переписать поэму «Сузге» и прислать тобольские издания произведений Ершова. Все присылайте нам по нашему новому адресу: Москва, ул. Карла Маркса и Энгельса, д. 18.

Вашу заметку о метеорите 1593 г. постараюсь где-либо

* 17 писем получены и будут оценены. — *Прим. В.Д. Бонч-Бруевича.*

напечатать. Сейчас велю ее переписать.

Пишу Вам очень кратко, так как совершенно не имею времени, ибо я собираюсь через несколько дней уехать на Кавказ в отпуск на лечение на 2 мес., так как очень переутомился. Письма продолжайте все посылать мне по моему московскому адресу, так как вся почта будет мне совершенно немедленно пересылаться моим секретариатом.

Прочитывая опись материалов, которую вы мне прислали, я должен Вам сказать, что еще ничего не получил от Смолевой. Вероятно, Вы ее материалы послали отдельно.

Пекарского мне очень жаль, но что поделаешь, он был уже очень старенький, а все мы когда-нибудь умрем.

Всего Вам наилучшего.

Директор литературного музея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 9—9 об.

8 августа 1934 г. № 6291

Абрамову И.С.

Тобольск, ул. Декабристов, 11

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

прошу Вас сообщить, о какой рукописи Ершова Вы даете знать в Вашей телеграмме от 2/VIII, каков ее объем и какая сумма нужна для ее приобретения.

Зам. директора ЛМ

Ф. Швальбе

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 10.

17 авг. 1934 г. Г. Тобольск

Зам. директора ЛМ

Рукопись, о которой я дал знать, написана рукою Ершова, размером в 1/4 листа, содержит около 200 страниц, заполненных стихами, часть которых не была в печати. В настоящее время владельцы продажу задержали. Однако я все же надеюсь эту рукопись приобрести, о чем сообщу дополнительно.

Пользуюсь случаем, что спросить: получены ли материалы о Ершове, посланные мною и принадлежащие И.А. Смолевой? Посланы были 13 июля с.г. Рассматривала ли их оценочная комиссия? (*Заметка на полях: Получены, оценены 100 р.*)

Нельзя ли выслать мне какую-либо сумму за доставленные некоторые материалы (письма Жемчужникова, материалы по Ершову, переписка некоторых произв. Ершова и др.). Сейчас у меня имеются еще собранные здесь материалы. (*Заметка на полях: Послали 150 р.*)

С уважением И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Л. 152.

19 августа 1934 г.

И.С. Абрамову.

Тобольск, ул. Декабристов, 11

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Оба Ваши письма, как от 26/VII, так и от 30/VII, мне переслали сюда, в Ессентуки, куда я поехал на лечение и отдых. В

Москве предполагаю быть в начале октября. Вы пишете мне на московский адрес, там всегда знают, где я нахожусь, и мне сейчас же все перешлют. Радуюсь я Вашей жизнерадостности и работоспособности. Мне сообщили из музея, что Вы, кажется, отыскивали новые рукописи Ершова, это прекрасно. Как бы хотелось их приобрести. Все Ваши статьи получены. Они переписываются, и я полагаю их пустить в «Звеньях». Народные сказки, конечно, присылайте прямо в музей. Мы охотно их купим, у нас прекрасный фольклорный отдел. Жду фотографические снимки. Надо заснять все, связанное с историей и литературой. Материалы от внучки Ершова получены. Оценка замедлилась только потому, что мы все это время переезжали в новое помещение, а это очень трудное дело, а потом спешно к съезду писателей разворачивали показ музея. На днях оценочная комиссия будет, все сделают и деньги вышлют и Вам, и Смолиной. Новый адрес музея: Москва, 19, ул. Маркса и Энгельса, 18, «Литературный музей». Из Ленинграда от Вашего сына до сих пор в музей ничего не поступало. Что это значит? Рисунки Чукомына к «Коньку-Горбунку» присылайте, рассмотрим. Я с удовольствием прочел стихотворения П. Ершова (тетрадь первая). Прошу: переписывайте дальше. Надо точно установить,

не были ли они напечатаны все или отдельные? Я полагаю их поместить в «Звеньях». Сообразите, не нужно ли подробнее описать тетрадь. Может быть, сфотографировать переплет и первую страницу, написанную его рукой. Жду продолжения первой тетради, а потом вторую и третью. Внешность надо описать каждой: сколько стр. и пр. Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 11—11 об.

4/IX-34 г. Г. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вчера я отослал в литер. музей материалы, которые перечислял в предыдущем письме. В дальнейшем буду продолжать высылку постепенно.

Здесь в частных руках имеется *портрет художника Перова*, рисовал тушью художник Знаменский, размер примерно лист писчей бумаги; есть в таком же роде *портрет декабриста Башмакова* (стоит над могилой Кюхельбекера; могила недорисована), *портрет декабриста Якушкина* с натуры. Каждый портрет — по 30 руб. Но я от покупки пока воздержался. У меня на руках накопилось уже довольно много материалов.

(Надпись на документе: Все это нужно. В.Б.Б.)

Теперь хочу спросить: не пригодятся ли литер. музею некоторые антикварные русские книги, старые издания (нач.

19 в.), давно, конечно, исчезнувшие с книжного рынка?

Перечень их даю на следующей странице с указанием цен. Не откажите, пожалуйста, уведомить: заинтересуетесь ли Вы этими изданиями? Если они нужны, то я их вышлю.

Эпистолярные материалы и рукописные также пришлю. Имеются рукописные мемуары и др. рукописи.

По возвращении в Москву не откажите, пожалуйста, рассмотреть присланные мною материалы и сообщить мне, что является более интересным для литер. музея, что менее? На что еще более обратить внимание...

С искренним уважением
И. Абрамов

Список редких изданий на русском языке.

(Надпись на документе: Отмеченные книги нужны! 2/Х-34. Бонч-Бруевич).

Басни Ивана Крылова. В Петрограде 1815 г. В 3-х частях. Портрет Крылова рис. Кипренский. Гравир. Уткин. В тексте много гравюр. К этой же книге присоединены: «Новые басни Крылова», ч. 4-я. Иждивение Похорского. СПб. 1816 г. «Новые басни Крылова», ч. 5-я. 1816 г. Три новые басни Крылова, читанные в торж. собр. Публичной библ. января 2-го дня 1817 г. Все эти изд. в одном кожан. переплете. Ц. 50 р.

Ночи или беседы мудрого с другом. Из сочин. Г. Экарте-

гаузена. Изд. 2. СПб. 1817 г. С двумя гравюр. В кожаном переплете. Ц. 8 р.

Правдолюбец, или Карманная книжка мудрого. СПб. 1801 г. Стр. 1—124. В кожан. перепл. Ц. 6 р.

Дмитриев Ив. Ив. И мои безделки. М. 1793 г. Стр. 1—259. В кожан. перепл. Ц. 10 р.

Князь Хованский. Жертва музам или собрание разных сочинений. М. 1795 г. Стр. 1—182. Без перепл. Ц. 8 р.

Манштейновы современ. записки о России. В 2-х книгах. 1810 г. В кожан. переплете. Ц. 6 р.

Оракул новых философов, или Кто такой Вольтер. 1803 г. В кожан. переплете. Ц. 3 р.

Стихотворения В. Жуковского в 4-х томах, с портр. автора. Изд. 1816—1818 г. В кож. перепл. Ц. 20 р.

Путешествие вокруг света под нач. Крузенштерна. 1809—1810 гг. В 2-х больших томах в кож. перепл. Ц. 20 р.

Краткая хронология, или Показ. лет от нач. мира. В кожан. перепл. Ц. 5 р.

Наука показыв. способ достиж. долговр. жизни. 1803 г. Ц. 3 р.

Потерянный рай. Поэма героич. Мильтона. 1803 г., с гравюрами. В кож. перепл. Стр. 1—491. Ц. 9 р.

Сердечные чувствования, излитые от отца к сыну. М. 1798 г. Ц. 5 р.

Величество Бога во всех царствах природы. 1801 г. Стр. 1—484. Ц. 5 р.

Рука богословия. 1787. В кож. перепл. Ц. 3 р.

Новый словотолкователь. Т. I, II, III. В кож. перепл. Ц. 15 р.

Имеется 30 томов — Голиков. Деяния Петра Великого I. Изд. в кож. перепл. (не все тома в кожаных переплетках). Цена — что дадут.

Тобольск, 1934. 4/IX

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Лл. 165—166 об.

*5 сентября 1934 г. Кисловодск
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Письма Жемчужникова мы получили и раму багетовую. А вот автографы разных литературных деятелей, и в том числе Лескова, собрание мемуаров и др. материалы мы до сих пор не получили. Сообщите, почему это и где они?

Всего наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 12.

1934 г., 6/IX. Г. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Записанные мною в Тобольске народные сказки я скоро перепису и пошлю по адресу литер. музея. Нужно горячо приветствовать Ваш прекрасный почин — собрать богатейший запас устных народных произведений. Когда я буду иметь

возможность, я проеду дальше на север и соберу еще немало.

В августе и сентябре здесь в Тобольске я собрал для ЦЛМ следующие материалы:

I. Ершов и его современники.

1. Автограф Ершова, стихотворения: 1) «Любительницам военных»; 2) В альбом Треб.; 3) Отрывок, начало сказки.

2. Ершов на смертном одре. Фот. снимок 1869 г.

3. Ориг. рисунок худож. М.С. Знаменского: Ершов встает навстречу монаху.

4. 3 старинных печатных иллюстрации к «Коньку-Горбунку».

5. Директор Тобольской гимназии Ф. Рудаков (заместитель Ершова) и пятнадцать преподавателей — некоторые б. сослуживцы Ершова. Фот. снимок 1872 г.

II. Декабристы.

6. Флегонт Михайлович Башмаков (в Тобольске 21 сентября 1859 г.). Ориг. рисунок карандашом художника М.С. Знаменского.

7. Памятники Муравьева и Вольфа на Тобольском кладбище (старый снимок).

8. Наталья Дмитриевна Фонвизина. Силуэт.

9. Сын декабриста А.М. Муравьева — М.А. Муравьев. Фотогр. карточка.

10. Омская тюрьма (Мертвый дом). Ориг. рисунок худож. М.С. Знаменского. С туры.

11. Вид Омской тюрьмы. Ориг. рис. худож. М.С. Знаменского. С натуры.

III. Знаменский, Михаил Степанович. Художник и литератор, видный сотрудник «Искры» (Курочкина и Степанова). Родился в Омске 14 мая 1833 г.; умер в Тобольске 3 марта 1892 г.

12. Фот. портрет М.С. Знаменского 1869 г.

13. Знаменский в сообществе двух приятелей на охоте. Фот. снимок.

14. Знаменский среди своих знакомых. Фотогр. группа.

15. Книга «Обрыв». Карикатуры М.С. Знаменского. 1875 г. Тюмень. Типография и литография Высоцкого. Библиографическая редкость.

16, 17, 18. Три ориг. карандашных рисунка М.С. Знаменского.

19. Рис. М.С. Знаменского «Хочешь что ли моя радость?».

20. Мужской портрет (на обороте предыдущего).

21. Репродукция рис. Знаменского «Самоедка» из соч. Сомье.

22. Репродукция акварельн. рисунка Знаменского «Остязки-музыканты».

23–24. Два фотограф. снимка с политических карикатур М.С. Знаменского.

25. Фот. снимок с картины Знаменского «Обдорская ярмарка».

26. Фот. снимок с альбома, поднесен. генерал-губернатору Хрущову. 1875 г.

27. Ранний рис. Знаменского «Демьянова уха».

28. Фотогр. снимок дома в Тобольске, в котором жил художник и литератор М.С. Знаменский с 1877 по 1891 гг.

29. Купец. Карандашный набросок Знаменского.

30. Тобольские нищие — на обороте предыдущего.

31. Фот. снимок с картины Знаменского «Обед в поле».

Рукописи (перечень отдельно). Письма.

IV. По ершовским местам.

32. Тобольск во время наводнения. Фот. снимок 50-х годов. Дом Ершова обозначен X.

33. Вид г. Тобольска из-за р. Иртыша.

34. Тобольский кремль «Гора» с прилегающей низовой частью города.

35. Тобольск. Фот. снимок.

36. Тобольск. Дом бывш. купца Усачева.

37. Уголок Тобольска. Старый снимок.

38. Фот. группа «Музыкальное о-во г. Тобольска». Снимок 1877 г.

39. Капустник у крестьян близ Тобольска. Фот. снимок.

40. Заседание волостного суда в Тобольск. уезде. Фот. 60-х гг.

41. Дамы г. Тобольска на пикнике. Фот. снимок 70-х годов.

42. Тобольск. Продавщица репы. Фот. снимок.

43–49. Семь фотогр. снимков. Типы жителей г. Тобольска.

50. «Искер» — б. крепость Кучума близ Тобольска.

V. Разное.

51. Всеобщий календарь на 1918 г. На обложке изображены русских писателей, ученых и святых.

52. «И посла мирови Ангела Кротости» (к характеристике о-ва пушкинского времени. Рукописный листок 1-й четверти 19 стол.).

53. Лубочная картинка «Прохожие и Собаки» 1886 г.

54. Лубочная картинка «Червонец», басня Крылова. 1886 г.

55. Фотогр. группа: Ядринцев, Ядринцева, Капустин и др.

56. Стар. гравюра с подписью: «Рисовал Тобольского военно-сиротского отдел. воспитанник Макар Белкин».

57. «Лето в Ясной Поляне». Обложка с дешевой карамели начала 900-х годов.

58. Стар. гравюра. Наводнение 7 ноября 1824 г. Грав. Галактионов.

59. Фот. портрет издат. карик. журнала 70-х годов «Малляр» Волкова.

60. Фотогр. портр. Волкова, ред. журн. 70-х годов «Малляр».

61. Портрет И.С. Тургенева, печ. в типогр. Морск. министерства.

62. Ярмарочные типы (ориг. рисунок худож.).

Дополнение.

63. В царстве теней (умершие выдающиеся жители г. Тобольска и между ними Ершов).

Красочная картина художника Знаменского 70-х годов. И др.

И. Абрамов.

Имеются письма: Н.Д. Пушиной, Знаменского и др.

Рукописи Знаменского.

Старинные списки разных стихотворений и проч.

(Подробный перечень будет в следующем письме).

И.А.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Лл. 156—158 об.

23 сентября 1934 г. № 6958

Абрамову И.С. Тобольск

Иван Спиридонович

Приемочной ЛМ

19 18

материалы о П.П. Ершове

15—30 коп.

Гл. бухгалтер

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 171.

14 октября 1934 г. № 7353

Абрамову И.С. — Тобольск

Иван Спиридонович

Приемочной ЛМ

23 18

архив Ершова и др. документы

300 — 2 р. 40 к.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 184.

1934 г. 16/Х. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вчера я отослал в литературный музей еще одну посылку, в которой содержится следующий материал:

1) Сказки, записанные мной в Тобольске в настоящем году (стр. 1–221) (*Заметка на полях: получ. 20.X*).

2) Письма от отца худож. и литер. Знаменского.

3) Две брошюры по сектантству для Вашего собрания.

4) Рукописи из архива М.С. Знаменского и меж ними неизд. дневник капитана Раудцена, плававшего на шхуне «Луиза» из Англии в Тобольск в 1877 г.

Ожидаю Ваших указаний по следующ. очередным и важным вопросам:

I. Сколько я могу предложить за известную Вам рукопись Ершова «Лирические стихотворения», которую я Вам уже описал и из которой часть стихотворений уже переписал и Вам выслал? Ожидаю ответа с большим нетерпением. Об этой рукописи я даже телеграфировал уже в литер. музей несколько времени тому назад. Рукопись подлинная.

II. Имеются *материалы из архива прож. в Тобольске декабриста М.А. Фонвизина*:

1) рукописи: «О крепостном состоянии земледельцев в России»; 2) записка об указе 2 апр. 1842 г. (автором их является, по здеш. данным, декабр. Фонвизин); 3) обозрение истории философских систем; 4) классификация наук. Нельзя ли получить справочку — были ли эти материалы в печати? Если нужны данные более подр. характера, то я пошлю.

Из того же архива Фонвизина еще есть рукопись «Рассуждение о Всемирной истории» Боссюэ, а также имеется «Список лиц, кои по делу о тайных злоумышленных обществах предаются по Высоч. Повел. Верховному Уголовному Суду в силу Манифеста от 1 июня сего, 1826 г.». Список печатный, времени 1826 г., с отметками рукой «прошен», «умер в Иркутске» и т.д. Сохранилось 56 страниц. Имеется ряд указов и материалов (печ.) того времени, а также 1838 г.

III. Здесь, в Тобольске, как известно, издавалась по 1919 г. газета «Сибирский листок». В какой мере интересует Вас материал по истории провинциальной периодической печати? Могу достать корректуры, листы с пометками цензора (вице-губер.) и с сургуч. печатями, а также разного рода переписку и проч. Есть большой запас журналов прежнего времени, которые газета получала в обмен («Начало», напр., и др.). Можно сделать вырезки разных статей; но, вероятно, этого рода материал имеется в литер. музее.

IV. Тобольский окружн. архив очень богат различными истор.-литер. материалами. Однако для обработки и снятия копий спец. для литературн. музея заведующий архивом Степан Иванович Павлов желает получить от Вас бумагу (отношение), а без того к занятиям в архиве не допускает. Желает все

это выполнить сам, [не считаясь с тем, что нужны соотв. знания (*истории, литературы и т.д.* — вычеркнуто рукой Абрамова)]. Копии и, может быть, сокращ. едва ли Вас удовлетворят. Разве можно бояться в подобном деле конкуренции? Очень прошу поддержки со стороны литературн. музея. Он говорит, что уже с Вами списался и договорился. Если только это дело поручено исключительно ему, то я, конечно, не стану вмешиваться, хотя имею досуг.

И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 185–186 об.

*1934 г. 21/Х-34. Тобольск
В литературный музей*

Посылаю при этом расписку №7353 от 14/Х-34 г. Благодарю за скорую доставку причитающейся мне суммы, на которую я приобрету новые материалы, в числе которых имеется хорошо выполненный (тушью) портрет декабриста Ив. Дм. Якушкина вместе со своим сотрудником по Ланкастерской школе, основанной в Ялуторовске, Степ. Ильичом Знаменским, отцом Мих. Степ. Знаменского, художника и писателя.

Степ. Ил. Знаменский был один из тех редких в Ялуторовске обывателей, которые дружили с декабристами и старались оказывать им содействие. Я собираю переписку Знаменского; часть этой переписки уже послал в литер. музей. Имеется

еще переписка Потанина, Штернберга, Павла Грабовского (украинск. поэта, умершего в Тобольске), жены этногр. Клеменца и др., имею в виду переписку П.Я. (Мельшина-Якубовича) и др. На днях пошло дело декабристов. Оно, конечно, опубликовано, но любопытно, п.ч. из архива декабриста М.А. Фонвизина и имеет отметки о судьбе декабристов и т.д. М.А. Фонвизин прожил в Тобольске с 1836 по 1853 г. Дом его сохранился поныне. Есть еще рукописи из этого архива, но здесь, не имея под руками источников, трудно установить — были ли они опубликованы?

Усердная просьба. Здесь я работал в местном Огизе. Теперь штаты сильно сократили, и я в Огизе уже не работаю. Мне нужно удостоверение или справка, что я работаю для литер. музея. Без справки о работе нельзя обратиться даже к услугам лечебницы. Буду весьма обязан.

С уважением И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 191–191 об.

*21/Х-34 г. № 7510
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

В ответ на Ваше письмо от 7/Х-34 сообщаю Вам, что Ваша посылка, о которой Вы сообщаете в этом письме, еще не

получена. За предшествующие Вам уже высланы деньги.

Что касается писем Н.Д. Пушиной и Евгения Богарне, конечно, присылайте их немедленно. Брошюры по сектантству («Открытие тайн на сей планете» и «Животворящие истины») присылайте также.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 13–13 об.

1934 г. 29/X. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

В ответ на Ваше письмо от 21/X-34 за №7510 сообщаю, что по настоящий день мною выслано по адресу литер. музея пять посылок: 13/IX-34, 28/IX, 7/X, 15/X и 26/X. Не откажите, пожалуйста, сообщить, все ли они получены. Определенных ответов по поводу моих запросов о приобретении тех или иных материалов я еще не получил. В частности, о рукописи Ершова «Лирические стихотворения» и др. (о старопечатных книгах). Опись материалов последней посылки при этом прилагаю.

Имеется ли в л. музее книга, выпущ. в 1913 г. по поводу 50-летия «Русских ведомостей»? Там много полезных материалов и портретов. Если нужно, пришлю. Что касается эпистолярных материалов, то по мере приобретения буду присылать.

Можно бы еще приобрести портрет декабриста И.Д. Якушкина, но его ценят довольно дорого. По получении денег за отосланные уже материалы я все же приобрету.

Некоторые брошюры по сектантству и рукописные материалы для Вашего собрания я уже послал.

Будьте добры обратить внимание на высланные мною рукописи «Обозрение истории философских систем» и «Классифик. наук», автором которых, по здешним данным, является декабрист, живший в Тобольске, М.А. Фонвизин.

С уважением И. Абрамов

Опись материалов посылки 26 октября 1934 г.

1–5. Пять фотографий.

6. Металлич. модель памятника Ермаку в Тобольске.

7. Письма: Клеменц, Штернберг, Анучин и др.

8. Письма С.И. Знаменского и письма к Знаменскому.

9. Письма М.С. Знаменского и др.

10. Письмо Знаменского к Ярославцеву о Ершове.

11. Письма ПолUTOва, автора рукописи «Книга памятная».

12. Портр. писателя Арцыбашева.

Из архива декабриста Фонвизина:

13. Печатный реестр декабр. (1826 г.), преданных суду, с отметками рукой об их судьбе.

14. Четырнадцать печатных и два рукописных указа николаевского времени.

15. Рукопись Фонвизина «Обозрение истории философ. систем».

16. Рукопись декабриста Фонвизина «Классификация наук».

17–22. Шесть разных рукописей.

23. Брошюры тобольской печати.

24. К праздн. столетия со дня рождения Пушкина.

25. Факсимиле Пушкина.

26. К характеристике сибирской цензуры. Цензурные экземпляры «Сибирского листка».

27. Отражение сказки П. Ершова в народном лубке.

Тобольск. 1934 г. 29/X.

(Заметка на полях: Книга «50 лет «Русских ведомостей» в ЛМ имеется. 20/XI-34).

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.

Лл. 193–194 об.

VII посылка.

Опись материалов, посланных в лит. музей 17/XI-34 г. И.С. Абрамовым из Тобольска.

1–12. Двенадцать портретов декабристов, живших в Тобольске.

13. Письма поэта П.Я. (Якубовича-Мельшина) и Потанина.

14. Письма ссыльного (1900 г.) и солдатские письма 1904 г.

15. 7 разных рукописн. стихотворений Омудевского, Сурикова и др.

16–17. Две рукописи жены декабриста Фонвизина, Н.Д. Фонвизиной, урожд. Апухтиной.

18. О содейств. одной экспедиции (рукопись 1879 г.).

19. Рукопись 1871 г. о Сильвестровиче и Вас. Мировиче.

20. Автограф В.Ф. Костюрина.

21. Девять печатных оттисков.

22. 3 вырезки из «Сиб. архива».

23. Книга с автографом.

24. Лубочная картина 70-х годов и портреты писат. из стар. иллюстр. изданий.

25. 4 стар. фотогр. снимка.

Относительно моих посылок, посланных мною 7/X-34 г. и 26/X, не получено от литер. музея обычного извещения. Получены ли они?

И.А.

Как же насчет рукописи (известн. Вам) Ершова? Сколько за нее примерно можно предложить?

А насчет старопечатных книг конца 18 в. и начала 19 в.? Список этих книг я имел случай вам представить.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.

Лл. 207–207 об.

5 ноября 1934 г. № 800

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,
я ужасно радуюсь на Вашу огромную деятельность, кото-

рую Вы проявляете в Тобольске по собиранию литературных материалов для нашего музея. Мы подробно осмотрели все материалы, которые Вы прислали, связанные с Ершовым, другими писателями и историческими лицами, очень благодарю Вас за все Ваши хлопоты и крепко-крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо, бодро и воодушевлены Вашей собирательской работой, которая так нужна для нашего музея и для всей культуры нашей страны.

У меня к Вам просьба: будьте добры заглянуть в Тобольский местный музей и справиться, какие там имеются рукописи Толстого. По нашим сведениям, туда должна была поступить в 1900—1901 гг. рукопись Л.Н. Толстого, которую он посылал известному Веригину в Обдорск через этнографа Ончукова и которая не достигла Веригина, была задержана и потом была сдана в канцелярию губернатора, а он передал ее в Тобольский музей. Об этом Ончукову говорил один из директоров музея, которого он встретил в Иркутске. При этой рукописи Толстого должны быть также документы Веригина. Пожалуйста, сделайте раскопки, и если действительно обнаружите рукопись Л.Н. Толстого, то прежде всего сообщите мне письмом, как эта рукопись называется, а потом немедлен-

но сфотографируйте ее за наш счет, причем постарайтесь сфотографировать в размер подлинника или близкий к нему. Нельзя ли будет получить и подлинник?

Также ориентируйтесь, нет ли там еще рукописей наших писателей, а также материалов по фольклору и сектантству.

Надеюсь, что у нас с Вами установится правильная переписка.

Я, вернувшись из отпуска, самым энергичным образом принялся за работу.

Всего Вам наилучшего.

*Директор ЛМ
Влад. Бонч-Бруевич*

Посылаю Вам при сем копию нашего письма в Тобольский отдел областного архивного управления, из содержания которого Вы увидите, в чем дело.

Очень прошу Вас познакомиться с деятелями этого архива, подойти к ним самым лучшим образом и помочь, насколько возможно, по тем вопросам, о которых я им пишу. Обо всем, что будет делаться в этой области, прошу Вас меня уведомлять письменно хотя бы один раз в шестидневку. Подбодрите их всячески, чтобы они нам сделали все, о чем мы их просим.

*Директор ЛМ
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 14—14 об.

13 ноября 1934 г. № 7993

В Тобольское отделение
областного архивного управле-
ния.

Тобольск. Гора, Красная пл., 2

Дорогие товарищи,

особенно благодарю Вас за Ваше обстоятельное сообщение о материалах Вашего архива и за предложение использовать их для нашего Литературного музея. Прошу Вас организовать, не откладывая, переписку всех дел, касающихся литературы, критики, публицистики и искусства. В сомнительных случаях запрашивайте нас письменно — мы немедленно будем Вам отвечать. Все дела переписывайте полностью: все акты, прошения, письма, списки людей, вещественных доказательств и пр., и пр., а также все резолюции начальства. Фотографии необходимо переснимать. На первоначальные расходы сегодня же высылаю вам авансом 50 р. Все будет оплачено согласно счетам, которые Вы представите. Не забудьте каждую копию, которую Вы будете нам отсылать, заверять как подписью ответственного сотрудника, так и печатью вашего музея. (В копии необходимо тщательно соблюдать все особенности оригинала). На каждой копии указывайте шифр Вашего архива и место хранения документа. Готовые копии высылайте по мере их накопления.

Очень прошу Вас сообщить дополнительно, нет ли у Вас

дел, касающихся сектантства и старообрядчества, а также политических и общественных движений — по декабристам, петрашевцам и т.д.

Еще раз благодарю Вас за Ваше обстоятельное письмо и практическое деловое отношение к нашим культурным задачам. Очень жалею, что ответ на Ваше предложение так задержался вследствие моего отпуска и связанного с этим скопления дел к моему приезду.

Всего Вам наилучшего. С товарищеским приветом

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 15—15 об.

10 ноября 1934 г. № 7974

Абрамову И.С.

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Наша приемочная комиссия, рассмотрев материалы, предложенные Вами в дар Литературному музею, постановила выразить Вам свою благодарность. Позвольте мне со своей стороны высказать пожелание, чтобы и в дальнейшем Вы продолжали Вашу помощь, столь ценную для Литературного музея.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 16—16 об.

Выписка из протокола № 26

Заседания приемочной комиссии от 23 октября 1934 г.

38. Слушали: Дар И.С. Абрамова по оп. 2020 — рукопись-биография М.С. Знаменского.

Постановили: Дар принять с благодарностью.

Выписка верна.

Секретарь ЛМ (подпись)

23 ноября 1934 г. № 8526

И.С. Абрамову.

Г. Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

пожалуйста, сообщите, во сколько ценят портрет декабриста Якушкина.

Отвечаю Вам на Ваше письмо от 29 октября. Обязательно приобретайте его (портрет) и сейчас же высылайте нам, хорошо упаковывайте.

Благодарю Вас за всю Вашу работу, которую Вы для нас производите.

Знаю, что Вами многое уже выслано, и, кажется, все Ваши посылки уже получены. Сейчас же дам Ваше письмо на проверку.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 17—17 об.

28/XI 1934 г. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

В тобольском музее местного края в конверте: «Дело 31 3/10, № 10714. Документы о

Л.Н. Толстом, возвращенные Н.Л. Скалозубовым» имеются два письма Л.Н. Толстого. Одно из них адресовано П.В. Веригину и написано собственноручно Л.Н. Толстым; другое — Н.Т. Изюмченко — переписано на пишущей машинке. Первое представляет собою обыкновенный лист почтовой бумаги, заполненный на всех 4-х страницах.

Прилагаю при этом копию письма Л.Н. Толстого П.В. Веригину, а также копию письма Л.Н. Толстого Н.Т. Изюмченко.

Были ли изданы эти письма, мне неизвестно.

Кроме указанных писем Л.Н. Толстого в этом же конверте имеются следующие документы, касающиеся духоборческого движения:

1. Письмо А.К. Чертковой П.В. Веригину в Обдорск 12 декабря 1898 г. на 18-ти страницах почтовой бумаги большого формата.

2. Записка, написанная рукою Т.Л. Толстой, касающаяся той местности в Канаде, куда переселялись духоборы. Всего одна страница.

3. Письмо П.В. Веригина. Копия, написанная на пишущей машинке.

4. Листки из копировальной книги, с копий документов, касающихся переселения духоборов.

5. Письмо духоборов Карской обл. от 15 ноября 1895 г. (копия).

6. Письмо к Л.Н. Толстому от князя Хилкова о пересел. дубоборов, на 5-ти страницах.

7. Письмо В. Потапова к Бирюкову — переписано Бирюковым, на 3-х листах.

8. «Мысли» — отрывки, переписанные Чертковым, на 1 листе.

9. Подобные же отрывки на 2-х листах. Карандашная пометка: «Азмидов».

10. Объяснение к картине Н.Н. Ге «Что есть причина?» без подписи.

11. Статья-корреспонденция на пиш. машинке о дубоборах без подписи. Эпистолия. 28 дек. 1895 г.

12. Копия с известн. конфиденц. представления тифлисск. губернатора Шервашидзе на имя главнонач. генерала Шереметьева от 4 окт. 1895 г. за №1000 на 56-ти листах (на пишущ. машинке).

Вот и все. Копии писем Л.Н. Толстого при этом прилагаю.

С уваж. И. Абр.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 212—213 об.

7 декабря 1934 г.

*Ивану Спиридоновичу Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Ваше последнее письмо мне очень не понравилось. Зачем такая мерихлюндия... Зачем Вы начинаете говорить о смерти, о 60-ти годах Вашей жизни, тос-

ковать и все пр. Ни к чему это... Вы в Тобольске сейчас ведете прекрасную работу, и я никоько не сомневаюсь, что скоро настанет такое время, когда Вы сделаетесь вольным, свободным гражданином, и если Вы тогда захотите проехать по Сибири для собирания всевозможных литературных материалов, я Вам с удовольствием обеспечу командировку.

Если Вы считаете себя неправильно осужденным, то немедленно подавайте заявление на имя Верховного Прокурора Союза тов. И.А. Акулова и Председателю Комиссии по делам частных амнистий тов. П.Г. Смидовичу. Заявления Ваши присылайте мне. В этих Ваших заявлениях опишите чистосердечно все Ваше дело.

Я очень благодарю Вас за то огромное количество материалов по истории литературы и истории вообще, которые Вы прислали в наш музей. Продолжайте работать так же энергично, как Вы работали до сих пор, и все присылайте нам в музей.

Вы спрашиваете меня в одном из писем, сколько надо давать за рукопись Ершова? Мне очень трудно ответить Вам, так как я не видел этой рукописи, а у Вас теперь большой опыт, посмотрите сами и сообщите мне. Купить надо обязательно. Сообщите мне, подлинник это или копия?

Всю ту переписку, о которой Вы писали, как-то: Пота-

нина, Штернберга, Павла Гробовского, Мельшина (Якубович), — все присылайте.

Дом, в котором жил Фонвизин, надо сфотографировать и сделать не менее двух отпечатков, а если возможно, то лучше всего было прислать нам негатив, хорошенько его запаковав.

Удостоверение, нужное Вам, посылаю отдельным письмом. Получили ли Вы мое письмо, в котором я просил Вас заняться разысканием писем Л.Н. Толстого в Тобольском музее? Очень бы хотел знать, какие результаты. Только что получил об этом от Вас письмо.

Отношение тобольских архивистов к Вашему желанию работать в Тобольском архиве, конечно, возмутительное. Они сами мало что могут сделать, и, конечно, было бы очень хорошо, если бы Вы сами сумели заглянуть в этот архив. Я им скоро напишу.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 18—18 об.

26 декабря 1934 г. № 9361

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваше письмо от 17/XII со вложением получил. Очень радуюсь, что Вы так хорошо работаете для нашего Литературного музея, и надеюсь, что Ваша десятая посылка вот-вот на днях

к нам поступит. Дом Фонвизина обязательно снимайте. Это необходимо сделать, и поскорей. Сообщите, как обстоят дела с письмом Толстого. Не нашли ли чего новенького в архивах? Я слышал, что в Тобольском архиве что-то отыскивали новенькое, и, если знаете, напишите подробно.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 19.

14 января 1935 г. № 9970

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Прошу Вас прислать нам имеющиеся у Вас номера журнала «Начало». Что касается дневника М.С. Знаменского, то очень бы хотелось просить Вас приложить все усилия, чтобы к нам поступил *самый подлинник*. Государственный музей не может удовлетворяться копией, но обязан добиваться подлинника, раз он представляет собою интерес. Вряд ли его удастся издать иначе, чем в «Летописи» нашего музея, а мы издадим лишь тогда, если у нас будет подлинник.

Конечно, мы его купим.

За сведения о материалах по петрашевцам благодарю Вас очень. Присылайте еще. С.И. Павлову напишу немедленно.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 20—20 об.

31 января 1935 г. № 10377

И.С. Абрамову.

Тобольск, Б. Пиляцкая, 35

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваши две посылки, от 23/XII и 4/I, получены, о чем секретариат музея послал Вам извещение. Относительно старопечатных книг прошу Вас присылать все в музей. Их надо просмотреть. Часть из них, может быть, интересна нам, а часть войдет в обменный фонд нашего музея. Не медлите и высылайте.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 21.

14 февраля 1935 г. № 10814

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

отвечаю Вам сразу на оба Ваши письма — от 1 и 3 февраля. Чрезвычайно Вам благодарен за обещанный снимок с дома в Тобольске, где помещался клуб декабристов и который сгорел в 1925 году. Вам особенно станет понятна моя радость при чтении Вашего письма, когда я Вам скажу, что у нас целый отдельный том «Летописи» посвящен декабристам, и этот снимок мы непременно туда введем. Также непременно присылайте и все остальные имеющиеся у Вас снимки, все они в свое время и на своем месте пригодятся. Не унывайте, что Ваши материалы пока

не печатаются: я очень ценю Ваши работы и, как только будет возможность, обязательно их напечатаю. Присылайте также и «Войнаровского», и гравюры, и все вообще, что Вы считаете интересным и достойным внимания. Не могли бы Вы достать самую книгу Шаппа д'Орероша, фотографический снимок с одной из иллюстраций которой Вы нам прислали? Очень интересно было бы получить рукописи М.А. Фонвизина. «Дневник» М.С. Знаменского мы, конечно, опубликуем, если оригинал будет у нас, и выплатим причитающийся гонорар, если Вы будете публиковать. Может быть, Вы будете делать примечания? Оговорите все это при посылке рукописи. Не переписывайте ее, все равно здесь придется переписывать опять, т.к. нам нужно иметь 3 экз. Присылайте рукопись скорее, чтобы поместить в ближайший сборник.

Спасибо за Вашу фотографию: музей будет очень доволен иметь фотографию своего горячего сторонника и помощника.

Всего наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 22.

15/II-35 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Здесь в Тобольске было два историч. здания: дом Фонвизиных в нагорной части Тоболь-

ска и клуб декабристов (по улице Декабристов). Рисунок дома Фонвизиных я Вам послал. Второе здание, т.е. клуб декабристов, «общественное собрание», в 1925 г. 12 октября в 11 ч. 20 мин. вечера сгорело без остатка. Теперь на этом месте огород. Изображения этого исторического здания нигде нет; нет его и в местном музее. Однако на днях мне посчастливилось достать великолепный фотогр. старый снимок этого исторического здания, настоящий уникум, который я Вам в скором времени пришлю. Его непременно следовало бы воспроизвести в «Звеньях».

У меня имеется в виду два произведения (в рукописи) декабриста Мих. А. Фонвизина, но из посылаемого мною рукописного материала, по-видимому, ничего не печатается, скорее всего, за обилием материалов. Так как через Тобольск проходили декабристы, петрашевы (Достоевский), а также М.И. Михайлов, Короленко и др., то, без сомнения, представляют несомненный интерес те бытовые условия, среди которых они содержались. В этом отношении могут быть интересны 65 фотоснимков, которые я недавно достал и о которых я хотел запросить: присылать ли? Конечно, они имеют отдаленное отношение, но во всяком случае представляют интерес для бытописателя.

Я уже писал, что у меня есть список поэмы Рылеева

«Войнаровский» с любопытной пометкой: «Переписывала в знак памяти 1840 г. Генваря 18. Город Омск. Филисата Выкрестюк». Есть еще гравюры из дома Фонвизиных и др. Здесь прилагаю один фотогр. снимок. Жду ответа также и на предыдущие запросы.

Желаю Вам всего наилучшего.

Ваш И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 263–263 об.

*15 февраля 1935 г. № 10813
Ивану Спиридоновичу Абрамову*

Многоуважаемый Иван Спиридонович, конечно, все перечисленные Вами вещи присылайте, в первую очередь рылеевскую поэму. Это очень интересно. Мы получили от Вас все посылки, указываемые Вами в письме от 28/1. Выражаю Вам большую благодарность за Ваши сведения и розыск. Прошу продолжать Вашу работу для музея.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 23.

*28 февраля 1935 г. № 11178
И.С. Абрамову.
Тобольск, Б. Пиляцкая, д. 35*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Просим выслать все имеющиеся у Вас старопечатные

книги, особенно нас интересуют рукописи.

За поступления, просмотренные приемочной комиссией, деньги Вам уже высланы.

Всего Вам наилучшего.

*Директор ЛМ
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 24.

*10 апреля 1935 г. № 12140
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Спасибо за список письма. Посылки Ваши получены, частично они находятся на экспертизе, после чего весь материал будет передан на оценочную комиссию, и после оценки немедленно переведу Вам деньги.

Всего Вам наилучшего.

*Директор ГЛМ
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 25.

*17 апреля 1935 г. № 12419
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

конечно, «клуб декабристов» нам очень пригодится, и мы обязательно поместим его в том «Летописи», посвященный декабристам.

Обязательно присылайте и статью Кузнецова-Тобольского «Михайлов в Тобольске» и все статьи декабриста М.А. Фонвизина. До получения их доволь-

но затруднительно установить, были ли они известны раньше, так как они могли быть опубликованы в отрывках.

Присланные Вами материалы по Ершову мы обязательно опубликуем.

Всего Вам наилучшего.

*Директор ГЛМ
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 26.

*10 мая 1935 г. № 13015
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Владимир Дмитриевич уехал на несколько дней в командировку в Ленинград. Материалы Ваши все получены, часть находится на экспертизе, остальные пойдут на комиссию. Ваши письма я передам Владимиру Дмитриевичу по его приезду в Москву.

Всего наилучшего.

*Зам. директора ГЛМ Гарно-
польский*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 27.

*21/V-35 г. № 13245
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

мы будем очень рады получить еще новые материалы по декабристам, и чем скорее, тем лучше, потому что том «Летописи», посвященный декабристам, мы уже скоро будем сдавать в производство. Спасибо за

сведения о Буташевиче-Петрашевском. Как Вы думаете, куда лучше написать, чтобы найти следы бумаг? Не знаете ли Вы, куда поступил архив Бельского волостного управления?

Очень было бы хорошо получить офорт Т.Г. Шевченко с его автографом, а также и другие автографы писателей, переданные Вами на временное хранение в институт им. Шевченко в Харькове. Пришлите нам имеющуюся у Вас расписку Айзенштока и укажите, кому надо написать, я это сделаю.

Очень мы Вам благодарны за все Ваши хлопоты о музее.

Всего наилучшего.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 28.

26 мая 1935 г. № 13316

Ивану Спиридоновичу Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваши письма поступают ко мне одно за другим, и я очень благодарю Вас за Вашу деятельность. Сейчас получил карикатуру Знаменского, где изображена Сибирь в качестве больного. Вы делаете выписки из рукописных заметок Знаменского, где он упоминает Пушкина, но не пишете, где находится этот подлинник Знаменского: у Вас в Тобольске или у нас? Догадываюсь, что у Вас. Сейчас же высылайте нам, так как мы сейчас все собираем по Пушкину для устройства выс-

тавки. Если сами хотите обработать этот материал, то обрабатывайте и высылайте мне, все напечатаю в сборнике «Звенья», 5-й и 6-й номера которого выходяют очень скоро.

Ваши посылки оцениваются сейчас одна за другой, и скоро Вы получите за них деньги.

Всего Вам наилучшего.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 29–29 об.

1 июня 1935 г. № 29143

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

очень благодарю Вас за присланные брошюры по сектантству и расколу, сегодня я перевел Вам за них два рубля. Пожалуйста, продолжайте присылать мне все, что найдете по расколу и сектантству.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 30.

12/VI-35 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Меня не покидает мысль о предстоящей пушкинской выставке. В Ленинграде у меня есть знакомый учитель, уроженец с Михайловского. Я с ним собирался долго пожить в пушкинских местах, собрать фольклорный материал, различные предания, воспоминания, и т.п. Может быть, встретились бы и другие материалы, связанные с

именем Пушкина. К сожалению, наступившее лето застало меня в другом месте, более отдаленном. А все-таки мне думается, что хорошо бы постранствовать по пушкинским местам. Один раз я там уже был.

Получил Ваше письмо и перевод, касающиеся литературы по сектантству; благодарю Вас.

Я думаю, что издания по сектантству после 1917 г. у Вас имеются и их нет надобности посылать.

Более или менее разные редкие издания, оттиски, вырезки и т.д. буду продолжать собирать и посылать неукоснительно.

Получена ли моя последняя посылка с материалами, которая отправлена отсюда 31 мая 35 г.? И еще имеются материалы. Меня заботит мысль о ленинградских материалах, которыми никто не может распорядиться, кроме меня. Есть весьма важные. Прилагаю открытку, котор. свидетельствует, что корреспонденция иногда засылается в Подольск вместо Тобольска.

Я все собирался спросить — нужен ли художественный материал: рисунки, наброски (художника Знаменского и др.)? Этот материал имеется еще в достаточном количестве, но эти рисунки (целые альбомы 60-х годов) ценят довольно дорого. Если нужно приобретать, то я постараюсь это сделать, имея в

виду Ваше недавнее сообщение, что мне скоро вышлют деньги за предыдущие посылки. Темы этих рисунков не только литературные — путешествия, карикатуры и проч. Есть альбом — воспитание в бурсе (но не иллюстрации исключительно к Помяловскому) и т.д.

Очень хотелось бы мне съездить за материалами в Березов и Обдорск. Посоветуете ли? Если буду там, то выполню все Ваши задания и указания.

Ваш. И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 365—366.

8/VII 1935 г. № 14234

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Вот видите, какой я стал неаккуратный с ответами из-за болезни.

Рукопись Адама Киркора, конечно, интересна.

Мы охотно купим ее у Вас. Пишите Модзалевскому Льву Борис. Если адреса не знаете, письмо присылайте мне, я ему перешлю и сам напишу тогда. Отвечайте поскорей по этому поводу и шлите мне письмо на имя Модзалевского.

Подлинник заметки Знаменского о знакомстве Ершова с Пушкиным тоже прошу переслать к нам в музей. Вашу заметку напечатаю в «Звеньях».

Учителю, уроженцу с. Михайловского, следует заняться

собираемом фольклора в пушкинских местах. Издания по сектантству и с 1917 года тоже собирайте *для меня*. Многого исчезло в продаже, и нигде, кроме как в провинции, не найдешь.

Все высылайте в мой адрес.

Конечно, и все старое.

Материалы в музей высылайте. Деньги посылаем. Произошла маленькая заминка, как всегда бывает при полугодовом бюджете. О рисунках художника Знаменского надо сначала сообщить, что именно, какое их достоинство и пр., и мы тотчас же ответим.

Что в этих альбомах? Расскажите.

Я сужу по нескольким словам Вашим о них — они интересны, и их стоит приобрести.

Сколько их и сколько за них хотят?

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 31.

3/VIII-35 г. № 14862

Ивану Спиридоновичу Абрамову

Сегодня мы посылаем Вам 117 руб. за предложенные нашему Государственному литературному музею материалы: фото, рукописи, книги, портреты и рис. Знаменского, «Известия о декабристах», экз. «Тоб. ведомостей».

Приносим наше извинение за совершенно невольную задержку в выплате денег. Мы твердо убеждены, что Вы и в

будущем будете также содействовать нам в собирании документов культуры нашей страны за XVIII, XIX и XX века, и обратите особое внимание на литературные и исторические материалы и переписку наших писателей и общественных деятелей. Все материалы просим высылать по адресу нашего музея: Москва 19, ул. Маркса и Энгельса, 18.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Довожу до Вашего сведения, что у нас только что вышел Бюллетень № 1, посвященный И.С. Тургеневу, 183 стр. (с иллюстрациями). Цена 4 руб. Высылается наложенным платежом.

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 32—32 об.

14 августа 1935 г. № 15224

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Вашу открытку на бухгалтерию я получил. Так случилось, что деньги выслали Вам с опозданием. Летом у нас безденежье, прошу извинить. Деньги Вам высланы в конце июля, и теперь, вероятно, Вы их уже получили. Уведомьте нас об этом.

Жду от Вас новых присылок для нашего музея.

Всего Вам наилучшего.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 33.

3 сентября 1935 г. № 15849

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Что-то от Вас давно ничего нет? Удалось ли еще что отыскать? Присылайте.

Всего Вам наилучшего.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Вкладывайте под клей в конверт чистый листочек — очень трудно раскрываются Ваши письма и рвутся.

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 34.

31 октября 1935 г. № 16837

Ивану Спиридоновичу Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я Вам уже писал, что в свое время запросил Л.Б. Модзалевского по поводу рукописи Адама Киркора, которую вы передали его отцу. Я только что получил от него ответ в общем письме ко мне и делаю Вам выписку из этого письма, чтобы Вы видели о всех обстоятельствах, в которых находится принадлежавшая Вам эта рукопись. Я написал ему, что, может быть, он возбуждает вопрос о возвращении рукописи собственнику, так как такие случаи бывали и в нашем музее, когда мы покупали архивы умерших писателей и в них оказывались рукописи, принадлежавшие другим лицам, и когда это было доказано, мы считали своим долгом вернуть их. Вот что пишет Л.Б. Модзалевский:

«Вследствие Вашей просьбы сообщаю Вам, что я искал рукопись Адама Киркора, о которой просил выяснить Ив. Спир. Абрамов. Рукопись эту я нашел. Она сохранилась в бумагах моего отца. Так как эти бумаги вместе с архивом отца я отдал в Пушкинский дом в 1928 году, то рукопись Киркора не может быть теперь возвращена Ив. Спиридоновичу Абрамову: она является государственной собственностью, и подымать какой-либо вопрос о возвращении ее прежнему владельцу мне неудобно».

На всякий случай сообщаю Вам адрес Модзалевского: Ленинград 37, 7 линия, д. 2, кв. 5. Если хотите, спишитесь с ним лично, а также советую Вам написать о рукописи Киркора и всех обстоятельствах, при которых Вы передали эту рукопись его отцу, заведующему ИРЛИ т. Оксману.

Всего Вам наилучшего.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 35—35 об.

4/XI-35. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Пишу сразу же по прочтении Вашего письма от 26 мая (№ 13..6), чтобы не забыть.

Есть одна ... (*испорчено*) рукопись, которая может пригодиться для выставки по Пушкину: запись в юношеском дневнике польского историка Адама

Киркора своего впечатл. при известии о смерти Пушкина: «Три великих Александра дала нам история» и т.д. Эта рукопись принадлежит мне. О ней я написал статью в академич. издание «Пушкин и его соврем.» под заглав. «К характеристике читателя пушкинского времени». № не помню, т.к. давно это было. В подтверждение своей статьи рукопись Киркора я тогда дал временно покойному Бор. Льв. Модзалевскому. При встречах со мною он вспоминал, что еще не отослал мне ту принадл. рукопись Киркора. Теперь, несомненно, принадлежащая мне рукопись А. Киркора хранится у его сына, которого Вы знаете. Он меня тоже знает. Было бы прекрасно, если бы Вы были так добры вытребовать эту рукопись для ГЛМ, так как мое желание — все свои сборы сосредоточить в Г. литературном музее. О получении указанной рукописи не откажите меня известить.

С грустью вспоминаю, что «по независящим обст.» (в 1933 г., октябрь) не успел я купить в Л. у одного продавца на Предтеченском рынке портрет Пушкина, писанный масл. красками. М.б., это копия, но старинная. Вероятно, его купил кто-нибудь из частных собирателей. В Ленингр. я бы и сейчас собр. немало матер. по Пушкину у разных лиц. Приятно вспомнить, что я успел отослать Вам свое собрание книг по Пушкину.

Ваш. И. Абрамов

Подлинник заметки Знаменского о знакомстве Ершова с Пушкиным у меня еще.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Лл. 358—358 об.

*4 ноября 1935 г. № 16867
Ивану Спиридоновичу Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваше письмо, которое Вы прислали на наш музей по адресу Рождественка, 5, адресовав его Экслеру, нами было получено, вскрыто и приобщено к нашим бумагам. Дело в том, что по общей установке, преподанной нам правительственными органами, все письма, посылаемые кому бы то ни было на адрес музея, вскрываются его администрацией и приобщаются к делам музея, так как никакая частная переписка ни с кем через правительственное учреждение не только не разрешается, но сугубо запрещается.

Должен сказать Вам, что это Ваше письмо к Экслеру меня крайне изумило и нарисовало мне в Вашем портрете до сих пор не замеченные мною и неизвестные мне штрихи.

В самом деле, почему Вы стали писать на имя Экслера, прочтя его первую неправильную корреспонденцию и вторую, в которой он до известной степени поправился. Вы что же, почувствовали в нем какую-то особую силу и думали, что Вам корреспондент га-

зеты скажет больше правды, чем я, директор этого музея? Вы в Вашем письме пишете, что до тобольчан дошли такие печальные слухи о состоянии нашего музея, что Вы всем говорили, что все материалы у нас сохраняются в сейфах, а теперь «все гибнет и находится в ужасном положении», и т.д. и т.д.

Неужели Вам не пришло в голову, Вам, знающему меня тридцать пять лет, что в этих корреспонденциях имелась большая доля преувеличения, и почему Вы не начали с того, что, будучи действительно обеспокоены положением нашего музея, не запросили об этом лично меня, а обратились к Экслеру? Вы помните, наверное, известные стихи: «Все врут календары». Я знаю, что «Известия» — ее редакция — хотели сделать весьма доброе дело, помещая эти корреспонденции о нашем музее. Ведь не только наш музей, но и совершенно бесценный Музей редкой книги, который помещался в том же доме, где и мы, — мы во втором этаже, а они в первом, — который весь наполнен рукописными книгами, начиная с 7 века, должен был переехать в другое помещение, ибо там строится грандиозное здание Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

Куда же переехал наш музей? Да в то же самое старое наше помещение, которое Вам известно по адресу и в котором мы работали более года. За это

время мы чрезвычайно разрослись, и, конечно, в старое помещение нам было трудно войти, вот почему нам пришлось выделить библиотеку в отдельное помещение — несколько комнат Государственного Толстовского музея, где я также директорствую, — библиотеку мы поместили в нижнем этаже этого дома, который должен был отделяваться под библиотеку Толстовского музея. Я оставил библиотеку Толстовского музея в старом месте, а нижний этаж отдал под библиотеку Государственного литературного музея. Этот нижний этаж представляет собой прекрасное сухое помещение, никаких железных там печек нет и не будет.

В толстовском же помещении на Хамовниках, где был дом Л.Н. Толстого, там имеются великолепные, с деревянными полами сараи старой барской усадьбы. В этих сараях мы сложили огромное количество деревянной мебели, которая нам сейчас по нашему помещению не нужна. Раньше в этих сараях также лежала всевозможная мебель и другие хозяйственные предметы.

Так что сказать, что все имущество подлежит гибели или уничтожению, совершенно нельзя, и никто этого сказать не может. Но и сказать другое — то, что занимаемое сейчас нами помещение, это идеал для нашего музея, — конечно, сказать нельзя. Несомненно, то поме-

шение, в котором мы ранее находились и находимся сейчас, может быть только рабочими комнатами нашего музея, но должен Вам сказать, что в этих рабочих комнатах все наши материалы, — а у нас имеется более миллиона рукописей, — находятся в блестящем, я бы сказал, изумительном порядке, что отмечено специальной инспекторской ревизией, которая приехала к нам после этой заметки и была поражена, что, несмотря на наш переезд, все материалы у нас находятся в таком блестящем порядке, и заявила всем сотрудникам, что они хотят, чтобы такой порядок был и в других музеях, например, в Историческом, Третьяковке и т.д. Мы очень благодарны за эти похвалы, но иначе у нас и быть не может. Все материалы лежат в папках, коробках, а самые ценные документы в 9 несгораемых шкафах. К Вашему утешению и утешению всех тобольчан, громадное количество коробок с рукописями размещены в несгораемой железной комнате Государственного Толстовского музея, где и ранее я хранил много материалов. Вот как обстоят дела.

Само собой понятно, что этим помещением мы не довольствуемся, также как и правительство, и общественность, и сейчас очень сильно заняты приисканием нового хорошего помещения, куда мы и переедем, оставив рабочие ком-

наты рабочими комнатами, вскоре соединим все вместе и через эти передрыги перейдем к лучшему. Но это «худшее», что мы имеем сейчас, оно во сто раз лучше многих помещений, особенно провинциальных музеев. А содержание материалов, повторяю, такое, какого нет и в каменных дворцах. Это говорю Вам не я, а тот инспектор, который обследовал наш музей.

Когда я читаю это Ваше письмо, меня охватывают два чувства: прежде всего открывшееся неожиданно для меня закулисное чувство недоверия с Вашей стороны ни ко мне, ни к администрации нашего музея, ни к нашему музею как таковому. Во-вторых, что меня особо поражает — это вторая часть Вашего письма, где Вы, можно сказать, примазались к этому событию, чтобы как-нибудь через Экслера наладить ограждение Вашей собственной библиотеки, причем здесь Вы допустили неправду: Вы пишете, что Вы в Тобольске находитесь случайно, хотя Вы находитесь там по официальному распоряжению. Вы пишете, что в Ленинграде живет Ваш «родственник», около этой библиотеки, а на самом деле это Ваш сын, а это совершенно другое дело. Этого делать никогда не надо. Не забудьте, что все тайное всегда становится явным, как это и есть в настоящее время. Вы пишете, что Вашу библиотеку

надо охранить как таковую, и не пишете того, что на эту Вашу библиотеку, правда, сейчас только на шкафы, накладывает руку фининспектор за долги Вашей жены по книжному магазину, и что это есть решение народного суда, и что я Вам писал, что для Вас есть единственный путь — обжаловать это решение народного суда в областной, или городской, или высший суд, и что никаких охранных грамот Вам не дадут. Если бы Экслер получил это Ваше письмо и случайно был бы втянут в писание или хлопоты по Вашему делу, он очень скоро увидел бы правду, и Вам бы за это письмо не поздоровилось бы. Удивляюсь, как у Вас не хватило соображения, что такие письма писать нельзя, ибо они неправдивы, ибо они втягивают людей в «невыгодные сделки», в неправильные хлопоты, что совершенно преследуется законом.

Вы пишете, что у Вас много книг с автографами, которые Вы хотели бы передать в наш музей. Так в чем же дело? Почему Вы их не передаете? Почему Вы пишете об этом не мне, а постороннему лицу? Неужели Вашему сыну трудно отобрать книги с автографами и прислать их нам, а мы уплатили бы Вам за них соответствующий денежный эквивалент, а также книги о Пушкине, которые мы тщательно собираем. Если же Вы это пише-

те для того, чтобы козырнуть, также как вы дважды упоминаете о Гос. лит. музее, то это не делает вам чести.

Я понимаю, что в Вашем тяжелом положении все может, что называется, «взбрести в голову», но ведь я дал Вам полное право обо всем писать мне, а Вы должны знать, что я Вам никогда не посоветую дурно. Вот первый раз Вы написали сами, и написали очень плохо.

Итак, повторяю, если хотите, делайте распоряжение Вашему сыну, чтобы он все из Вашей библиотеки прислал бы нам.

Государственному литературному музею ничто не угрожает, он находится в весьма приличном состоянии в смысле помещения и будет находиться в еще лучшем положении. По всем Вашим описям, которые у нас имеются сейчас, производятся оценки, и в скором времени Вам будут высланы деньги.

Если что еще сумеете добыть от тобольчан, присылайте, и чем скорее, тем лучше.

Директор ГЛМ

Влад. Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 416—420.

4 декабря 1935 г. № 29444

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович, относительно Вашей библиотеки я Вам могу указать еще один путь: напишите заявление

на имя прокурора РСФСР В.А. Антонова-Овсеенко, причем напишите подробно все Ваши взаимоотношения.

Ваши отношения к той библиотеке, о которой идет речь, а также почему на Вас такие нападки со стороны управдома Корочкина и др. Само собой понятно, также напишите о себе лично, как об учителе и др. Я увижу В.А. Антонова-Овсеенко и передам ему это Ваше заявление. Он как прокурор РСФСР может затребовать все дело на пересмотр.

Мне приходится сожалеть, что Вы в свое время, несмотря на мои неоднократные Вам советы, не передали этой Вашей библиотеки в наш музей.

В одном из писем Вы писали, что у Вас опять поднакопились материалы для нашего музея. Пожалуйста, присылайте. Я только что просмотрел протокол нашей приемочной комиссии и вижу, что Ваши материалы оценены, и деньги Вам будут скоро высланы.

Советую Вам материалы прислать поскорее, чтобы они встали в очередь к январю на описание и расценку.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 36—36 об.

16 января 1936 г. № 29494

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,
полученные от Вас материалы скоро будут оценены все до

конца и деньги Вам высланы. Все дальнейшие посылки прошу Вас направлять по новому адресу Гос. лит. музея: Москва 19, Моховая, 6, где мы получили небольшое помещение и куда переехали некоторые отделы музея, в том числе отдел комплектования и мой кабинет. Все Ваши письма также направляйте по этому же адресу. Если Вы за это время отправили что-либо на Рождественку, то не волнуйтесь, так как это помещение также осталось за нами и оттуда все пересылается на Моховую.

Мне очень хотелось бы получить тот песенник XIX века, о котором Вы пишете в своем письме, с текстом русского «Мальбруга». Я тоже помню неприличное изложение этой песенки на русском языке, вот его начало:

Мальбруг в поход собрался,

За ним гналася тень,

С испуга ...

И умер в тот же день.

И т.д. в том же роде.

Очень рад, что Вам понравился 5-й том «Звеньев». Сейчас работаю над 7-м и 8-м.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 37.

28/1-36. Тобольск

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Сегодня получил Ваше письмо от 16 января; шло двенадцать дней. В ожидании

письма с указанием нового адреса Гос. лит. музея я задержал посылку материалов. В числе вновь собранных материалов есть интересные, напр.: «Карманный месяцеслов на 1842 год» с заметками на четырех страницах; заметки разных последующих годов о днях рожд., именинах, отъезде и приезде в Ялуторовск разных лиц, в том числе и декабристов, напр., «5 (марта) 1846 г. во вторник выехал из Ялуторовска в Тобольск для лечения Вильгельм Карлович Кюхельбекер с женой Дросидой и детьми»; «4 мая — (день) рожд. Ив. Ив. Пущина» и т.д.

Есть большая карикатура М.С. Знаменского: «Водолей». (Редактор «Тоб. губ. ведомостей» К. Голодников, ученик П.П. Ершова и т.д.). Все буду посылать по вновь указанному адресу: Москва 19, Моховая, 6. Заявление в Комиссию по делам ч. ам. на днях пошлю в Ваши руки.

Песенник рукописный нач. 19-го в., которым вы интересуетесь, безусловно предлагается Гос. лит. музею. Мое слово поручаю, что все, что мною собрано: мемуары, фольклор, старопечатные книги, разные издания «Евг. Онегина» (есть все главы I-го издания), «Горя от ума» (старые изд., рукописи, роскошные издания Голике (?) и Вильборг (?) в разных переплетах и видах) и проч. и проч. — все предназначено мною лит. музею. Лишь бы мне добраться до моего собрания, о если бы только

добраться!.. Вам известно, что я посылал довольно энергично и выполнял все Ваши поручения, но много времени отнимали уроки в последний год. Теперь я страшно жалею, что не оставил тогда школьных занятий. У меня было множество литературного материала для обработки и для отсылки. В общем, я многого, многого не доделал. И вдруг 9 октября 1933 г., когда, усталый, я только что лег спать, слышу стук в дверь. Оказывается, квартироуполномоч. Корочкин: «К вам пришли по делу, откройте!» И завертелась машина. Через несколько часов: «Собирайтесь с нами», последний взгляд на любимые книги, на своих «мертвых друзей». А теперь, м.б., мои «мертвые друзья» уже мне изменили и нашли себе новых друзей. Если так, то я до самой своей смерти буду оплакивать их, и уже не будет той охоты возвращаться назад.

От Верх. суда я получил недавно краткую резолюцию: «Ваше заявление оставлено без последствий...».

Простите, что много наговорил. Будьте здоровы.

Ваш И. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261.
Лл. 426—427.

5 февраля 1936 г. № 527

*И.С. Абрамову
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

Я очень радуюсь, что мы сегодня посылаем Вам деньги.

Прошу Вас собирать для нас материалы и посылать в музей. Теперь мы будем расплачиваться несравненно быстрее. Посылаю Вам копию письма Коростина. Он пишет о малоизвестном художнике Шелудкове. Очень хорошо было бы, если бы удалось Вам собрать какие-либо материалы или сведения о Шелудкове.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гос. лит. музея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. пр. 4. Л. 38.

*26 февраля 1936 г. № 838
Абрамову И.С.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваше письмо от 28 января я получил 7 февраля и немножко задержался с ответом, так как крайне был занят добролюбивской выставкой. Очень рад бодрому тону Вашего письма и очень прошу Вас сейчас же выслать нам посылки тех материалов, которые Вы уже собрали там, в Тобольске. Конечно, карманный месяцеслов на 42-й год с заметками декабристов и других очень необходимо получить. А также высылайте и большую карикатуру Знаменского, рукописный песенник. Твердо помните, что мы крайне заинтересованы собиранием всех материалов по фольклору, будь это целые большие рукописи или отдельные записи частушек. Давайте

твердо будем знать, что наш музей является Вашим музеем, и, когда будете здесь у нас, Вы будете в состоянии им пользоваться так, как Вы хотите. Не надо Вам так скучать по поводу Вашей библиотеки, имейте в виду, что у нас в музее библиотека гораздо лучше, чем у Вас, и, когда вернетесь в Москву, будете в ней заниматься, а не все ли равно, кому она принадлежит, лучше, если принадлежит государству, даже еще лучше.

Я не получил от Вас ответа по поводу желания поехать в Обдорск, Березов или другие города. Нужно ли Вам для этого какое-либо разрешение или нет? Я очень хотел бы, чтобы Вы с весны туда поехали в командировку, и хочу об этом хлопотать.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Государственного
литературного музея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. пр. 4. Л. 39.

*29 февраля 1936 г. № 918
И.С. Абрамову*

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

Как всегда, благодарен Вам за сведения и хлопоты. Очень рад, что Вы получили деньги, мы же получили от Вас посылку с материалами. Мне передали все то, что Вы прислали для меня лично. Благодарю Вас, на днях я все это пересмотрю и напишу Вам. Обычное наше

уведомление о получении от Вас материалов послано Вам. Посылаю Вам нужное Вам удостоверение.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гос. лит. музея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 40.

29 февраля 1936 г. № 946

Справка

Выдана в том, что Иван Спиридонович Абрамов в настоящее время, живя в г. Тобольске, работает по собиранию исторических и литературных материалов, которые доставляет нам в Государственный литературный музей, находящийся в Москве по адресу: Москва 19, Моховая, 6. Государственный литературный музей.

*Директор Гос. лит. музея
Влад. Бонч-Бруевич*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 2.

15 марта 1936 г. № 1154

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович, сообщаю Вам, что все присланные Вами материалы получены музеем, за что Вас весьма благодарю.

Извещения о получении материалов Вам аккуратно посылаются. Рисунки художника М.С. Знаменского присылайте.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 41.

22 марта 1936 г. № 29604

*Ивану Спиридоновичу
Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

все Ваши бумаги я давным-давно получил и вместе с моим письмом переслал в комиссию ... (это место умышленно подчищено до дыр — Ю.М.) написал все подробно. О результатах и Вас, и меня, наверное, уведомят, и тогда будем знать, а пока будем жить и каждый делать то дело, которое мы делаем.

Я очень благодарю Вас, что Вы возобновили высылку нам различных материалов и документов. Собирайте все, елико возможно, и высылайте.

Напишите, что еще удалось собрать наиболее интересного.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 42.

14 июля 1936 г. № 2624

*Марии Николаевне Костюриной.
Тобольск, Нагорный,
ул. Клары Цеткин, д. 14*

Многоуважаемая Мария Николаевна, мне сообщили Ваш адрес наши общие знакомые, а также сообщили, что у Вас имеются материалы, которые были бы интересны для нашего музея.

Что мы собираем, Вы увидите из прилагаемого при сем нашего общего информационного письма.

Все материалы, присланные Вами, будут сейчас же нами рассмотрены, оценены нашей приемочной комиссией, и Вам будут высланы причитающиеся деньги.

О нашем музее прошу Вас рассказывать всем Вашим друзьям и знакомым и просить их высылать нам материалы прямо в адрес музея: Москва 19, Моховая, д. 6, Государственный литературный музей.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.
Лл. 1-1 об.

26 июля 1936 г. № 2738

И.С. Абрамову.

Тобольск, Б. Пиляцкая, д. 35

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

Очень многие из Ваших поступлений оценены комиссией музея, и деньги высылаются Вам не позже 25 июля с.г. Очень надеюсь, что Вы по-прежнему энергично будете разыскивать для музея архивные материалы, и некоторая задержка оплаты их на этот раз не вызовет каких-либо осложнений и не отразится на Вашей ценной и нужной работе.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 43.

Июля 27 1936 г.

*Тобольск, ул. Клары Цеткин,
д. 14*

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вчера получила Ваше письмо. Я давно знаю о Вашем музее, всю зиму у меня покупал, очень дешево, разные старинные книги, брошюры, бумаги Ив. Спирид. Абрамов, говорил, что берет для Вашего музея; но теперь он с мая месяца не получал от Вас письма и не знает, дошел ли до Вас материал, посланный им? Я, конечно, предпочла бы иметь дело непосредственно с музеем; кое-что я Вам пошлю, но не знаю, пригодится ли это?

Гравюры тоже есть у меня. Гравюр 7 ценных: 3 Наполеона, 3 на библейские сюжеты, 1 — «Последний день Помпеи». Размер их метр и 1/2 метра. Гравюры, кажется, 1832 г., очень хорошего гравера. Посылать я их не буду, и если бы здесь был кто знающий толк в гравюрах, то, пожалуй, я бы продала их музею. Наш Тобольск — город древний (350 лет), материала много архивного, надо бы сюда человека «знающего» и «облеченного доверием» музея. Перекупщики дают так дешево, что не стоит продавать им, и нет гарантии, что все дойдет до музея. Много чего я передаю в местный архив, п.ч. мне интереснее сохранить *здесь* память о былом для потомков, но остальное могу и Вам посылать, но как?

Пересылка стоит дорого и ненадежна. Вполне сочувствую целям музея и чем могу буду содействовать.

С приветом Мария Костюрина

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.

Лл. 2—2 об.

Августа 13 1936 г.

Тобольск, 2,

ул. Клары Цеткин, д. 14

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Письма Ваши получала; посылаю 2-й пакет, где вы найдете начало рукописи Богучарского. Это «Отцы и дети» — у меня так много всяких «бумаг», что не сразу все находится в моем архиве. Вот в чем дело: как пересылать? В пакетах дорого, в ящиках еще дороже, п.ч. здесь деревянные ящики должны быть обшиты холстом, а его трудно достать, п.ч. очередь такая, что оторвут голову, и тоже дорого, а иначе не принимают на почту в Нагорном отделе почты. Жду Абр., может, он что посоветует, т.к. он часто Вам посылает. Я только детям посылаю посылки, и всегда это мучение, п.ч. на почте очень требовательны, надо чтобы новый холст и т.д. и т.п. Много интересного печатного материала, статьи Полонского (?), биография и пр. и пр. Много иллюстраций, для нашего музея Тобольского Севера они не подходят, поэтому я охотно Вам pošлю их. Нужна ли опись того, что посылаю? Как

Вы будете знать, все ли до Вас дошло? Частные посылки здесь иногда приходят с «изъятиями», хотя это касается больше вещей, а не книг. У нас такой город, что нет перьев, нет конвертов, горе, а не город!!! Самое бы лучшее, если б кто сюда приехал специально с целью собрать интересный для музея материал, ведь не у меня только он есть, купил бы и увез с собой.

Может, случайно кто-нибудь из Ваших знакомых поедет сюда, тогда пусть зайдет ко мне с Вашим письмом.

С приветом Мария Костюрина

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.

Лл. 5—6.

15 августа 1936 г. № 2949

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

Получил Ваше письмо и спешу сообщить Вам, что оставшие материалы просмотрены и оценены на заседании комиссии 13 августа. Деньги, вероятно, Вам будут переведены в конце августа. Я очень благодарю Вас за настоящую помощь нашему музею и за желание и на будущее время так же энергично и плодотворно работать по розыску документов.

Я уезжаю на днях за границу лечиться, до половины октября. Вас же прошу по-прежнему направлять посылки в музей. Если будут какие-либо

вопросы, пишите моему заместителю Зилову К.А. или секретарю Суриковой К.Б.

Всего Вам наилучшего.

Директор Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 44—44 об.

21 августа № 3010

Товарищу Костюриной.

Тобольск

Уважаемый товарищ Костюрина!

Сообщаю Вам, что Владимир Дмитриевич находится в отпуске с 17 августа с.г. Музеем получены от Вас пакеты с материалами, о чем своевременно Вам посланы извещения. Относительно затруднений с отправкой материалов посоветуйтесь с И.С. Абрамовым, он присылал нам очень большое количество посылок, и у него в этом смысле богатый опыт.

Всего Вам наилучшего.

Замдиректора Гослитмузея

Зилов

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138. Л. 9.

8/X-36 г.

Телеграмма

Москва Тобольска

Центрлитмузей Директору

Умоляю срочно охранить мою библиотеку Материалы вам Подробности Ленинград Надеждинская пятьдесят шесть квартира два Александру Абрамову.

Иван Абрамов

(Пометка на телеграмме:

В.Д. Прошу дать распоряжения,

как поступить. М.б., вы сами дадите тел-му. Подпись)

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 406.

31 октября 1936 г. № 3617

И.С. Абрамову.

Тобольск

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

у нас сейчас особенно усиленно идет работа по трем разделам, которые Вам все одинаково близки, и я очень прошу Вас помочь нам всемерно в деле собирания материалов по этим отделам, также, конечно, не забывая и всего остального.

У нас сейчас готовятся пушкинские выставки, а поэтому все материалы по Пушкину нам крайне необходимы. Пожалуйста, вышеживайте отовсюду все по Пушкину, что только возможно.

Также у нас сейчас в Москве печатается полное академическое издание Некрасова, и мы обещали его редакции оказывать всяческую помощь в деле собирания текстов Некрасова, до сих пор не опубликованных. А поэтому прошу Вас в соответствии с этим все, что имеется по Некрасову, собирать как можно тщательнее и быстрее.

Третье Вам будет особенно близко. У нас сейчас делается подробнейшее описание всех лубков, начиная с XVII в., которые мы в значительном количестве приобрели в наше хранилище. Это будет после Равинского первым описанием, и я скажу — заме-

чательным описанием. Делается оно большими специалистами и будет издано: отдельная книжечка — лубки, отдельная книжечка — плакаты, и еще третья книжка — вся другая разная листовая печать, которая не относится ни к плакатам, ни к лубкам. Этого тоже довольно много.

Я очень прошу Вас обратить особое внимание на этот отдел и, чтобы наше описание вышло возможно полнее, в буквальном смысле гоняться за каждым лубком и присылать нам решительно все, что только Вы найдете где бы то ни было, прежде всего у себя самого.

Помимо этого, я обращаюсь к Вам с особой просьбой и прошу принять все меры, чтобы отыскать лубки Теребенева конца XVIII века, лубки Венецианова и Иванова, а также карикатуры на Наполеона, выпущенные в лубках англичанами.

Также мы очень тщательно собираем нецензурированные отписки старых досок, как бытовые, так и религиозные. Очень важно получить все издания Сытина — помните: всевозможные иконы божией матери, архистратеги, белые генералы, сановники, всевозможные картины и т.д., и т.д. У нас в столице теперь трудно это дело сделать, так как все уже исчерпано, а в провинции, вероятно, легче это сделать, почему обращаюсь к Вам и прошу этим делом заняться и все высылать нам сюда.

Я только что вернулся из отпуска и с новыми силами принялся за работу. Жду от Вас новых посылок и писем, а также подробного описания о всем Вашем житье-бытье.

Всего наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 45—45 об.

*5 ноября 1936 г. № 3680
И.С. Абрамову.
Тобольск*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

письмо Ваше от 23 октября я только что получил. Очень радуюсь, что Вы теперь можете ехать туда куда хотите для Вашего любимого исследовательского дела. Конечно, мне было бы очень приятно, если бы Вы от нашего музея поехали по северным местам, побывали в Омске, может быть, если будете до весны в Тобольске, то, как хотели, заедете в Обдорск, в Березов. Ведь в Березове должен быть громадный архив Меншиковых и целый ряд других документов петровской эпохи.

Вообще, просил бы Вас сообщить мне план, какой Вы мне хотели представить, Вашего путешествия по Сибири в целях собирания материалов для нашего Государственного литературного музея, а также напишите и об экономической стороне этой командировки: сколько нужно будет Вам на это денег. Все подсчитайте хорошенько. Я

буду очень рад воспользоваться Вашим предложением, так как убежден, что во всех этих городах и городишках, также как и в Тобольске, найдется бесконечное количество самых нужнейших нам материалов, старинных книг, книг с автографами и пр. т.п., о чем мне говорить Вам не нужно, так как Вы сами это прекрасно знаете.

Сейчас же пересылайте нам в музей все то, что Вы поименовали в кратком списке материалов, еще нам не высланных. Надеюсь, что на самом деле у Вас значительно больше материалов, чем то, что Вы перечислили. У нас сейчас в музее дело обстоит так, что мы совсем не задерживаем описание полученных материалов и абсолютно не задерживаем высылку денег.

Продолжайте собирать все что только возможно и в Тобольске. Я Вам послал особое письмо, в котором сообщаю о материалах по Пушкину, Некрасову и лубкам. Надеюсь, что Вы все это получили. Жду от Вас ответа.

Пожалуйста, везде и всюду собирайте лубки. Может быть, в хатах найдете еще старинные лубки, висящие на стенах, пожалуйста, покупайте все. Имейте в виду, что нам нужна вся листовая продукция, от самого древнего лубка до современных плакатов.

Итак, жду от Вас письма. Удивляюсь, почему Вы забыли приложить текст расписки для

подписи. Если Вы ее не получили, то сами составьте расписку и пришлите ее к нам. Это нужно будет для бухгалтерии.

Если Вы снимались сами в Тобольске, то пришлите Вашу фотографическую карточку.

Всего Вам наилучшего.

Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич
Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 46–46 об.

Ноября 28 1936 г.
Тобольск, ул. Клары Цеткин,
д. 14.

Уважаемый товарищ!

Посылаю расписки. Я говорю про музей Ваш всем знакомым, но посылают ли они Вам материал, мне неизвестно. Я посылаю только из своего архива, п.ч. я не могу собирать его по городу, как Иван Сп. Абрамов, у меня болит нога и мне 73 года. Абрамов скоро едет отсюда. Собираю еще Вам посылку.

С приветом М. Костюрина
РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.
Лл. 22–22 об.

21 февраля 1937 г. № 416

М.Н. Костюриной
Многоуважаемая Мария Николаевна!

При сем возвращаем Вам целый ряд материалов, от приобретения которых приемная комиссия музея воздержалась.

Вы просите сказать: что именно, какие материалы следует присылать. Можно дать лишь общее определение, которое достаточно ясно указано в

наших информационных письмах, при сем Вам посылаемых. Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Приложение: информационные письма.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.
Л. 29.

*Февраля 28 1937 г.
Тобольск, ул. Клары Цеткин,
д. 14.*

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! Расписку при сем прилагаю. Отвечаю на ваше письмо: 1) все, что у меня было для пушкинской выставки, я отдала давно в наш Тоб. музей, там выставкой этой занято 3 комнаты, и теперь отдала туда портрет Мицкевича, т.к. Пушкин был с ним дружен и высоко ценил его поэзию и личность, а Вам этот портрет не пригодился, почему — не знаю.

2) О Некрасове у меня, может быть, есть статьи из старых журналов, а «неизданные стихи» вряд ли здесь найдутся. Здесь даже полное издание Некрасова — большая редкость.

3) Что касается «лубка», то, конечно, это, бесспорно, интересный отдел, но тут уж мне ничего не удастся собрать. Если и попадутся «лубки», то в деревнях глухих верст за 50, за 100 от города, а в окрестных деревнях лубка давно уже нет — покупают теперь люди картины и портреты вождей в Огизе и украшают ими свои стены, кре-

стьянская молодежь ведь учится и к лубкам относится отрицательно, а старые «картинки» все уничтожили. О лубке поговорю с теми, кто ездит по деревням, может, кто и соберет что-нибудь.

Здесь издается газета «Тобольская правда», адрес: Тобольск Омской области, Базарная площадь, 1. Хорошо бы было вам послать туда письмо по сбору материалов для Вашего музея — может, «широкая публика» откликнется на Ваш призыв; я говорила всем своим знакомым, но посылают ли они Вам что-либо, мне неизвестно, иногда приносят люди материал в Тоб. музей и архив.

Если найду у себя что-нибудь для Вашего музея подходящее, то пришлю.

Мария Костюрина
РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.
Лл. 31–32.

*Ноября 13 1937 г.
Тобольск, ул. Клары Цеткин,
д. 14.*

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Получила Ваши письма, посылаю Вам что есть. Буду посылать теперь бандеролью, п.ч. пакетом очень дорого. Пришлю опись материалов, т.к., вероятно, корреспонденция в Москву перлюстрируется и могут быть пропажи в дороге. Здесь в музее есть небольшой отдел лубка на сюжеты пушкинских сказок и другие, но теперь здесь лубок —

большая редкость. Что было у меня о Некрасове, то я послала Вам летом, о Пушкине что было — отдала здесь в музей на бывшую пушкинскую выставку. Здесь сейчас выставка советских достижений в связи с юбилеем города Тобольска — 350 лет ему! Я думаю дать им Ваши информационные письма, п.ч. публика ходит туда, и, может быть, кто-нибудь будет посылать Вам материалы. Там за стеклом есть фотография: «Ленин и Бонч-Бруевич», а о литер. музее ничего нет у них. Знакомым я говорю о литер. музее, но послали ли что Вам, мне неизвестно. Такого неутомимого сборщика, как был здесь товарищ Абрамов, теперь нет, или я не знаю его. Письма идут в Москву 10 дней, но Иртыш уже стал, и, может быть, почта будет скорее.

С приветом Мария Костюрина

P.S. При сем опись: 10 статей и портретов.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138. Лл. 38—39.

15 февраля 1938 г. № 453

И.С. Абрамову.

Ленинград

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

В ответ на Ваше письмо прошу Вас материалы присылать в музей. Относительно Вашей командировки в Тобольск и Обдорск сейчас ничего определенного сказать не могу, но подумая.

Всего Вам наилучшего.

Директор Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 69.

23 февраля 1938 г. № 498

Абрамову И.С.

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Прошу Вас сообщить мне маршрут Вашей поездки по северному краю, которую Вы предполагали. Хочу думать, что нам эту поездку удастся осуществить. Конечно, очень необходимо, чтобы Вы попали в такие отдаленные места, как Обдорск, Березов, где, конечно, должно быть много интересных материалов.

Всего Вам наилучшего.

Директор Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 70.

4 апреля 1938 г. № 999

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

в ответ на Ваше письмо прошу Вас имеющиеся у Вас карикатуры худ. Знаменского переслать в музей. Присланные Вами визитные карточки передаю на оценку, но предупреждаю, что стоимость их очень незначительна.

В отношении Вашей командировки в Тобольск сейчас ничего не могу сказать определенного. Еще надо подумать.

Всего Вам наилучшего.

Директор Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 71.

30 апреля 1938 г. № 1192

И.С. Абрамову

Уважаемый Иван Спиридонович.

Я долго не отвечал на Ваше письмо, потому что сильно был болен воспалением легких и только теперь могу ответить Вам. Конечно, приготовленная Вами к печати рукопись М.С. Знаменского «Мое детство среди декабристов» меня очень интересует. Пожалуйста, постарайтесь прислать ее мне поскорее, а я постараюсь ее напечатать или в «Летописи», или в «Звеньях». Но, пожалуйста, пришлите поскорее, так как «Летопись» «Декабристы» уже готова, а также я редактирую сборник «Звенья», где можно было бы поместить эту работу. К стати, в «Звеньях» я помещаю некоторые Ваши заметки, которые Вы мне присылали.

Что касается Вашей поездки на Север для разыскания материалов в местных музеях, то сейчас я Вам ничего положительного сказать не могу, так как уезжаю в санаторию, чтобы залечить брешь, нанесенную моему здоровью воспалением легких. Когда вернусь, то займусь этим вопросом.

Директор Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 72–72 об.

16 мая 1938 г. № 1330

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Как жаль, что Вы рукопись «Мое детство среди декабристов» послали в Ленинград. Вряд ли что из этого выйдет, а у нас она могла найти свое место. Также грешно Вам, многое видавшему, держать у себя рукописи Знаменского, в то время когда многое у нас собрано. Зачем это? Разве Вам не ясно, что все должно быть в музеях и архивах. Разве мало пропало исторических документов. Прошу Вас: высылайте все нам сюда, оценим и вышлем деньги. Поток рукописей и материалов огромен, но все-таки со всем справляемся. Список, написанный рукой племянницы Знаменского, конечно, высылайте, а также и вырезки из тобольского журнала, а также список произведений и пр. — все высылайте. Только не надо мешкать и дожидаться, когда я выйду из санатории. Это совершенно ни к чему. Наше государственное учреждение работает всегда четко. Затягивая высылку, Вы теряете время. Ведь надо все описать, все должно пройти и через отборочную, и через расценочную комиссию, а ведь материалов ежедневно поступает масса, так что в очереди надо спешить занять место.

Вашу статью «Календарные заметки» напечатаем или в «Звеньях», или в «Летописи». Когда же Вы вышлете самый месяцеслов на 1842 г.? Удостоверение вышлем.

Не собрали ли что на месте Вашего теперешнего жительства? Высылайте.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 73.

*15 июня 1938 г.
И.С. Абрамову*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

Ваша рукопись, посланная отдельной заказной бандеролью, о деле поэта М.Л. Михайлова в январе 1863 г. и заметка «Пушкин и Максимович» получены. Жду «Заметки М.С.З. о поэте П.П. Ершове» и иллюстрацию к делу Михайлова.

Музейные материалы (4 фотографии) получены и переданы на оценку.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 74.

*16 сентября 1938 г. № 2597
И.С. Абрамову*

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что материалы, о которых Вы запрашиваете (посылки от 13/VIII и 3/IX), еще не просматривались комиссией. Не оценена и рукопись «Мое детство среди декабристов». Все это будет нами просмотрено и оценено 19/IX-38 г. Все материалы, от которых отказалась комиссия, я хочу посмотреть лично, поэтому и за-

держивается высылка их Вам обратно.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 75.

*4 октября 1938 г. № 2768
И.С. Абрамову*

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

статейки Ваши я получил, прочел их и думаю пустить в сборниках «Звенья».

Рукопись Тургенева «Параша» к нам не поступала. Если можно сделать какие-нибудь шаги к ее разысканию, сделайте их сейчас. Портреты Тургенева в охотничьем костюме у нас имеются, но с автографом Тургенева имеются другие фото.

Как жаль, что Вы не успели получить коллекцию иностранных писателей — 200 автографов. Нельзя ли их сейчас отыскать и нам получить? Также прошу Вас прислать нам и другие имеющиеся у Вас автографы.

То, что комиссия отклонила для приобретения, на днях все поступит ко мне на просмотр, и я сделаю окончательное распоряжение, что оставить у нас и что вернуть Вам как не подлежащее к приобретению нашим музеем.

Обратите внимание, что мы сейчас заняты собиранием всевозможных рукописей более древнего происхождения, так что если Вам встретятся материалы XVI, XVII и XVIII вв.,

все приобретайте и присылайте нам.

Всего Вам хорошего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 76.

13 октября 1938 г. № 2838

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я только сию минуту получил Ваше письмо со стихотворением, посвященным выставке «Слово о полку Игореве».

Очень благодарю Вас, что вспомнили нашу выставку и, получив сведения из газет, откликнулись на нее.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 77.

16 октября 1938 г. № 2908

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович,

я только что получил Ваше письмо от 15/X с.г. и очень радуюсь, что у Вас сохранилось так много интересных книг XVI, XVII и XVIII вв. Полагаю, что даже без Вашей поездки в Ленинград Вы могли бы это имущество передвинуть к нам, пока они не пропали. Конечно, было бы лучше, если бы Вы могли лично распорядиться этим имуществом, но я не знаю, когда Вы туда попадете, а это ценное имущество может подвергнуться всяким случайнос-

тям. Я никак не могу понять Вашего упорства и нежелания переслать все эти литературные ценности к нам в музей. Давным-давно они были бы на месте в сохранности и целости.

Прошу Вас серьезно об этом подумать и сделать все, что Вы можете в этом направлении.

Всего Вам наилучшего.

*Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 78.

3 ноября 1939 г. № 3532

Удостоверение

Настоящим удостоверяю, что Иван Спиридонович Абрамов с самого начала организации нашего музея, именно с 1930 года, по сей день деятельно и энергично работает по собиранию материалов для нашего Гослитмузея и дал их нам большое количество, причем многие из этих материалов являются очень важными и нужными для науки, литературы и истории.

Мне также известно, что И.С. Абрамов ранее все время занимался педагогической деятельностью. Еще в 1905 году помогал нам распространять нелегальную с.-д. литературу среди народных масс.

Думаю, что он вполне заслуживает получить полагающуюся ему пенсию.

*И.П. Директор Гослитмузея
Влад. Бонч-Бруевич*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 144.
Л. 4.

Декабря 13 1939 г.

Тобольск, ул. Клары Цеткин, д. 14.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вероятно, в Вашем музее есть отдел фольклора, посылаю мои труды для Вашего архива, они были напечатаны в журнале «Ежегодник Тоб. музея». Все экземпляры этой книги музея раскуплены, поэтому уцелевший у меня оттиск посылаю в Ваш музей.

Есть у меня и заговоры, и медицинские средства народа. Тоже пошлю, когда приведу их в порядок. Вот в чем дело: Ваша оценочная комиссия стала скупко платить, а надо принять во внимание почтовые расходы: теперь марка вместо 7 коп. стоит 30 к., а посылка очень дорога. Кто бы и послал Вам рукописи или что-нибудь, но говорят: не стоит возиться с пересылкой, не окупаются расходы. Посылаю расписку в получении (5) пяти рублей, деньги я получила, а расписка была заслана в Омск вместо Тобольска и получена мною только на днях. В сентябре здесь в музее была выставка и митинги в честь тоболяка П.П. Ершова, автора сказки «Конек-Горбунок», и украинского поэта Павла Арсентьевича Грабовского, он здесь умер. Приезжала из Киева делегация для чествования его памяти.

Желаю вам здоровья и всего лучшего.

С приветом Мария Костюрина

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1138.

Лл. 46-47.

5 октября 1944 г.

С. Воронеж Сумской обл.

И.С. Абрамову

Очень был рад получить от Вас письмо, многоуважаемый Иван Спиридонович, и узнать, что Вы живы, здоровы, благополучны да еще работаете по старой своей специальности преподавания в десятилетней школе. Это поистине прекрасно! Вы можете очень многое дать подрастающему поколению, которое так нуждается в знаниях, в сердечном отношении, в заботе о них. Воображаю, что они, бедные, перенесли во время немецкой оккупации! Долго-долго не изгладится у них ужасное впечатление от набега этих варваров XX века. Очень хорошо, что Вы пишете в местной прессе. Надо всемерно помогать ей. Прекрасно, что собираете материалы о войне. Все это так будет нужно в ближайшее время для истории этой ужасной всемирной войны. Литературный музей существует, но, конечно, далеко не в том размахе, какой был раньше. Самая большая беда в том, что он сейчас не собирает рукописные материалы. Вопрос этот сейчас вырешается. Когда что будет ясно, я Вам тотчас же напишу. С центральной печатью сейчас трудно. Журналы крайне стеснены в объемах, и почти нет возможности ничего печатать. Приходится повременить. Издания Литературного музея в продаже имеются, но очень мало. Запросите Гослитмузей (Моск-

ва, Моховая, 6). Напишите, что я рекомендовал обратиться, и сообщите мне, а я попрошу высказать все, что возможно, — там есть много интересного. Вы спрашиваете об М.И. Успенском — он умер во время блокады Ленинграда. Кажется, та же участь постигла В.И. Чернышева. Об Ончукове лет семь ничего не слышал. Не знаю, жив ли он?

Я лично похварываю бронхитами, иногда переходящими в воспаление легких. Занят более всего своими воспоминаниями, но, как всегда, делаю ряд других работ по истории, этнографии, по истории революций, но все это больше впрок, ибо печатать негде. Может быть, доживем до лучших дней, когда бумаги будет больше и издательства воспрянут. Иногда читаю лекции по истории рабочей и с-д. печати — тоже главы из истории революций.

Пишите мне. Буду рад получать от вас весточки.

Крепко жму Вашу руку.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 7—7 об.

4 марта 1946 г. № 219

Т. Абрамову

Ивану Спиридоновичу.

Сумская обл., Шостинский район, с. Воронеж

Ваше письмо от 30/1 с.г. я только что получил и очень был ему рад.

Вот видите, как везде у всех находятся вещи, которые все-

цело относятся к русской культуре и которые до сих пор лежат втуне, почти никому неизвестные и, во всяком случае, неизвестные широкой общественности.

Я говорю о Вашем рукописном песеннике первой трети XVIII века. Я несколько раз уже писал Вам о нем, что его необходимо издать целиком и полностью.

Я предлагаю вам: опишите его в небольшой заметке, страницы на 3, на 4 печатных, чтобы я эту заметку мог сейчас же получить и зарегистрировать ею эту работу за Вами в первом текущем номере «Звеньев». Опишите всю его внешность, количество страниц, каким шрифтом он написан. В конце обязательно напишите, что Вы подготавливаете этот сборник для печати в Гослитмузее, я от редакции тоже прибавлю несколько слов.

Сейчас же садитесь за эту нужную работу, чтобы весь сборник целиком и полностью нам издать в одном из томов наших летописей. Здесь, конечно, потребуется тщательная его проработка, всевозможные примечания, может быть, сравнения и т.д. и т.п. Одним словом, как сумеете, так и сделайте. Я прекрасно понимаю, что у Вас под рукой нет надлежащей литературы, которая могла бы еще лучше развернуться, но это пускай Вас не смущает, у нас есть ряд заме-

чательных фольклористов, мы здесь Вашу работу прочтем, она пойдет под Вашим именем, а где нужно, мы сделаем от редакции примечание и напишем от редакции какие-нибудь вводные статейки, если это будет нужно. Когда мы весь материал этого сборника поместим в печать, вероятно, придется снять некоторые страницы фотографий, Вы сами подскажите, какие именно, для иллюстрации этого издания. Вы, конечно, упомяните в вводной статье все те цитаты, которые Вы знаете по поводу этого рукописного сборника.

Ту статью, которую Вы писали вместе с Чернышевым и которую по не зависящим от Вас обстоятельствам он подписал лишь за одной своей подписью, можно будет Вам несколько переделать и с таким же правом пустить под своей подписью, сделав к этому примечание и, конечно, исправив все ошибки, в том числе указание на то, что подлинник хранится в Литературном музее им. Горького в Москве. Кстати, такого музея не существует в природе, а есть просто музей им. Горького, который специально занимается изучением творчества Горького.

Вы более 30 лет храните замечательный памятник, и до сих пор, целых 30 лет, наша наука и наша общественность не знают об этом замечательном памятнике XVIII века! Это ужасно! Вот что значит наша

некультурность. Такую вещь до сих пор не напечатали. Это просто ужасно, и мы должны эту ошибку немедленно исправить. Прошу Вас, никому ничего не посылайте, потому что таким образом все самое интересное разойдется по чужим статьям без настоящего исследования памятника.

Вы говорите, что им очень интересуется А.В. Позднеев. Простите, пожалуйста, мое невежество, я не знаю, кто это такой, пожалуйста, сообщите мне о нем сведения, которые вы имеете.

Вы совершенно правы, что мы с Вами в таком возрасте, что нам приходится думать и о болезнях, и о смерти. И в самом деле, вот если заболите испанкой, которая у нас сейчас свирепствует, о чем я и думать не хочу, и вдруг умрете, и все пойдет прахом, и рукописи исчезнут с лица земли. Вот так-то у нас в России и делается, тогда как в других странах очень тщательно следят за людьми, которые занимаются народным творчеством или даже просто писательством, и тотчас же, как только он соберется уйти с этого прекрасного света, охраняют его имущество и ни одного листка не позволяют никому взять или уничтожить. Такой государственной охраны у нас, к сожалению, еще нет, а окружающие власти просто даже не понимают ценности и значения подобных книжек, записей и пр. На-

пример, я знаю, как власти без всякого злого умысла, а просто от блаженного неведения сожгли переписку одного умершего, и в том числе сожгли 48 подлинных писем Л.Н. Толстого, а в Москве был случай, когда воры-молодчики 15 лет, позарившись на чемодан у одного жильца, когда он уехал на Кавказ, чемодан этот выкрали и все содержимое вытряхнули в отхожее место. Чемодан у них нашли, и они наивно заявили, что они все бумажки бросили в это злачное место. Бросились туда, а там одна помойная каша, которую разобрать невозможно, а в чемодане хранилась переписка Горького с несколькими людьми в количестве 700 писем, которые не были в копии, и эти чудесные письма, рассказывают те, кто их читал, раз и навсегда исчезли. Кроме того, там была большая литературная переписка и с другими лицами. Вот почему по возможности не надо ничего у себя держать, а хранить в музеях.

Конечно, мы подлинный сборник у Вас купим, а только Вы его перепишите. Как Вашу рукопись, так и все посылайте ценными пакетами, застраховав пакет по крайней мере в 700–800 р., иначе я как-то всегда боюсь, как бы рукопись не пропала, а так все доходит очень аккуратно.

Вообще, теперь обращают внимание на народное творчество различных эпох, и у нас в

Гослитмузее будет издаваться целый ряд подобных исследований. Сейчас печатаются онежские былины, собранные братьями Соколовыми. Том этот посвящен памяти умершего М. Соколова. Кроме того, будет печататься 3-й том былин Крюковой. Очень хорошо исследован приангарский фольклор, замечательная книга фольклористики Липец — рыбацкий фольклор, песни рыбаков Белого моря, Северного Ледовитого океана, Каспийского моря, Черного, Азовского и Балтийского; многолетняя работа с очень хорошими большими обобщениями. И в последнее время делается работа записи всех песен, сказок, бывальщин, стихов и пр. старообрядцев-некрасовцев, которые жили в Турции и которые теперь переселились в Россию. За ними сделаны подробные записи, это будет чудесный сборник со всеми особенностями языка XVII века. Сборник дышит такой стариной и, если хотите, совершенно особенной свежестью, что прямо читать приятно. Такая же запись сейчас делается в Прикарпатской Руси и в округе г. Черновцы.

Очень интересен том рабочего фольклора, собранного на фабриках и заводах. Как видите, этот отдел сильно у нас расширяется, да вот и Ваш сборник еще поможет нам.

Ноты, которые находятся в этом сборнике, конечно, все

целиком и полностью должны быть сфотографированы. Работайте не покладая рук и над сборником, и над всем остальным и каждую вещь сейчас же присылайте мне, будет это большой или малый материал. Наш Гослитмузей, несомненно, вскоре опять начнет по-старому скупать материалы по всем вопросам, касающимся литературы и истории.

Крепко жму руку. Всего лучшего.

*Главный редактор изданий
Гослитмузея*

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 11–13 об.

21 марта 1946 г.

*Ивану Спиридоновичу
Абрамову.*

*Сумская обл., Шостинский
район, с. Воронеж*

Дорогой Иван Спиридонович,

двенадцатого февраля я послал Вам большое письмо, в котором писал Вам о предстоящем выпуске очередного сборника «Звеньев», о Ваших статьях, о Вашем архиве и т.д. Меня очень интересует, получили ли Вы его, так как до сих пор нет ответа на него. Прошу Вас по получении этого моего письма сообщить мне тотчас же о судьбе первого письма.

Всего Вам наилучшего.

*Главный редактор Лит. музея
Влад. Бонч-Бруевич*

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 14.

18 мая 1946 г. № 554

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Письма ваши от 24/IV и 2/V я получил почти одновременно. Рукопись Вашу о фольклорном сборнике я прочел, включил в 7-й том «Звеньев», написав к нему маленькое предисловие.

Очень сожалею, что Вы спохватываетесь, что можно было еще добавить кое-что к рукописи; надо было обдумать раньше и написать. Напишите сейчас дополнение, может быть, мне удастся вставить.

Это хорошо, что Вы укажете, какие песни не встречаются ни в каких других рукописных песенниках, ни в печатных изданиях, и вообще, всегда старайтесь статью закончить до конца. Все такие вставки нарушают строй статьи.

Радуюсь вместе с Вами прелестной весне, которая наступила и у нас, и вот уже несколько дней тепло и хорошо. Мы последнее засеваем и засаживаем в огородах и будем ждать, какое будет лето. А как вообще хороша весна и как хотелось бы когда-нибудь провести весну без всяких занятий, а просто на лоне природе, да это все не удастся и, вероятно, никогда не удастся.

Всего лучшего.

*Главный редактор изданий
Гослитмузея*

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 15.

7 июня 1946 г. № 577

Абрамову И.С.

Многоуважаемый Иван Спиридонович!

Письмо Ваше от 9 мая получил и сообщаю Вам, что у меня дело с отпуском еще не выяснилось, намечается как будто бы с 15 июня по 15 июля — один месяц и с конца августа по конец сентября — другой, но еще я сам не знаю. Лучше Вы мне напишите, когда Вы думаете быть здесь, и тогда я соображу, как с Вами повидаться, потому что очень может быть, что я буду проводить хотя бы один месяц своего отпуска близко под Москвой, у себя на даче, так что можно будет повидаться в Москве.

Над сборником, пожалуйста, работайте не покладая рук, надо это дело закончить обязательно в нынешнем году.

Я очень хорошо понимаю, что Вам действительно пора оставить учительство, ибо Вы уже весьма в немолодом возрасте. Вам надо будет хлопотать пенсию и к пенсии подрабатывать литературой. Я со своей стороны сделаю для Вас все, что могу, т.е. буду помещать в каждом номере Ваши те или другие работы, и это даст Вам некоторый заработок.

Сборник, который Вы переписываете, конечно, издадим и также оплатим, а самый сборник купим. Также, конечно, будем покупать и все остальные материалы.

Никакими другими изданиями заниматься не буду, кроме

того, что на меня возложены обязанности директора Института истории религии Академии наук, где будет большое научное издательство по всем этим вопросам, о чем Вы вскоре прочтете в общей прессе.

Меня очень заинтересовали записки сибирского художника, который провел свое детство среди декабристов, сосланных в Сибирь. Если это написано сколько-нибудь интересно, если там имеются какие-нибудь данные, то, конечно, рукопись «Мое детство среди декабристов» я с удовольствием прочту и напечатаю в «Звеньях», но только с этой рукописью мне надо серьезно познакомиться. Рукопись мне или присылайте, или привезите, чтобы не потерялась на почте, а если будете посылать, то только ценным пакетом, иначе пропадет. Также обрабатывайте весь остальной материал, который нужен для нашей науки; все это найдет свое место.

В какой счастливой стране Вы живете, что у Вас 9 мая уже все отцвело, а у нас еще и сейчас холодно, весна запоздала, и только сегодня сорвали один цветок сирени; правда, зацвели яблони, и зацвели очень хорошо, но очень боюсь, как бы холодный туман ночи и утра не побил бы их. Дождя мы очень ждем, но его все нет и нет.

Крепко жму Вашу руку.

Главный редактор изданий

Гослитмузея

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 16—17.

30 июня 1946 г. № 661

Т. Абрамову И.С.

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Письмо Ваше от 6/VI я получил. Я уже писал Вам, что в 7-й том включил Вашу одну заметку о сборнике XVIII века. Постараюсь также включить в каждый том ту статью или Вашу заметку, которые Вы в былое время мне прислали, из всего того, что может пойти.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 18.

28 июля 1946 г.

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Только сию минуту я получил Ваше письмо от 20 июля. Очень удивляюсь, что у Вас требуют пропуск при взятии билета на Ленинград. Пропуска давно все отменены, и я недавно ездил в Ленинград без всякого пропуска, но с командировкой, так же, как едут туда и другие. Но в Ленинград можно ехать, также как и в Москву, без всякого пропуска или командировки. В Ленинграде для постоянной или долгосрочной прописки требуется особое разрешение местной милиции, но прожить неделю-другую всегда разрешают без всяких хлопот. Карточек без прописки не выдают. Никто никаких пропусков в пути не спрашивает. Конечно, лучше иметь коман-

дировку. Но это в смысле прописки и карточек.

Я в настоящее время в отпуске до 16 сентября. В Москве почти совсем не бываю, так что не знаю, удастся ли повидаться. Из Москвы в Ленинград также едут без прописки, но с билетами очень трудно. Тем, кому компостируют билеты, сесть легче, так что многие уезжают в Подольск, Серпухов, Тулу и пр. и оттуда берут билет на Ленинград, только для того, чтобы скорее получить возможность уехать на Ленинград, так что Вам не стоит ехать прямо на Москву. Самое лучшее, брать билет на Ленинград, тогда в Москве более или менее легко получить место в поезде, или брать до промежуточной станции, где есть местное сообщение: Тула, Серпухов, Подольск — и отсюда на Ленинград, чтобы не стоять в бесконечных очередях в Москве. Я в деле получения билетов ничем помочь не могу. Никаких пропусков в Москве на Ленинград нигде не выдают. У нас давно установлена свободная продажа пассажирских билетов. Это хорошо, что Вы имеете вызовы на Ленинград в смысле прописки, но к получению ж.д. билета это не имеет никакого отношения, по крайней мере у нас в Москве так. Спешу сообщить Вам эти сведения для Вашей ориентировки. Будете в Москве, зайдите ко мне на квартиру, у меня там всегда есть, кроме праздников, кто-либо из секре-

тарей. Почем знать, может быть, как раз я в это время буду в Москве или около нее.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 19—19 об.

28 июля 1948 г. № 889

И.С. Абрамову.

*Сумская обл., Шостинский
р-н, с. Воронеж*

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Как только я Вам послал письмо, которое Вы, вероятно, уже получили, так я на другой день получил Ваше, которое Вы написали еще 2 июля. Очень рад был видеть Ваш почерк и думаю: значит, жив еще курилка Иван Спиридонович, по-старому работает, живет и радуется жизни.

Буду очень рад, если Вы пришлете мне рисунок сибирского художника Знаменского и все подробно опишете, при каких обстоятельствах он нарисовал этот рисунок, и опишете самый рисунок. Конечно, я его сейчас же напечатаю в «Звеньях».

Я поместил в сборнике «Звенья» №10 целый ряд Ваших статей, касающихся декабристов, так что понемножку дело движется, хотя с техникой было чрезвычайно трудно все это время, а теперь все дело налаживается.

А Вы, разбойник, совершенно забыли меня, хотели прислать Ваш песенник, который у Вас имеется, еще XVIII века, хотели прислать с него копию и ничего

этого не делаете. Это нехорошо. А вместе с тем я составляю план на 49-й, 50-й и 51-й гг. по изданию и очень хотел бы включить Ваш сборник в один из томов «Летописи», но так как его не было налицо, то я не мог этого сделать. Я буду составлять дополнительный план, и если Вы хотите, чтобы он был бы отпечатан в наших «Летописях», касающихся фольклора, то благоволите прислать рукопись, а еще лучше — подлинник, мы купим его у Вас для музея.

Смерть Л.Б. Модзалевского всех страшно поразила. Главное дело — такая нелепая смерть: шел по вагонам, был немножко под хмельком и в своем тамбуре вагона толкнул не ту ручку двери и вместо того, чтобы войти в вагон, шагнул в пространство, упал из вагона и расшибся насмерть. Вот это ужас!

Пишите мне скорей.

Всего Вам наилучшего.

*Главный редактор
Гослитмузея*

Влад. Бонч-Бруевич

P.S. А Знаменского высылайте как можно скорей.

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 21—21 об.

12 августа 1950 г.

И.С. Абрамову

Многоуважаемый Иван Спиридонович, очень рад за Вас, что Вы побывали в Ленинграде, куда Вы так стремились.

Нашли ли Вы свою библиотеку, архив и пр., или все

это за войну безвозвратно пропало?

Черкните об этом два-три слова. Мне, как старому архивисту, интересно это знать. Что именно у Вас там было, и что Вы нашли, и что пропало. Советую Вам: если Гослитмузей не пожелает теперь напечатать Ваши статьи в тех сборниках, которые они предполагают издавать, — но свежо предание, да верится с трудом! — то все статьи Ваши распорядитесь направить мне по моему адресу. Я постараюсь их где-либо пристроить в печати, а если не удастся, то предложу ГАУ (в литературный архив), они, вероятно, купят для своих фондов.

Воспоминания, конечно, пишите. Особенно важны 1902—1916 гг., как педагогические, но особенно все, что помните и знаете о революционном движении, о 9 января 1905 г. и пр., и пр., о транспорте литературы, о магазине «Учитель», о Вашем участии в издательстве «Жизнь и знание», о Вере Михайловне и о многих других, с кем Вы встречались в то время, а также и позже, после Февральской и Октябрьской революций, и все, что помните о самих революциях и их деятелях.

Напишите, что у Вас хранится из литературного материала, и я посоветую Вам, куда его определить. Это хорошо, что Вы об этом думаете, и надо с этим спешить, ибо возраст наш требует этого. Я сдал громадное литературное наследство новым

деятелям Гослитмузея, а в том числе и №12 «Звеньев», но будет ли он издаваться и в каком объеме и что останется после пересмотра, сказать не берусь.

Я ушел окончательно из редакции ГЛМ, потому что не могу кривить моей научной совестью и соглашаться с тем, что вне научного образа мыслей, и с теми поступками, которые решительно ни с чем не сообразны. Вы, зная меня, знаете, что я несгибаемый человек, и принципами, которыми я руководил всю жизнь, я никогда не поступлюсь. И я предпочел все бросить и уйти и сейчас с энтузиазмом занимаюсь многими научными исследованиями.

Вам, вероятно, будет интересно прочесть мою работу в переводе на украинский язык «Моя переписка с Ив. Франко», которая печатается в издательстве «Вітчизна» (Киев) в сборнике украинской Академии наук.

Относительно рукописи «Альбом купеческого сына», доставленной Вами в Гослитмузей и не оплаченной до сих пор, сейчас же запросите об этом директора Гослитмузея Бориса Павловича Козьмина, указав год и другие выходные данные, когда Вы эту рукопись послали. Его ответ сообщите мне. Если потребуются дальнейшие розыски, я помогу Вам в этом.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 25—25 об.

6 октября 1950 г.

И.С. Абрамову.

Сумская область, Шосткинский район, село Воронеж

Многоуважаемый Иван Спиридонович.

Печальное письмо Ваше о судьбе Вашей библиотеки и архива я получил. Конечно, в высшей степени больно и обидно, что все Ваши труды и хлопоты по собиранию очень интересной Вашей библиотеки, а главное, рукописей, писем и пр., пропали благодаря совершенной некультурности тех жильцов и домоуправления, которые оставались в Ленинграде и распоряжались Вашей библиотекой. Я лично вчуже удивляюсь только одному: каким образом Ваши родственники не могли сохранить Вашу библиотеку и почему они держали ее в пустой квартире, а не у себя дома. Но это уже дело прошлое. Одно только хочется мне сказать Вам, что Вам, как и многим другим, я много раз писал и говорил, что все подобные ценности, как рукописи, письма, редкие книги, ни в коем случае нельзя было держать у себя, а следовало передавать в архивохранилища, где все это было бы сохранено. Вы знаете, что я в Гослитмузее собрал более трех миллионов архивных единиц рукописей, писем и пр., и все это оказалось в полной сохранности. И Вам я бесконечно раз говорил, чтобы Вы все собран-

ные Вами рукописи и письма передавали в музей, тем более что все это оплачивалось. А вот Вы, как любитель собирать подобные материалы, держали все это у себя. А в результате русская литература понесла серьезнейший урон, потому что у Вас были интереснейшие рукописи и письма, которые у Вас, как и у многих других лиц, исчезли только потому, что они находились в частных руках. Вот какие выводы я могу сделать.

Крайне сожалею обо всем этом, тяжело вместе с Вами переживаю это огромное несчастье и очень хотел бы, чтобы это событие было бы хорошим примером для Вас в настоящем и будущем: не держите ничего у себя, а как можно скорее отправляйте в архивохранилище. Мы все смертны, а в том числе и Вы, и уверяю Вас, что Ваши наследники не обратят никакого внимания на то, что у Вас останется, и все пойдет в печь или по рукам. А если Вы сейчас, при жизни, правильно поступите с имеющимися у Вас архивными ценностями, то Вы, не говоря уже о том, что получите за них деньги, делаете большой вклад в русскую литературу.

Желаю Вам всего наилучшего и особенно здоровья.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Лл. 26–26 об.

18 января 1951 г.

И.С. Абрамову.

Сумская обл., Шостинский р-н,
с. Воронеж

Ваше маленькое письмо от 1 января с.г., многоуважаемый Иван Спиридонович, я получил. Очень благодарю за память и всяческие поздравления.

Буду очень рад узнать, что письмо Т.Г. Шевченко 1857 г., писанное в Новопетровском укреплении, будет где-либо напечатано. Как жаль, что Вы до сих пор хранили все это у себя, подвергая эти материалы опасности уничтожения, что у Вас и случилось, к величайшему несчастью, в Ленинграде. Я не хочу Вас ни в чем упрекать, но Вы, конечно, знаете, что чуть не 30 лет я твердил Вам о том, что решительно все такие материалы надо было передавать в рукописный отдел нашего музея. Все, что я собрал, а это со-

ставляет несколько миллионов архивных единиц, все цело и сохранено и подлежит исследованию и печати.

Вы пишете, что Ваш фонд в Литературном архиве зафиксирован под №1235. Напишите мне, связаны ли Вы с ним и передали ли туда какие-либо материалы и как они Вам их оплатили?

Что касается «Звеньев» и «Летописей», ничего отрадного Вам пока сообщить не могу, так как знаю, что они стоят на мертвой точке, а то, что выходит в свет из подготовленного мною раньше, крайне искажается и коверкается. Все остальное покрыто мраком неизвестности. Если что будет новое, тотчас же Вам сообщу.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич

Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 28.

Из жизни коллекционеров: Метрополия против колонии

Опубликованные письма говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в каком-либо комментировании. И тем не менее рассказать есть о чем.

* * *

Поиски рукописей Н. Чукмалдина, о которых писал после смерти Николая Мартиниановича П. Головачев, привели меня в Литературный музей. Там я и познакомился с заведующей сектором Евгенией Михайловной Варенцовой. Оказалось, что когда-то она писала о рисунках Михаила Знаменского. В разговорах о художнике нечаянно выплыли на переписку И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем, хранящуюся в РГАЛИ.

С фондом Абрамова мне приходилось работать и раньше, но вот времени не хватило просмотреть его весь. И вдруг... какое-то сумасшедшее количество писем...

Уже просмотрев описи с перепиской и отдав заявку на копирование, вспомнил свое ехидство в одном из материалов по поводу того, что рукопись М. Знаменского переписана рукой племянницы. Письма В.Д. Бонч-Бруевича

*Абрамов Иван Спиридонович.
Фото 1911 г. — РГАЛИ. Ф. 1235.
Оп. 1. Ед. пр. 22. Л. 1*

И.С. Абрамову позволяли думать, что копий может быть множество.

В РГАЛИ хранился список повести М. Знаменского «Мое детство среди декабристов», сделанный рукой И.С. Абрамова. Смешной выглядела и рукопись И.С. Абрамова «Михайлов в Тобольске». В описи она

была аннотирована как «статья с выписками из дневника художника Знаменского». Скорее всего, тот, кто приобретал эту рукопись в музей, не знал, что статья с аналогичным именем была опубликована в «Сибирском листке» Е. Кузнецовым. И вряд ли эта единица хранения могла представлять нечто большее, нежели вольный пересказ на тему в изложении И. Абрамова.

После прочтения переписки между государственным деятелем и коллекционером даже беглый просмотр описей заставлял задуматься: если перед нами списки, то где же оригиналы?

Уже через пару часов после приезда московского поезда в с. Воронеж удалось найти племянницу Ивана Спиридоновича Ларису Михайловну.

Она хорошо помнит то время, когда из Сибири вернулся ее дядя. Приехал жить к своим братьям Денису и Михаилу. После Тобольска Ивану Спиридоновичу запретили возвращаться в Ленинград, где жили его жена и двое детей. И только раз в году он ездил туда в месячный отпуск.

Жил в такой маленькой комнатке, отведенной ему братьями, что честнее было бы ее называть каморкой. Иван Спиридонович всегда закрывался в ней изнутри. И когда его просили выйти, он долго собирался.

Каких-нибудь больших денег за ним не водилось. Поэто-

му у мужа Нины Алексеевны Поляковой (внучатой племянницы) возник вопрос: если столько вывез из Тобольска, то деньги же должны где-то быть?

Вспомнили, как уже после смерти Ивана Спиридоновича нашли на чердаке целый мешок с деньгами, которыми потом игралась вся деревня. И, посоветовавшись, уже сейчас решили, что это были деньги, пропавшие в послевоенную реформу.

Кстати, на сегодняшний день ни односельской фотографии не осталось в доме «краеведа».

Жил Иван Спиридонович замкнуто. Дружил лишь с библиотекарем Николаем Артемовичем Андреевым. Считал его своим последователем и учеником. И когда И.С. Абрамов в 1960 г. на восемьдесят шестом году жизни умер, его родственники не возражали против того, чтобы все книги, все бумаги, хранящиеся в доме, перекочевали к Андрееву. Последний, еще не успели похоронить товарища, приехал и вывез несколько подвод с бумажным добром.

Лариса Михайловна вспоминала чудное, с золотым обрезом какое-то многотомное издание, которое сегодня «ни в жисть не отдала бы». Даже Андрееву.

Т.е. рукописей здесь уже не было. Как не было и Н. Андреева, который умер лет пять назад. В селе жила вдова По-

лина Алексеевна, в прошлом детский врач, ныне пенсионерка, перенесшая буквально за месяц до моего посещения села Воронеж инсульт.

Разговаривать с больным человеком было сложно. Но выяснить судьбу бумаг из дома И.С. Абрамова хотелось.

Она не отрицала, что к ним перекочевало все движимое имущество Ивана Спиридоновича. Но позже они, по ее версии, сняли на железной дороге контейнер и отправили все жене покойного Валентине Григорьевне в Ленинград.

К разговорам вокруг коллекции Абрамова П. Андреева относилась спокойно. Да, действительно, покойный Николай Артемович коллекцию, которую собрал за свою жизнь, отдал на хранение в один из киевских архивов. В какой — она не помнит. Почему закрыл для исследователей свой фонд на какой-то длительный период времени? Не знает. Может, потому, чтобы исследователи не смогли сравнить то, что было у И. Абрамова, и сохранилось у Н. Андреева? Она уверена, что у ее мужа ничего не осталось от Абрамова. А единственная ценная вещь, которая была, — рукопись стихотворения А. Пушкина. Ее нашел покойный муж на одном из чердаков старого дома в с. Воронеж. Об этом писали, озадаченные, все газеты: откуда взялся автограф Пушкина в селе Воронеж?

Обложка книги В. Терлецкого об И.С. Абрамове «Исследователь из Воронежа» (Сумы, 1997. 64 с.)

Хотя Полина Алексеевна может и не знать, что в Сумском областном архиве сохранилось письмо литературоведу Ю.П. Ступаку от Н. Андреева: «Ко мне недавно обратился из Ленинграда хранитель древних рукописей Пушкинского дома В.И. Малышев с просьбой выслать ему фотографии И.С. Абрамова.

Все, что хранилось у нас, согласно его просьбе мной выслано по его адресу <...> 3.05.1966 г.» (ДАСО. Р.-7443. Оп. 1. Д. 60. Л. 8).

Значит, все-таки что-то было у Андреевых. Но почему Андреев извещает о просьбе из Ленинграда в Сумы?

Вокруг кладов всегда существует какая-то суэта. Такое же броуновское движение и вокруг имени И.С. Абрамова.

Неудивительно. Не так много имен на Сумщине. Поэтому и книга о нем издана. И целый ряд статей в местной — шосткинской — районной газете помещено. В них он и ученый, и краевед, и автор бесчисленного количества работ по фольклору, по истории края и т.д.

Для меня он — злодей, вывезший все самое ценное из культурных ценностей Тобольска в столицу.

Да только ли Тобольска? Перечитайте еще раз письма. И вы убедитесь, что культура вокруг него была частью его коллекции. Другое дело, что иногда эти предметы так и не успевали перекочевать в его каморку. А те, которые успевали? Что с ними случилось?

В марте 1995 г. сумской журналист Г. Петров в газете «Панорама» опубликовал статью, посвященную 181-й годовщине со дня рождения Т.Г. Шевченко. В ней он рассказал, как шла подготовка десяти томного академического издания произведений Т.Г. Шевченко. Один из сотрудников института литературы приехал в с. Воронеж к И.С. Абрамову, у которого в коллекции было два письма Тараса Григорьевича. Хозяин каморки долго не мог вспомнить, «куда прытульв» письма. И лишь со временем на-

шел их и передал в академический институт.

За деньги? Об этом в статье не говорится.

В Сумском краеведческом музее написали целый список предметов, полученных от И. Абрамова в 1948 г. Среди них рукописные книги «Добротолюбие, или Слова из главны священного трезвления, собранные от писания святых отец содержащая в сей книзе» (XVIII в.), церковный реестр исповедавшихся и причащавшихся жителей с. Ивот Новгород-Северского уезда с 1703 по 1828 г. (1261 лист). Есть также книга на церковно-славянском языке о походе Мамая на Русь (приблизительно XV–XVI в.), книга старопечатная «Требник» (1736 г.) и мн. другое.

И предметы из его коллекции есть в Харькове, Чернигове, Петербурге, Тюмени...

Говорят, что с ним часто общался журналист Г. Петров, ныне покойный. И оставил якобы о нем немало воспоминаний. Да вот незадача, прямо инфекционная болезнь. Свой личный фонд он также закрыл. На 20 лет.

В РГАЛИ в фонде И.С. Абрамова сохранилась обшая тетрадь в клеточку, на первой странице которой написано: «Воспоминания».

Язык этого творения можно оценить по следующему тексту: «Мы ночевали в гигантском деревянном амбаре, крытом дранью.

*Мария Адамовна Марченко считает себя ученицей И.С. Абрамова. Работали какое-то время в одной школе в с. Воронеж. Как сама утверждает, любила его. И не согласна, чтобы называли его злодеем. Может, по последней причине и подарила журналу фотографию с автографом коллекционера.
И датой — 1947 г.*

Спали в пушистом свежем сене. Ребят собиралось много, человек 300. Приняли в число учеников сельскохозяйственной школы всего не более 20-ти.

Я выдержал по всем предметам на отлично, и уже раньше вывешенного списка было известно, что я принят.

Так началась новая, очень важная полоса моей жизни.

Страшно тяжелой ценой добывались в этой школе зна-

ния. Это было что-то вроде тюрьмы и монастыря». Речь идет о неплюевской школе.

Чуть позднее, в начале XX в., И. Абрамов начал работать в городском училище г. Павловска близ Петербурга. Он помнит, что там после 1904 г. безвыездно жил Скабичевский. Его навещал изредка Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк...

«Однажды племянники Анны Ивановны, — вспоминает И. Абрамов, — нашли на чердаке своей дачки какую-то тетрадку, всю исписанную одним и тем же ровным разборчивым почерком, озаглавленную «Параша». Они показали мне. Не было никакого сомнения, что перед нами лежала рукопись-автограф Тургенева известной повести в стихах «Параша» (Лл. 52—52 об.).

Ивану Спиридоновичу со временем еще раз захотелось посмотреть на рукопись, но ее больше никто не видел. «Как я жалел, что не взял ее с собой».

Но, наверное, именно с этой истории началась его страсть к коллекционированию. Но об этом — больше ни единого слова на 64-страничной рукописи.

По дневнику можно отчасти проследить за основными вехами его биографии: «Прослушав полный курс Археологического института, я получил возможность <...> совершать археологические экскурсии в разные <...> на средства Архео-

логического общества и Археологической комиссии». «В 1908 г. я взвалил на свои плечи еще новую работу, учителя-воспитателя школы Тименкова-Фролова. Это приют для детей и сирот петербургских купцов и мешан» (Л. 57). «Целых восемь лет, цветущих восемь лет моей жизни, с 1908 по 1916 г. В 1916 г. наконец-то я избавился от воспитательной работы.

Я был назначен инспектором-заведывающим Исаакиевского т.н. высшего начального училища, в котором я проработал рядовым учителем шестнадцать лет» (Лл. 60–60 об.).

По мнению бывшего фээсбэшника А. Петрушина, в Тобольск он мог попасть в административную ссылку. После убийства С.М. Кирова многие попали под такое наказание. Александр Антонович уверен,

что дела в таких случаях просто не заводили.

...В последнюю поездку в Петербург я решил навестить квартиру Абрамовых на ул. Марата, рассчитывая найти хотя бы какие-то следы его родственников, наследников...

В квартире стояла новая сейфовая дверь, окна-стеклопакеты. Въехали новые русские. Их еще никто из соседей не видел.

Да и вспомнить Абрамовых даже из жителей двора никто не смог.

Даже наметок в поиске вывезенных из Тобольска некоторых документов не было.

Остается надежда, что когда-нибудь откроются фонды, и мы... узнаем новые подробности жизни коллекционеров. И, может, кто-то попробует вернуть в колонию то, что ей принадлежало всегда...

БЕЛОВ *Станислав Леонидович* родился 25 сентября 1974 г. В 1996 г. окончил исторический факультет ТГУ, защитив дипломную работу по теме «Становление яхвистской традиции и её корреляция с движением про-роков бога Яхве». С 1995 г. — научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея. Участник и организатор ряда историко-бытовых экспедиций. Автор публикаций по истории еврейской общины, сталинских репрессий, театра, промышленности, краеведческого движения и массового сознания 1920-х гг. Постоянный автор «Лукича». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

Сюжет первый Альтишуллеры

Путь к этому материалу был удивительно долгим. Вероятно, у каждого краеведа со временем накапливается множество своего рода «попутной» информации — той, что повстречал когда-то в книгах или документах и не устоял перед соблазном зафиксировать, порой не всегда сознавая, зачем, собственно, ты это делаешь. Ремесло историка специфично, нередко приходится действовать интуитивно. К тому же в краеведении, как в деревне, — всё и вся так или иначе связано между собой, и потому любая информация может оказаться полезной.

Так и в моих рабочих архивах сформировался ряд сюжетов, которые вряд ли будут в ближайшие годы должным образом раскрыты (хотя я вполне ясно вижу, что для этого надо сделать, чего не хватает, где ис-

кать и т.д.) — слишком мало времени на архивные изыскания, да и приоритеты уже не те.

Долгое время боролся между двумя чувствами: стремлением опубликовать лишь что-то цельное, завершённое и сознанием того, что даже такая отрывочная и неполная информация может пригодиться коллегам и потому не должна лежать мёртвым грузом в заголовке.

Чаша весов качнулась в пользу последнего после очередной беседы с тёткой журнала, который, услышав сомнения относительно востребованности подобных публикаций и необходимости полного выявления и проверки информации, со свойственной ему деликат-

ностью ответил на первое: «Да всё равно это никому не нужно — у меня же всего три читателя!», а на второе: «Старик, не переживай, всё равно где-нибудь наврёшь!». Устоять перед такими аргументами было невозможно.

Значительная часть накопившегося материала так или иначе связана с историей еврейской общины края — темой интересной и совершенно неизученной. Это определило тематику и название настоящего цикла публикаций. Сегодня я предлагаю вниманию читателя первый очерк из серии «Еврейские сюжеты» — пожалуй, это наиболее адекватное название для моих маргиналий. Надеюсь, кому-то они будут полезны.

Альтшуллеры — одно из множества влиятельных тюменских семейств конца XIX — начала XX вв., о которых сегодня знают все, но в то же

*Так выглядел дом Альтшуллеров
(вид с ул. Красина. Фото 90-х гг. XX в.)...*

время не знают почти ничего. К сожалению, не могу сказать, что мне известно намного больше, нежели остальным тюменским краеведам.

Сегодня я располагаю информацией о почти десятке тюменцев, носивших эту фамилию. Среди них — представители трёх поколений рода Альтшуллеров и несколько их потенциальных родственников (возможно, однофамильцев). Свой рассказ я буду вести в хронологической последовательности. Начнём.

1. Два поколения

Израиль Леонтьевич

Что нам известно об Израиле Леонтьевиче Альтшуллере? Здесь больше вопросов, чем ответов. В точности нам неизвестно даже его отчество, в источниках встречаются самые разные варианты — Леонтьевич, Лицманович, Литманович.

Мы будем использовать наиболее распространённый, хотя, скорее всего, и самый далёкий от оригинала вариант, образовавшийся вследствие русификации еврейского имени. Вероятно, ближе всех к истине были составители актовой записи о смерти, в которой наш

герой именуется Литмановичем¹.

По косвенным данным мы можем установить примерную дату рождения Израиля Леонтьевича — 1848 г., поскольку на февраль 1928 г. ему уже исполнилось 80 лет². По состоянию на 21 марта 1894 г. он был полоцким мещанином, хотя и проживал в Тюмени³. Место его рождения нам пока неизвестно. Однако уже в 1899 г. встречается упоминание о принадлежавших Израилю Леонтьевичу магазине в Тюмени и павильонах на Ирбитской (пассаж № 14), Нижегородской, Ишимской и Курганской ярмарках⁴. В 1910 г. Альтшуллеру принадлежал магазин, в котором продавались швейные и вязальные машины⁵. В магазине велась также торговля ювелирными изделиями.

Широкую известность получил неприглядный эпизод столкновения Израиля Леонтьевича с двумя покупательницами, де-

тально описанный в анонимной заметке «Покупательницы под конвоем», помещённой в газете «Ермак» (см. приложения: Док. № 1). Из неё мы, помимо прочего, узнаём, что к тому времени («недавно») Израиль Леонтьевич открыл и собственную типографию. По данным Е.Н. Коноваловой, в типографии Альтшуллера за период до 1917 г. было издано 4 книги (Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии: Вторая половина XIX — начало XX в. Тюмень, 2002. С. 43). В заметке состояние торговых дел Альтшуллера характеризуется как «не из важных», позволявшее купцу (кстати, о принадлежности нашего героя к купеческому сословию мы также узнаём впервые) лишь перебиваться «из хлеба на воду». Сложно сказать, насколько объективна такая оценка, тому же С.И. Карнацевичу, проживавшему буквально в соседнем квартале, магазин Альтшуллера запомнился как «богатый»⁶.

¹ Здесь и далее мы опираемся на данные архива отдела ЗАГС комитета ЗАГС администрации г. Тюмени.

² ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

³ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 88.

⁴ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 г. Тюмень, 1899. Объявление в конце книги.

⁵ Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 113.

⁶ КП ТОКМ. ОФ 6835. С. 215.

...на этом месте скоро вырастет еще один дом госуниверситета

Альтшуллер жил и работал здесь же, при собственном магазине на углу улиц Спасской и Телеграфной. В этом здании по ул. Ленина, 12 позднее размещались детский сад Почтамта, а затем общежитие ТГУ. Летом 2003 г. оно было снесено, на этом месте ведётся строительство нового корпуса ТГУ.

К 1928 г. Израиль Леонтьевич был уже человеком пожилым и находился на иждивении детей. О его отношениях с новой властью судить сложно, однако, скорее всего, они были нейтральными. Ни в партию, ни в профсоюз он никогда не вступал. Репрессиям и дискриминации не подвергался, на 1928 г. пользовался избирательными правами⁷. Альтшуллер был одним из влиятельных членов еврейской общины Тюмени. В 1920-х гг. он занимал выборную должность старосты тюменской синагоги, входил в состав хозяйственного правления еврейской общины города⁸ (см. приложения: Док. №№ 3–5).

Вероятно, это влияние объясняет тот факт, что именно от Израйля Леонтьевича исходила инициатива создания в Тюмени отделения Общества по землеустройству евреев-трудящихся (ОЗЕТ)⁹. В начале 1928 г. им было получено письмо от одного из членов областного ОЗЕТ, после чего Альтшуллер собрал 16 февраля 1928 г. на своей квартире знакомых, что и стало первым организационным заседанием оргбюро ОЗЕТ¹⁰. Позднее он принимал активное участие в деятельности общества, будучи членом оргбюро¹¹ и членом правления Тюменского отделения ОЗЕТ¹².

Умер Израиль Леонтьевич (в актовой записи о смерти — Литманович) 28 марта 1931 г. в возрасте 81 года «от старческой дряхлости». На момент смерти он проживал по ул. Ленинской¹³, 4. К тому времени Израиль Леонтьевич находился на иждивении некоего С. Альтшуллера, проживавшего по ул. Каширской, 6. Вероятно, это был Сергей Альтшуллер, скон-

⁷ ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁸ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. Л. ? (к сожалению, большая часть листов в деле была не пронумерована).

⁹ ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 13. Подробнее об этом см.: Белов С.Л. Тюменское отделение Общества по землеустройству трудящихся евреев: последняя попытка аграризации еврейского населения края // Музей и общество на пороге XXI века. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1998. С. 129–132.

¹⁰ ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1–2.

¹¹ ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 8. Лл. 1–3.

¹² ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 8. Лл. 4–7.

¹³ Так в документе.

чавшийся в том же году. К сожалению, нам удалось выявить упоминание о нём лишь в алфавитной книге смертей (запись № 1241). Актовую запись о смерти обнаружить не удалось.

В одном из документов ОЗЕТ от 09.09.1928 г. сообщалось, что Израиль Леонтьевич находится «на иждивении сына-профессора»¹⁴. Эта информация подтверждается публикацией из газеты «Трудовой набат», в которой говорится о состоявшейся в здании техникума «лекции-докладе профессора Альтшуллера на интересную тему о научной организации труда»¹⁵. О ком из детей Альтшуллера идёт речь — сказать сложно.

В фонде редкой книги ТОКМ хранится книга на иврите (без обложки, сохранились С. 19–350), на страницах которой имеется четыре вида штампов, связанных с Альтшуллерами. Это: «И.Л. Альтшулер. I.L. Altschuler», «Л.Н. Альтшулер. L.N. Altschuler» (кто

Дом на углу ул. Республики и Семакова:
здесь проходили заседания ОЗЕТ

этот таинственный Л.Н.?), «Израиль Леонтьевич Альтшуллер в Тюмени» и «Магазин золотых, серебрян., бриллиантовых вещей и часов И.Л. Альтшуллер, в г. Тюмени их соб. дом». Кроме того, в единственной сохранившейся со времён И.Я. Словцова Книге поступлений Тюменского музея значатся три предмета, поступившие от «купца Альтшуллера»: «крестьянское кремневое ружьё, на сошках»¹⁶, «череп носорога с нижней челюстью, найденный близ деревни Салаирки, по речке Салаирке, впадающей в Туру»¹⁷ и «доска для набивки краски из кустарной мастерской»¹⁸. Кто был этим

¹⁴ ГАТО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

¹⁵ *Никольский*. Научная организация труда //Трудовой набат. 19 июля 1921 г. С. 2.

¹⁶ В единственной сохранившейся со времён И.Я. Словцова Книге поступлений (КП) Тюменского музея предмет обозначен под инвентарным № 3029. В «Каталоге музея при Тюменском Александровском реальном училище» (Тюмень, 1905. С. 73) он записан под № 537.

¹⁷ КП № 4160. В вышеупомянутом «Каталоге...» записан под № 416 (С. 37).

¹⁸ КП № 3030. В «Каталоге...» записан под № 538 (С. 73).

меценатом? Вопрос вновь остаётся открытым.

Двира (Двора) Соломоновна

Жена Израиля Леонтьевича, мать Леонтия, Виктора, Михаила-Мейндаля и Зинаиды Израилевичей. Фигурирует в списке домовладельцев Тюмени от 31 марта 1898 г., поскольку в её доме предполагалось разместить 5 человек нижних чинов¹⁹. Из этого же списка мы узнаём, что ей принадлежал угловой дом по адресу: ул. Спасская, 4/ул. Телеграфная, 11. В 1918 г. это здание было включено в список национализированных домовладений по Тюмени. При этом указывалась сумма чистого дохода с имущества — 294 рубля в год²⁰.

Леонтий Израилевич

Также по косвенным данным мы можем установить примерную дату рождения Леон-

тия (он же Лицман, Литман) Израилевича Альтшуллера, сына Израиля Леонтьевича, — это 1869 г. (по крайней мере, на 1 октября 1921 г. ему было 52 года)²¹. Окончил Тюменское Александровское реальное училище. В 1908 г. встречается упоминание о принадлежавшем ему часовом магазине в г. Тюмени²², в 1910 г. говорится о часовых магазинах Л.И. на Царской и Спасской улицах²³.

Как и его отец, Леонтий Израилевич проявлял живой интерес к общественным делам, в особенности связанным с жизнью еврейской общины. 13 апреля 1917 г. в «Сибирской торговой газете» появилась заметка «В еврейском обществе» следующего содержания: «Общее собрание Тюменской еврейской общины бывшее в Синагоге 1 Апреля организовало временное национальное бюро, со следующими пол-

Руины старого здания синагоги
(фото 90-х гг. XX в.)

¹⁹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 3.

²⁰ ГАТО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 22. Л. 21.

²¹ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 3—4.

²² Вольский В. Вся Сибирь (справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири). СПб., 1908. С. 516.

²³ Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 113.

номочиями: национальное объединение, общее представительство интересов тюрм. евр. общины, контроль над всеми старыми организациями с правом решающего голоса и выработка проекта организации внутренней общины. В состав его вошли: Альтерман, Л.И. Альтшуллер, Бейн, Бердичевский, Л.Х. Бранд, Звагельский, Лаковский, Ш. Оверштейн, И. Чесницкий, Ис. Шайчик, Ян. Шайчик». В 1919 г. Леонтий Израилевич баллотировался в гласные Тюменской городской думы по списку от «Союза Возрождения России»²⁴.

Обеспокоенность судьбой еврейского народа привела нашего героя в ряды сионистов, достаточно популярных среди русского еврейства в первой четверти XX в. Об этом увлечении мы узнаём из сводок Тюменского отделения ОГПУ, которое имело двух постоянных осведомителей в еврейской общине города, уделяя особенно пристальное внимание деятельности тюменских сионистов. По сведениям ОГПУ, Леонтий Израилевич вступил в организацию в 1917 г. Определить его положение и влияние в партии осведомителям не удалось, известно лишь, что, не будучи активистом, он в то же время пользовался определённой популярностью среди сионистов города. По

*Синагога до реконструкции
(фото 90-х гг. XX в.)*

имевшимся у них данным, Альтшуллер примыкал к правому крылу сионистского движения. В 1921 г., по сведениям ОГПУ, он принял участие в организации еврейского вечера, на котором выступил с речью.

Впервые мы встречаем фамилию Альтшуллера в списке, составленном по заданию ОГПУ от 4.8.21 г. и подшитом к делу тюменских сионистов, с примечанием «анк. уст.»²⁵. Фигурирует она и в списке тюменских сионистов, взятых на учёт к 1 октября 1921 г.²⁶,

²⁴ Цит. по: ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 18–19.

²⁵ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. Л. ?

²⁶ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 3–4.

в списке на май 1923 г.²⁷, на сентябрь 1923 г.²⁸, на октябрь 1923 г.²⁹. В документах ОГПУ сохранилось описание внешности «объекта наблюдения»: роста среднего, телосложения среднего, лицо круглое, чистое, волосы тёмно-рыжие, бороду и усы бреет, глаза карие, нос прямой, тип интеллигентный³⁰.

Нет сведений о том, чтобы это увлечение навлекло на Леонтия Израилевича какие-либо неприятности, но в 1924 г. он не имел судимости. В 1921–23 гг. он работал контролёром Рабкрина, на декабрь 1924 г. — в Окрсельсоюзе. Имеется также информация о двух адресах, по которым в разное время проживал Израиль Леонтьевич: ул. Войновская, 38 (май 1923 г.), ул. Каширская, 10 (октябрь 1923 г., декабрь 1924 г.).

В фондах ТОКМ хранится медная печать с надписью: «Леонтий Израилевич Альтшуллер» (КП ОФ 6263/4). Поступила она 29 мая 1983 г. через Фролова О.В. от Марковой Г.И., про-

живавшей по адресу ул. Каширская, 8, то есть по соседству с Альтшуллерами.

Умер Леонтий (в актовой записи о смерти № 3178 — Литман, в алфавитной книге смертей — Лицман) Израилевич 4 ноября 1942 г. в возрасте 74 лет в городской больнице от правостороннего крупозного воспаления лёгких. Заявление о смерти было сделано некой Злобиной, вероятно, врачом больницы.

Михаил-Мейндаль Израилевич

Этот представитель рода Альтшуллеров родился в Тюмени 21 марта 1894 г., а имя своё получил 11 мая того же года. Родителями его были Двора Соломоновна и Израиль Леонтьевич³¹. Возможно, именно его перу принадлежит книга, один из экземпляров которой хранится в Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева: *Альтшуллер М.И.* Земство в Сибири. Томск, Типо-Литография Сибирского Т-ва печатного дела, 1916. 404 с. с приложениями. Об ав-

Оттиск печати И.Л. Альтшуллера на одной из книг (ТОКМ)

²⁷ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 66–67.

²⁸ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 18–19.

²⁹ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Л. ?

³⁰ ГАПООТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Лл. 18–19.

³¹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 88.

торе в книге сообщается немного: это студент Томского университета, само сочинение удостоено золотой медали юридического факультета Императорского Томского Университета. Предисловие составлено деканом факультета профессором П.И. Лященко.

Зинаида Израилевна

Дочь Израиля Леонтьевича и Дворы Соломоновны. Трудно сказать, было ли это русское имя дано ей при рождении либо это результат поздних изменений, возможно, не отразившихся в документах. Слишком уже велик контраст с именами Леонтия (Лицмана, Литмана) и Михаила-Мейндаля, — судя по всему, в семье Альтшуллеров придерживались весьма традиционных взглядов и не были склонны к русификации. Сказанное в полной мере относится и к Виктору Израилевичу.

Виктор Израилевич

Сын Израиля Леонтьевича и Дворы Соломоновны. Виктор окончил Харьковский технологический институт по специальности инженер-технолог и обосновался в Петрограде. В декабре 1922 г. у него гостил Станислав Иосифович Карнацевич, передавший семье Виктора Израилевича сливочное масло, посланное с ним Зинаидой Израилев-

*Оттиск печати И.Л. Альтшуллера
на одной из книг (ТОКМ)*

ной для меновой торговли. Виктор Израилевич был женат, работал в те годы в «Петроторге» и был, по воспоминаниям Карнацевича, «очень добрый в душе человек и очень наивный — тип такого чеховского интеллигента, мало приспособленного к жизни». Супруги Альтшуллеры проживали в то время в 4-комнатной квартире по адресу: ул. 7-я Рождественская, д. 25. По сведениям Станислава Иосифовича, Альтшуллер и его жена погибли от голода во время блокады Ленинграда (см. приложение: Док. № 2).

Моисей Израилевич

Возможно, ещё один сын Израиля Леонтьевича. В изданиях 1899 и 1910 гг. встречается информация, согласно которой он занимал должность горного техника при Иртышском участке (от д. Новой до г. Тобольска) Томского округа путей сообщения³².

³² Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 г. Тюмень, 1899. С. 89; Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 131 (в последнем источнике, вероятно, допущена опечатка, следует читать М.И., а не Л.И.).

Оттиск печати И.Л. Альтшуллера на одной из книг (ТОКМ)

В воспоминаниях С.И. Карнацевича содержится также упоминание о некоей Марии Альт-

шуллер, которая на октябрь 1905 г. училась в ТАРУ³³. Возможно, это ещё одна дочь Израила Леонтьевича?

В «Хронике», опубликованной в газете «Сибирский голос» в январе 1907 г., сообщается также, что в состав тюменской избирательной комиссии по выборам в Государственную Думу входил некий «г. Альтшуллер»³⁴. Вероятнее всего, речь идёт об Израиле Леонтьевиче либо о его сыне Леонтии Израилевиче. Впрочем, это также всего лишь предположения.

2. Возможно, родственники

Альтшуллер Бася³⁵ **Натановна** (1881?–1943). Умерла 21 января 1943 г. в возрасте 62 лет от декомпенсации сердечной деятельности. Накануне смерти находилась на пенсии и проживала в г. Тюмени по ул. Красина, 16. Смерть зафиксирована Шифрой Альтшуллер, проживавшей по тому же адресу (*актовая запись о смерти № 187*).

Альтшуллер Евгения Натановна (1895?–1943) — по всей вероятности, сестра Баси Натановны. Умерла 3 февраля 1943 г. от атеросклероза в возрасте 48 лет. Накануне смерти работала регистратором в санпропускни-

ке и проживала по тому же адресу — ул. Красина, 16. Смерть зафиксирована всё той же Шифрой Альтшуллер (*актовая запись о смерти № 337*).

Альтшуллер Шифра (?–?) — о ней известно лишь то, что в 1940-х гг. она проживала в г. Тюмени по ул. Красина, 16 и зафиксировала смерть двух вышеназванных сестёр.

Альтшуллер Пейсах (?–?) — член еврейской религиозной общины г. Тюмени, в 1920-е гг. был сторожем синагоги. Проживал по ул. Б. Разъезжая, 30. Происходил из мещанского сословия. Характеризовался как безымушественный³⁶. В нояб-

³³ КП ТОКМ. ОФ 6835. С. 68.

³⁴ Хроника // Сибирский голос. 23 января 1907 г. С. 3.

³⁵ В актовой записи о смерти фигурирует именно это имя, хотя в алфавитной книге смертей указано другое, возможно, более полное — Бася-Роза (Книга 2. Запись № 188).

³⁶ ГАПООО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. Л. ?

ре 1923 г. им был получен денежный перевод из «Паблик Национал Банк» в Нью-Йорке в размере 20 американских долларов³⁷. О чём говорит последний факт: Альтшуллеры имели родственников в США?

№ 1

Покупательницы под конвоем
(Сценка с натуры)

Есть в Тюмени купец Израиль Литманович Альтшуллер. Давно он торгует в Тюмени. Старожил. В его магазине вы встретите золото, серебро, часы, машины, граммофоны, пластинки, пианино и... замечательное «обращение» с покупательницами. Торговля была не из важных, из хлеба на воду, и недавно, для увеличения своих оборотов, г. Альтшуллер открыл ещё типографию. Но не в типографии дело.

18 июня в магазин г. Альтшуллера заявляются две приезжие барышни г-жи В. Понадобилась им вязальная машина. А эти машины, как уверил г. Альтшуллер покупательниц, продаются им дешево, по своей цене. Смотрели покупательницы машины (в которых они ничего не понимали), слушали уверения торговца о их прочности, замечательной производительности. Приценились барышни к одной машинке.

Либо Пейсах просто был очень беден и получал помощь от благотворительных еврейских организаций? Снова вопросы.

Вот, пожалуй, и всё — больше мне добавить нечего. По крайней мере, пока.

Приложения

— Сколько стоит?

— 150 руб.

Эта цена показалась дороговатой. Их знакомая купила такую же машину за 85 руб. Хотели они было из магазина уйти. Но не тут-то было.

— Вы что же, барышни, так уходите, не купивши?

— Да у нас денег ещё нет. Мы пришли прицениться. А сейчас идём на почту за деньгами.

— Зачем вам о деньгах беспокоиться, наш мальчик сходит на почту. Дайте ему доверенность, мы подпись засвидетельствуем, а вы посидите у нас.

Барышни имели неосторожность показать повестку почто-

Оттиск печати Л.Н. Альтшуллера (?)
на одной из книг (ТОКМ)

³⁷ ГАТО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

вой конторы на 150 руб. Покупательницы поблагодарили за любезность и пожелали лично получить деньги. Но, оказавшись из-под опеки г. Альтшуллера. Он под каким-то предлогом отправил с покупательницами своего служащего, которому строго-настроено приказал привести с почты барышень с деньгами в магазин.

Идут покупательницы на почту. Слуга магазина с ними. Вошли в здание почтамта. Приказчик не отстаёт. Чиновник, заведывающий переводами, оказался старым знакомым барышень. Те рассказывают, как они пришли на почту под конвоем.

— Смотрели у Альтшуллера вязальную машину, и вот он заставляет нас эту машину купить за 150 рублей.

Чиновник посоветовал им сходить в другой магазин и между прочим сообщил, что вязальную машину его знакомый покупал за 85 р. Слуга г. Альтшуллера вмешивается в разговор и делает выговор чиновнику, что не его дело обсуждать чужие дела. Случайно на почте находился заведывающий продовольственным делом г. Б., который возмутился нахальством торговца. По просьбе барышень слуга г. Альтшуллера из почты был удалён.

Но приключения покупательниц ещё не окончились. Вскоре после ухода приказчика прибегает на почту сын

г. Альтшуллера и повышенным тоном говорит, что раз они были в магазине, отняли время, смотрели машину, а потому обязаны купить эту машину. Одна из барышень заплакала. Сын Альтшуллера не отстаёт и требует, чтобы они шли в магазин. Присутствовавший при этой сценке г. Б. вступает за бедных покупательниц. Но ничего не действует. Только после распоряжения послать за полицией молодой Альтшуллер стушевался.

Идти домой барышни бояться. Как бы их не подкараулили и силой не завлекли в магазин. Переждали они часок-другой на почте, и их проводили по другому ходу, из двора.

Ермак. 1912. 23 июня. С. 20.

№ 2

Из воспоминаний С.И. Карнацевича

[*Станислав Иосифович вспоминает о своей поездке в Петроград в декабре 1922 г.*]

Остановился я не в общезжитии, а на частной квартире у нашего тюменца Виктора Израилевича Альтшуллера, инженера-технолога, окончившего в своё время Харьковский технологический институт. Его отец имел в Тюмени богатый магазин в своём доме, где жил. Этот магазин был в деревянном доме, одноэтажном (угол Ленина и Красина), где потом помещался почтовый детский садик. В магазине его продава-

лись золотые вещи, машины, велосипеды.

Так вот, Зинаида Израилевна (сестра инженера) попросила меня увезти масло сливочное, купленное в Тюмени на базаре, на меновую торговлю своему брату в Ленинград и дала мне его адрес: 7-я Рождественская ул., дом 25, кв. Альтшуллер. Когда я привёз масло, то хозяева квартиры всего муж и жена занимали целых четыре комнаты. Они упростили меня остаться у них и жить в одной из комнат и даже согласились меня кормить обедом. Я приехал ещё в солдатской шинели, в папахе, а в городе были нападения на квартиры, и лишней мужчина в доме, конечно, не помешает. Кроме того, я помогал Виктору Израилевичу в колке дров. Он даже спросил меня, как и где я научился этому делу. Таскал дрова из подвала на 3-й этаж. Ночами я всегда был дома /.../

Хозяева мои тоже были большие домоседы. Оба они работали. Виктор Израилевич работал в Петроторге и получал 700.000.000 рубл., а его жена бухгалтером во вновь открытом частном предприятии, начинался уже НЭП, «Канцбумтрест», которое помещалось где-то на Литейном проспекте, и получала зарплату в сумме 1 миллиард 600.000.000 рублей. Виктор Израилевич был очень добрый в душе человек и очень наивный — тип такого чехов-

ского интеллигента, мало приспособленного к жизни. Оба они, говорят, потом погибли от голода во время блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны. (Я помню такой случай. На службе ему выдали 1 пуд муки, и он снёс их в одну из вновь открывшихся частных булочных для того, чтобы ему напекли из неё хлеб... [Следующую фразу прочитать не удалось]).

г. Тюмень 1976 г.

КП ТОКМ. ОФ 6835. Рукопись.
Подлинник. С. 215–218.

№ 3

Опись имущества синагоги от 4 апреля 1922 г.

1. Книг разных Ковров 1912 г.	32 шт.
Персидских бол.	1 шт.
сред.	1
мал.	1
	3 шт.
2. Сидурим	18
3. Хумет	17
4. Тилим	10
5. Минарэ Шабес	12
6. Хаэ Адеиг	7
7. Шлихез	21
8. Махзер	58
9. Войкро	1
Полотенцев холщовых	
простых	4 шт.
10. Ахдоме	1
11. Мелиерес Амнэ	1
Скатертей	
Две парчевых	
на подкладках	3
одна подерж.	
Две простыня худыя	
12. Швот мусер	3
13. Лейве салфойвес	1
14. Мишнаэс	3

15. Медрес Робэ	2	Люстр стенных 55 свеч	11 шт.
Хупэ		Часы стенные круглые	1
1 парчевая, сохраненная		Рам разных разм.	21
16. Эйин янкев	3	Диванов деревян. мужс.	12 рядов
17. Кинес	25	Диванов деревян. женс.	7
18. Хумеэс	6	2 сломанных	
19. Смирке	—	Кресел раввинных дерев.	2
Чехлов		Столов простых	2
20. Тикм Софрил	1	Сейфетер	1
Украден осенью 1921 г. {		круглых	1
21. Эйц Хами	1	Стульев слом.	3
Ментелех		Шкафов	3
белых атласных {	6	Вешалок	4
	224 шт.	Умывальников простых	2
На сертифере бархатных	8	мраморн.	1
Вышиве позументами		Рукомойников	1
всех держав знаков белых		Плевательниц	1
шелковых на подкл.	10 шт.	Щеток половых издерж.	1
Парейхэз (занавес)		Орейн Кейдеш (алтарь)	1
серебряная	1	окрашенный в голубую	
серебр. на желтом барх.	1	краску с золотом под	
бордов.	1	кровкой по дереву	
барх. шит. позумен.		При нем подсвечник	
желтым и белым с		медный	
гербом Раввина убрана		весом приблизительно	
простыми камнями	1	1 пуд. 20 фунт.	1
Кубиков серебряных		Сундуков простых	2
весу около 2 фунтов	1	Зеркало среднее	1
Для моления		Абажуров для элект. ламп	3
с колокольчиками.		два железных,	
Малый без колокольцев		1 фарфоровый	
весу 3/8 фунт.	1	Скамеек деревянных	
Табакерка серебряная		простых	4
весу 1/4 фунт.	1	Электрических лампочек	10
Кубок медный под серебром		110 свеч.	
весу 3/8 фунт.	1		
Дарохранильница		<i>Опись производил 4 апреля</i>	
серебряная весу 1/2 фунт.	1	<i>1922 года</i>	
Роговой сейфер (рог)	1	<i>Член Губернской Комиссии по</i>	
Шторок кисейных	3	<i>учету ценностей в культах</i>	
Меничеле (рукопись)	1	<i>А. Евдокимов.</i>	
Ручек серебряных		<i>Староста синагоги.</i>	
весу около 1/4 фунт.	1	<i>Присутствуют уполномо-</i>	
Подсвечников		<i>ченные: Глушков и Козлов.</i>	
мельхиоровых	2		
медных стенных	11	<i>Верно:</i>	
Люстра медная 126 свеч		<i>Член Губкомиссии по Учету</i>	
больших 1		<i>Ценностей [неразборчиво]</i>	
18		<i>ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298.</i>	
средних 1		<i>Лл. 38-38 об. Машинопись.</i>	
		<i>Подлинник.</i>	

№ 4

**Протокол изъятия Тюменской
Губернской Правительственной
Комиссией ценностей
из синагоги г. Тюмени
от 30 апреля 1922 г.**

г. Тюмень 30 апреля 1922 г.

Членов Тюменской Губернской Правительственной Комиссии по изъятию ценностей тов. Ерахтина, Королева, тов. Истомина в том, что сего 30 апреля 1922 года ими в присутствии настоятеля [зачеркнуто] старосты церкви [зачеркнуто] синагоги Гр-на Альтшулера в сане _____, Председателя Церковного Совета Гр-на гор. Тюмени _____, членов Церковного Совета гр-н гор. Тюмени, представителей от групп верующих гр-н гор. Тюмени: Гольберг, Судельницкий, Крайчик, Альтшулер, Брандт, Казначей Мейлах, присутствии представителей от Г.П.У. Корева на основании постановления В.Ц.П.К. 30 сего апреля приступили к фактическому изъятию из упомянутой церкви [зачеркнуто] синагоги. Членами Губернской Правительственной Комиссии предъявлены мандаты за №№ 1600 после пояснения цели изъятия ценностей из церквей всех культов, а равно разъяснив что побудило Сов. Власть нарушить свой прежний договор с верующими приступлено к делу

ПРИЧЕМ ИЗЪЯТО СЛЕДУЮЩЕЕ:

- 1) серебр. кубок 84 пр. с эмалью 193
- 2) серебр. рюмка филигран. раб. 133
- 3) то же рука для Торы 1/2 ф
- 4) то же табакерка 203
- 5) корона серебр. с двумя ручками эмал., вес прибл. 3 1/2 ф.

Большее ценностей никаких не оказалось и по словам старейшины Изр. Альтшулера больше ценностей не имеется, все перечисленные серебр. предметы обещаются в 2-х недельный срок заменить равноценным по весу металлом, данные предметы просят отложить для замены.

Председ. комисс.: Д. Ерахтин

*члены: Я. Королев, Истомин,
представитель ГПУ И. Корев*

староста синагоги

И. Альтшулер,

*Гольберг, Судельницкий,
Крайчик, Казначей Мейлах,*

Брандт.

ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298.

Лл. 37-37 об. Рукопись.

Подлинник.

№ 5

**Квитанция
Тюменского губфинотдела
№ 29 от 3 мая 1922 г.**

г. Тюмень 3 мая 1922 г.

Ст. прихода № 79

Принято от Комиссии поголода по изъятию ценностей из Еврейской синагоги

что разных серебряных вещей весом 4 1/2 фунт.

И зачислены на счет переход. ценностей.

Всего на сумму

Контролер [неразборчиво]

Кассир [неразборчиво]

Бухгалтер Романова

ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298.

Л. 35. Рукопись. Подлинник.

№ 6

**Заявление старосты синагоги
г. Тюмени И. Альтшуллера
на имя Тюменского губвоенко-
ма от 10 мая 1922 г.**

г. Тюмень 10 мая 1922 г.

Прошу заменить нам изъя-
тые

.....[так в докумен-
те] сего:

серебряная корона 351 1/2
зол., стопка эмал. сер. 21 3/4 з.,
руки серебр 33 1/2 зол. годаш
филиграб. 13 1/2 зол. табакер-
ка серебр. 19 1/2 зол.

Податель И. Альтшуллер

10/V.22 года

г. Тюмень

Помета: разрешена замена
(№ 010/5). 10/V.

ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298.

Л. 36. Рукопись. Подлинник.

Последний «Лукич» как «Последний герой»

Мне это иногда напоминает игру. Почти телевизионную. В такие времена я чувствую себя в той самой комнате-клетке, на которую приходят позвонить. Получится не получится... А кому приз — это уже не важно.

Приходит Сергей Пархимович, берет холявный экземпляр «Лукича»¹ и после кокетливого: «Балуешь» добавляет: «Сам нас породил...».

И автор этих строк в тон гостю отвечал: «Сам породил, сам и выпущу из журнала кровь. Представляешь, как тот забьется в конвульсиях?»

* * *

И то самое близкое окружение, те самые два-три человека, которые все-таки читали журнал, иногда спрашивают: «Тебе не жалко, мы все-таки привыкли к нему...»

Наверное, и обида во мне говорит, что, конечно, не красит автора этих строк... Но мне казалось, что мы, все авторы журнала, хотя бы немного единомышленники.

И вдруг приходит Способнейший из авторов и говорит, что хочет выяснить отношения.

— Уйти хочешь в другое издание? — переспрашиваю. (Просто помню, когда этого, самого способного, сманивали. И я сурово убеждал его, что мы же ему платим. А он кривил губы, дулся, что его оскорбляют: «Не из-за денег же я всем этим занимаюсь!»).

— Я об этом пока не думал, — прозвучало в ответ.

¹ Для Сереги ничего не жалко. Тем более товар, который все равно никто не покупает. Раньше на городском комитете культуры сидел некий Аракчеев в юбке и говорил: «Поддержать журнал? Конечно. Мы обязательно подпишемся на один экземпляр». И даже такое дешевое по цене слово не сдерживал. Потом юбка с горизонта исчезла, и тридцать с чем-то городских библиотек начали покупать целых восемнадцать экземпляров журнала, в котором говорится в основном о прошлом города. В журнале, издающемся на частные деньги... А в 2003 г. всем библиотекам города вполне хватило пары экземпляров. Ханты-Мансийск в любую административную погоду покупает три, Н.-Вартовск — пять, Сургут... Значит, в самом деле журнал печатает не то, чего желает читать народ в Тюмени...

— Почему же? — возражаю.
— Теперь ты интересен москвичам. Тебе сам Крапивин дает задания, — не могу остановить эмоции. — Ты вырос. И тебе замуж пора. Ты понимаешь, это нормально. Ребенок вырастает в семье, которую рано или поздно приходится покидать. Пойми, твой уход я уже пережил...

— Я хочу, чтобы мне платили!

Что ж, серьезный повод для замужества. Вспоминаю не одну полку книг нашего издательства в его квартире. Это отнюдь не холява. Это признак любви к человеку, с которым делаем общее дело.

— Сколько, например, за то, что напечатано в последнем номере? — спрашиваю.

— Тысячи четыре...

— За публикацию или...

Просто материал идет с продолжением, в двух номерах...

Дальше начинаем выяснять, кто кому сколько должен. Мелочно, противно. Кто кому помогал в написании материалов. И еще о книксенах — были сделаны они в знак благодарности за помощь или нет. В ход идет предложение посмотреть расчетные документы: бесплатно трудился на nive края или нет...

Пытаюсь еще раз спасти автора. Уход его из журнала — гибель для последнего. Кажется, находим компромисс.

Но когда Способнейший в очередной раз пытается расска-

зать, мол, в архиве обнаружил нечто такое о Н. Лухмановой, что перевернет все наши представления о ее жизни... Но обнарудует известные лишь ему факты... Цена названа...

Говорю себе резко: «Журнал для душевнобольных — это слишком».

Слово произнесено. И когда Способнейший к добыче фактов пытается в очередной раз пополнить свою полку в счет будущих взаиморасчетов, будучи уже должником журнала, говорю себе: «Хватит! Журнал превращается для издателя в иго!».

И вспоминаю при этом своего старого приятеля В. Строгальщикова, однажды понявшего, что его личный водитель скоро начнет его строить. И тогда Виктор Леонидович решил продать легковой автомобиль...

Виктор — хороший человек, но руководитель... В отношении последней реалии мы в чем-то похожи...

* * *

Вышла книга «Поставиша град Тюмень...». Валера Чупин, еще одна любовь моя (*читай* — журнала), сказал: «Все ошибки Коноваловой, плюс ошибки Копылова, плюс все наши ошибки — ничто по сравнению с тем, что допустили составители этой книги».

Пытаюсь найти рецензента. Бесплатно. Способнейший к добыче фактов, взявший аванс,

вернул его со словами: «Жалко тратить время».

Но в журнале был еще и Талантливейший автор, автор, знающий, что делать с теми фактами, которые находил Способнейший. И вот этот Талантливейший был человеком бедным и тоже аванс взял (если борзыми, то можно). А потом пришел и открыл свою душу:

— Ну, напишу я рецензию. В следующем издании авторы все исправят. И ничего нам не заплатят...

Даже не разозлился, а констатировал:

— Несчастные вы со Способнейшим добывать факты люди. Мне вас обоих жаль...

«Лукич», обещавший в предыдущем номере напечатать обзывалку на Галкиных, не сдержал своего слова.

* * *

Мне хотелось спросить об них, что они будут делать со своим знанием? Так и унесут с собой в могилу? Такого человека я уже встречал на своем пути. Рафаэль регулярно мне сообщает, что в его архиве есть нечто такое... «Но пусть об этом узнают те, — торжествуя говорит мой вечный оппонент, — кто будет когда-нибудь разбирать мой архив...».

Звучит примерно так. Умер человек. Приходят на похороны, а там сюрприз. Стихи поэта Кунгурцева, например. Сели, почитали, прослезились, что при жизни владельца тет-

радки со стихами не порадовались вместе... Тут уж точно не до киселей...

Впору вместо рассказа о том, что знаешь и имеешь, сразу приглашать к себе на поминки. Там уж точно интереснее будет...

Думаю, что молчащие сегодня доживут до того времени, когда все окружающие будут знать псевдофакты из галкиных, коноваловых, копыловых, лукичей... И пусть тогда попробуют Способнейший добывать факты и Талантливейший убедить окружение, что знают историю края лучше той, которая изложена во многих книжках.

Ведь такое уже было. Хотите, вспомним. Почти сегодняшний день...

* * *

С Еленой Ивановной Дергачевой-Скоп мы знакомы шапочно. Да по-другому и быть не может. Когда-то аспирант Лихачева, нынче — основательный исследователь древнерусской литературы. Иногда мы останавливаемся друг у друга переночевать на ночь-другую. Перекинуться парой ничего не значащих фраз о нашей деятельности. Она иногда наезжает на книги издательства, комментарии к которым написаны не классными специалистами со стороны, а местными, растушими, молодыми. Понимаю, что она не прочь поучаствовать. Скорее, дело даже не в деньгах,

а в здоровой зависти. Что ее знаниям, опыту написания комментариев в издательстве предпочитают тех, у которых ни того, ни другого за душой нет.

Вот и в этот раз Елена Ивановна проехала по изданию Евгения Кузнецова «Сибирский летописец». Мол, эклектичен уж слишком был покойный.

Лезу в бутылку. Ибо нечто подобное было сказано и о нашем трехтомнике А. Сулоцкого. Собеседнику не устраивало просто возвращение текста. Хотя именно такую задачу ставит в повседневности издательство. Спрашиваю вызывающе:

— Вы считаете, что Кузнецова не надо было переиздавать?

— Почему же, — слышу убедительный голос собеседницы. — Надо, хотя бы для того, чтобы прекратить софроновское бесстыдство.

Такая оценка деятельности издательства просто лестна его руководителю: прожить жизнь, чтобы не позволять заниматься воровством у мертвых некоему Софронову. Хотя в такой оценке есть доля правды.

Во втором выпуске сборника «Тобольский хронограф» его составитель В. Софронов поместил «Воздушные страхи Тобольска в старину». Все бы ничего, да только предисловие к этой публикации написал более 100 лет назад и напечатал в «Тобольских губернских ведомостях» Евгений Кузнецов.

В софроновском варианте появилось все то же. Только подпись «Е.К.» после предисловия исчезла. Да ошибки в перепечатке документов допущены. И появился новый автор, тоболяк В. Софронов.

Такой подвиг для героя, которого нужно знать по фамилии обязательно, не редкость.

После выхода в свет «Сибирского летописца» Е. Кузнецова можно было обнаружить еще один плагиат в том же «Тобольском хронографе».

Софроновские «Дела давно минувших дней» — это кузнецовские «Бытовые черты тоболяков XVIII столетия». Правда, слегка перелицованные. И, может, даже иногда пересказанные своими словами. Софроновское ноу-хау: придумать свои заголовки да поменять местами былички.

Нехорошо воровать у живых. Но у мертвых? Их-то кто защитит? Кто защитит историю от посягательства на нее своей вольной подтасовкой дат и фактов? Это ведь клевета и надругательство над прошлым...

Новый гуманитарный вывих случился у В. Софронова. Он один из авторов-составителей «Тобольского биографического словаря». Не ставлю в вину ни составителю, ни научному консультанту А. Коневу того, что *ошибков* многовато в сборнике. Наверное, корректоры виноваты, что Сулоцкого не единож-

ды обзывают Петром Андреевичем, что похоронили после 1886 г. К. Голодникова (последний уступил место редактора неофициальной части «ТГВ» Е. Кузнецову в начале 90-х гг. — факт известный). Мало смутило даже то, что во всех персоналиях служителей церкви нет ссылок на Н. Абрамова и А. Сулоцкого. В. Софронов как-то нечаянно написал книгу «Свечеч земли Сибирской». И вот этот первоисточник теперь светится во всех статьях. Удивляет пунктуация. После фамилии автора надо ставить не точку, мне кажется, а тире. Вот так: «Софронов В.Ю. — Свечеч Земли Сибирской». Обязательно все слова с Большой Буквы... И даже трехтомный *словарик* можно так назвать.

Ибо, когда в статье И. Белича начинаешь узнавать свои абзацы о Е. Кузнецове, перерданные нахально из «Литературных фантомов», узнаешь творческий метод воришки у мертвых.

Звоню В.К. Белобородову, этакому выдающемуся явлению нашей эпохи (может, не до конца понятому и признанному), узнаю, давал ли разрешение В. Софронову на перепечатку из «Ученых и краеведов Югры»? Оказывается, согласие давал, но не больше чем на три-четыре написанные им биографии...

Валерий Константинович может не объяснять. Ибо то, что появилось в «Биографи-

ческом словаре» о М.П. Плотникове, никогда бы не позволил напечатать известный краевед. После публикации статьи об авторе «Янгал-маа» в «Ученых и краеведах Югры» прошло мало времени, но наши знания о Плотникове изменились кардинально. Уже уточнено не только его отчество, но место и год рождения, дата смерти. И уж подписывать статью своим именем В. Белобородов не посмел бы. У книги «Ученые и краеведы Югры» два автора. И Валерий Константинович очень трепетно относится к своей спутнице по библиографической жизни Татьяне Владимировне. И не позволил бы возвышаться над ней в каком-то задрипанном биографическом словаре, напоминающем скорее всего солянку из придорожного кафе, в котором повара не видят разницы между ней и рассольником, напихав в последний экзотических оливок. Экзотика В. Белобородова в том, что он позволяет другим воровать у себя. Знает, что на войну уйдет больше времени и энергии, таких нужных для реконструкции прошлого...

О чудесах тоболяка, уже знаменитого при жизни, знают все. Но молчат. Наверное, также бояться, что в очередном издании В. Софронов исправит все ошибки предыдущей книги. У такого культуролога учатся студенты. Чему?

Не уверен, что можно найти того ортопеда, который сможет вправить В. Софронову его гуманитарные вывихи. Хотя предпринять попытку хочется. И знакомый врач для таких целей у меня есть.

Имя его — Прокурор. Который должен стоять на страже Закона об авторских и смежных правах!

* * *

Участь журнала решена. Автор этих строк понимает свою вину: не удержал на плаву журнал при таком количестве и качестве авторов. В свое оправдание можно сказать лишь одно: каждые шесть-семь лет в организме меняется кровь.

И при этом вспоминаю настырное интервью Анатолия Омельчука: «Как Вы думаете, сколько будет жить «Лукич»?»

И уверенно-смелый ответ:

— Ровно столько, сколько отведено самому Лукичу.

Совсем не боюсь, что тогда сказал: «Кар-р-р...».

Но «Лебединая песнь» в журнале — не эхо того самого «Кар-р-р». Просто у этого автора, материалами которого жил журнал и его читатели, последний материал в «Лукиче». В этом «Лукиче». Думаю, что свою горсть земли этот автор бросил в еще не вырытую могилу...

* * *

Еще один автор приносит публикацию под рубрику «Сообщения». Он хорошо знает,

что перепечатку в «Лукич» не поставят. Как и то, что в журнале против того, чтобы авторы материалы из него печатали еще в разных местах.

«Лукич» не приносит прибыли и должен быть интересен хотя бы тем, что тот или другой материал можно прочесть только здесь.

Но автор сообщения ожидает корректуру, просит распечатку и сообщает, что этот материал ожидают москвичи.

Как в песне: «Мальчик хочет...». Еще один мальчик хочет в Москву...

Нормальное здоровое желание. Разве кто возражает. Но надо определиться: куда? Двигаться можно только в одном направлении...

* * *

Звездный час журнала, даже при его трех-пяти читателях, завершился. Все было по-настоящему, как в «Последнем герое». И чем ближе был финал, тем сильнее была иллюзия, что выжить удастся.

И тот самый Аракчеев в юбке предлагал спасение. Он жаждал купить журнал для своего ведомства. Вместе с коллективом. В намерениях было даже пушкинское: «И была бы ты у меня на посылках».

Что двигало человеком, желающим купить журнал? При этом он клялся, что вмешиваться в политику журнала не станет. Разве что формат захочет поменять.

* * *

Что удержало от шага «продаться»? Тем более что, занимаясь прошлым, можно продать только ему...

Пожалуй, опыт.

Помню, издавали книгу В. Фарносовой «Березово». Бездарную по содержанию. Правда, при всех регалиях: при книжке — портреты всех живущих ныне губернаторов территории. И не только их.

Помню сильно перевранный абзац, который авторесса пыталась всучить покойному Завалишину. Пришлось найти первоисточник, ксерокопировать нужные страницы, отправить заказчику книги.

Там долго рассматривали претензию покойного автора к ныне живущим. И вот на бланке «Департамента культуры и искусства ХМАО» был получен ответ, который мог ошеломить любого. Приведем лишь одно указание сверху: *«На страницу 58-ю оригинал-макета вернуть строки автора из книги первого издания (стр. 20–21). От слов «25 июня 1825 года была вскрыта могила дочери Меншикова Марии...», далее по тексту до слов — «...и в этой могиле скорбный прах ее не найдет успокоения?», рассказывающих о захоронении Марии, попавшем в ледниковую линзу, которое описал в свое время И. Завалишин. Источником информации для автора послужила перепечатка из кни-*

ги, находящаяся в Березовском краеведческом музее. Перепечатка сделана еще бывшим директором музея Н.Е. Филиппович в Ленинграде и хранится в фонде Березовского музея. Ксерокопия ее предоставляется издателю. Версию, описанную Бантыш-Каменским и вставленную в текст автора, напечатать как дополнительную информацию в конце страниц в качестве сноски, под звездочкой».

Здесь было все издевательством. Начиная от звездочки и кончая перепечаткой из книги. Посланная нами ксерокопия оригинала для начальника была ничто. Гораздо авторитетнее (скорее, роднее) — перепечатка, сделанная директором музея. И при этом вместо обещанной ксерокопии перепечатки прислали ксерокопию из первого издания «Березово» В. Фарносовой, где И. Завалишин был извращен до неузнаваемости.

Но вершиной письма было другое: *«Слова: Губернатор, Председатель Правительства, по отношению к А.В. Филипенко — печатать с большой буквы, также слово Губернатор — по отношению к С.С. Собянину».*

Скорее всего, дело даже не в квалификации наших корректоров. Заказчик просто глумился: «Я плачу деньги».

Хотя есть и другое мнение: такое письмо на фирменном бланке — показатель несусвет-

ной глупости провинциально-го начальника.

Вот такого начальника только и не доставало «Лукичу». Но письмо было барометром перемен в обществе. Оттепель закончилась. И главное — успеть высушить весла...

* * *

«Последний Лукич» как «Последний герой».

«Лукич» выстоял. Он не сдавался в течение шести лет. Но неожиданно исчез свет. Его не видно даже в конце тоннеля. Но ощущение той самой комнаты-клетки, на которую приходят позирить, осталось.

Просто в клетке больше никого не осталось. Она пуста... И получать приз больше некому...

Тобольские священники на ратном поле

В половине шестого утра 11 декабря 1790 г. русские войска под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова двинулись на штурм хорошо укрепленной турецкой крепости Измаил. Полоцкий пехотный полк попал под сильный неприятельский огонь. Был убит его командир полковник Яцунский, ранены многие офицеры. И тогда руководство принял на себя полковой священник Трофим Егорович Куцинский¹.

Подвиг священника высоко был оценен современниками и историками. А.В. Суворов в рапорте Г.А. Потемкину сообщил о нем так: «Полоцкого пехотного полка священник Трофим Куцинский во время штурма Измаильского, ободряя солдат

к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жестоком сражении. Крест Господен, который он яко знамение победы для воинов носил в руках, пробит был двумя пулями... Уважая таковую его неустрашимость и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею»².

«Подвиг отца Трофима, — писал историк в конце XX в., — первое дошедшее до нас в документах и воспоминаниях свидетельство беспримерного мужества, твердости духа священнослужителей»³.

Во время Отечественной войны 1812 года прославились священники Симон Федорович Наумов, Иоанн (Иван) Колтуновский, МIRON Орлеанский

¹ Смирнов А. С крестом в руке впереди полка... // Наука и жизнь. 1991. № 9. С. 30. Костин Б.А. Крепости неодолимые. М., 1991. С. 81–82. Также см.: Симановский П.Н. Измаильский герой: О священнике Полоцкого пехотного полка Трофиме Куцинском // Истор. вестн. Т. 89. 1902. № 9. С. 859–869; Рункевич С.Г. Протоиерей Трофим Егорович Куцинский (участник штурма Измаила в 1790 г.) // Истор. вестн. Т. 59. 1894. № 7. С. 134–152; Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890. С. 139–149.

² Штурм турецкой крепости Измаил в 1790 г.: Неопубликованный рапорт Суворова от 21 декабря 1790 г. // Воен.-истор. журн. № 4. С. 126–132. — «За свой подвиг он (Т.Е. Куцинский) был награжден осыпанным бриллиантами наперсным крестом на Георгиевской ленте, 500 рублями единовременно и 300-рублевой ежегодной пожизненной пенсией». Смирнов А. Указ. соч. С. 30.

³ Костин Б.А. Указ. соч. С. 83.

(его имя увековечено на бородинском памятнике 2-й гренадерской дивизии), Василий Васильковский (первый Георгиевский кавалер среди духовенства в Отечественной войне 1912 года, награжден Георгиевским крестом 4-й степени), Ефимий Иванов, Василий Скляревский, Фирс Никифоровский⁴.

Возникает вполне естественный вопрос об участии в боевых действиях сибирских священнослужителей. Обращение к документам Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области позволило выявить несколько имен.

Первым в этом ряду назovem священника тобольской церкви Семи отроков Василия Иосифовича (Осиповича) Кузнецова.

Сын дьякона, родился согласно клировым книгам в 1777 году. Обучался в Тобольской семинарии, по окончании которой «1799 года марта 6-го числа произведен во диакона пресвященным архиепископом Варлаамом в Кафедральный собор». Дальнейшая его карьера складывалась вполне удачно. 15 сентября 1803 года архиепископом Антонием был определен «во священника в тот же собор», а 7 декабря 1806 года —

присутствующим духовной консистории. Переломным моментом в биографии тобольского священника стало 1 ноября 1810 года. «А с оного, — сказано в клировой книге, — указом Святейшего синода переведен в Оренбургский уланский полк, в котором продолжал службу по 1-е апреля 1817 года».

Полк участвовал в Отечественной войне и заграничных походах, отличился в смоленской битве и изгнании наполеоновских войск из России.

«Во время полковой своей службы в походах против неприятеля [В.И. Кузнецов], — узнаем из клировой ведомости, — был в российских пределах при сражениях, бывших против французских войск 1812-го года августа 5-го и 6-го числ при городе Смоленске; 24, 26 [августа] при селе Бородине; 28-го и 29-го [августа], сентября 15, 16, 18, 20 и 21 — при разных селениях в арьергарде; октября 6-го числа при селении Тарутине; 13, 14 и 15 [октября] при городе Малом Ярославце и в преследовании неприятеля за границу...»⁵.

Далее боевой путь тобольского священника пролегал во Францию через Польшу, Пруссию, Богемию, Австрию. На-

⁴ Мезенцев Е.В. Вера и мужество: Из истории российского военного духовенства // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1998. Вып. 13–14. С. 91. Смирнов А. Указ. соч. С. 30–32.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 29. Л. 71 об.; Д. 56. Л. 65 об.; Д. 85. Л. 30 об.; Д. 117. Л. 34 об.; Д. 176. Л. 31 об.; Д. 187. Л. 19 об.; Д. 154. Оп. 8. Д. 288. Л. 535 об.

ходил в действующей армии при осаде и взятии Дрездена и Гамбурга. 24 ноября 1814 года «был прикомандирован к гамбургскому и альктонскому госпиталю по 10-е июня [1815 года]. А с оного был во Франции и направлял духовные требы при нансинском российском госпитале...»⁶.

14 сентября 1815 года В.И. Кузнецов был уволен из армии и спустя два года «с 1817 года июня 16-го числа определен в Градо-Тобольской кладбищенской Семи отроков церкви». Здесь он служил, согласно исповедной ведомости, до 1855 года: сначала священником, а с 31 января 1843 г. в сане протоиерея. Был депутатом в губернском суде (с 30 июня 1837 г.)⁷. Свои обязанности исполнял с усердием и расторопностью. В формулярном списке он характеризовался таким образом: «Во всем исправен, поведения честного... Под судом и в штрафах не бывал и под следствием не состоит».

За свою службу В.И. Кузнецов неоднократно поощрялся:

5 апреля 1815 г. — скуфьею (круглой бархатной шапочкой);

3 марта 1817 г. — серебряной медалью на голубой ленте;

19 февраля 1818 г. — бронзовым крестом на Владимирской ленте и 24 августа того же года — камилавкой (высокий цилиндрический, расширяющийся вверх головной убор фиолетового цвета);

3 августа 1824 г. — набедренником (четырёхугольный плат, несколько продолговатый, с изображением креста, носился на бедре с правой стороны);

31 января 1828 г. — наперсным крестом;

25 декабря 1844 г. — орденом св. Анны 3-й степени⁸.

Последний раз тобольский участник первой Отечественной войны упоминается в документах под 1864 годом. В исповедной ведомости следующего года находим такую запись: «Дочь умершего заштатного протоиерея Василия Кузнецова девица Анна Васильева, 47 лет. Таким образом, надо полагать, что В.И. Кузнецов умер в 1864 году или в самом начале 1865 года⁹.

В годы русско-японской войны на полях сражений отличились тобольские священнослужители Михаил Иванович Русаков, Василий Стефанович Кожухин, Александр Никола-

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 29. Л. 71 об.—72 об.; Д. 56. Л. 65—66 об.; Д. 117. Л. 34 об.; Д. 155. Л. 33—34 об.; Д. 176. Л. 31—32 об.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 117. Л. 34 об.; Д. 147. Л. 32—33 об.; Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 609, 622.

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 29. Л. 117 об.; Д. 176. Л. 31—32 об.; Д. 155. Л. 34 об.

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 716 об., 730.

евич Надежницкий, Георгий Михайлович Тихомиров.

Александр Николаевич Надежницкий, сын священника, обучался в Тобольском духовном училище, по окончании которого был определен псаломщиком в с. Долгоярское. Потом некоторое время служил в тюменской Воскресенской церкви, тобольских храмах и, наконец, вновь в 1907 году назначен псаломщиком в с. Долгоярское. В клировой книге о нем есть такая запись: «Был добровольцем в действующей армии против японцев с 24 февраля 1904 года по 17-е июня 1905 года»¹⁰.

О псаломщике Василии Стефановиче Кожухине удалось выяснить, что он был крестьянским сыном и «окончил курс учения в Градо-Тобольской церковно-приходской школе при архиерейском доме». С 1895 года он исправлял должность псаломщика в с. Бронниковском, а в 1899 году был принят на военную службу. Участвовал в боях с японцами под Ляоном, Мукденом, на реке Шахе и даже «находился по желанию в пешей охотничьей команде». Был удостоен правительственных наград. Согласно клировой книге В.С. Кожухин имел «за поход против неприятеля в 1904 и 1905 годах светло-бронзовую медаль» и «за усердие серебряную ме-

даль, полученную в действующей армии в 1905 году»¹¹.

Серебряной медали в память русско-турецкой войны удостоился псаломщик Георгиевской церкви (с. Красногорское) Георгий (Егор) Михайлович Тихомиров. Он участвовал в обороне Порт-Артура «на Высокой горе 14 ноября 1904 года, где и был ранен»¹².

Михаил Иванович Русаков сперва исполнял обязанности псаломщика в Благовещенской волости Ишимского уезда, потом священника Вознесенской церкви Курганского уезда. В 1904 году началась русско-японская война, и священник Тобольской епархии отправился на театр боевых действий. Приведу несколько записей из клировой книги:

«Согласно прошению причислен в ведение протопресвитера Военного и Морского духовенства и назначен священником в 42-й запасный военный госпиталь в г. Хайларе Маньчжурской провинции — 14 июля 1904 г.

Распоряжением Главного полевого священника действующей армии на Дальнем Востоке русско-японской войны переведен в 8-й подвижной госпиталь 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с откомандированием для исполнения пастырских обязаннос-

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 550. Л. 269.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Д. 548. Л. 284 об.—285.

¹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Д. 543. Л. 496.

тей в 18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк той же дивизии 28 октября 1904 г.

Распоряжением Главного полевого священника 1-й Маньчжурской армии переведен в 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк той же дивизии — 13 декабря 1905 г.

В походах и сражениях был в русско-японскую войну в 1904 и 1906 годах. Во время Мукденского боя содействовал спасению раненых от преследования неприятеля. При исполнении своих обязанностей был контужен в правую ногу и правое плечо...».

Пастырская служба и помощь раненым на полях сражений под огнем противника священника Тобольской епархии М.И. Русакова получила высо-

кую оценку, она была признана отличной, усердной, ревностной и полезной. Он удостоился светло-бронзовой медали и ордена св. Анны 3-й степени.

После войны М.И. Русаков был слушателем Петербургской духовной академии, затем священником Рождественской церкви в Ишимском уезде и Спасской церкви в Туринске¹³.

Нет сомнений, что дальнейшие поиски позволят продолжить списки отличившихся тобольских священнослужителей на театре боевых действий. Однако ясно главное, что в тяжкие годы отечества духовенство не только разделяло с народом тяготы военного времени, но и вдохновляло воинов на ратном поле.

Правда или вымысел?

В 1913 году в газете «Ермак» были опубликованы записки канцеляриста «Из жизни управской канцелярии»*. Они представляют собой воспоминания служащего о работе городской управы, о своих сослуживцах. Автор обещал рассказать о жизни канцелярии начиная с 1880 года (когда, по его словам, он поступил на службу) и во времена правления город-

ского головы Текутьева. Однако плавный и неторопливый ход времени рассказа был оборван уже в самом начале. Можно предполагать, что причиной этому послужило давление со стороны «власть имущих» на издателя «Ермака»**.

Сам рассказ, изобилующий каким-то количеством знакомых фамилий, ставит перед читателем множество вопросов.

¹³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 551. Л. 48–49 об.

* Александров. Из жизни управской канцелярии // Лукич. 2002. №4. С. 141–161.

** Мандрика Ю.Л. Пять лет жизни города в газетных подшивках // Лукич. 2002. №4. С. 9–10.

Ю. Мандрика сформулировал один из них в своей статье: «Много других фамилий, при виде которых хочется бежать в архив: правда или вымысел?». Автор этих строк вынес этот вопрос в заголовок. Мне захотелось ответить на него. Сделать это можно было, лишь погрузившись в архивные документы. Ниже мною помещаются некоторые наблюдения к данным воспоминаниям, позволяющие частично ответить на заданный вопрос...

Уже начав работать с бумагами тех времен, выяснил, что фамилии повествования очень напоминают существовавшие. Изменял автор их очень незначительно. Так или иначе, для человека того времени эти разночтения не представляли препятствия к узнаванию персонажа. Сложно сказать, для чего это было сделано. Возможно, как юридическая уловка для избежания обвинения в клевете, возможности судебного иска.

Автор воспоминаний — Александров. Увы, предположения о настоящем имени автора строятся лишь на косвенных фактах. Как он сам пишет, «Всю бухгалтерию... взвалили на плечи писца Василия Лукича Людина... судьба поставила меня старшим товарищем Василия Лукича... я злоупотреблял его трудоспособностью, поручая ему всю серьезную работу». Учитывая некоторую смелость самих воспоминаний, можно предпо-

лагать, что их автором был Афромеев Алексей Максимович. Редактор «Ермака» в начале 1900-х годов, служивший бухгалтером в городской управе, по возрасту (г.р. 1868) приблизительно соответствует автору воспоминаний.

Соловьёв Фёдор Андреевич, секретарь городской управы, упоминаемый в воспоминаниях, в действительности был Соловьёвым Петром Андреевичем. Как городской секретарь он упоминается в документах 1885 года, из чего можно заключить, что он, как указывается автором, действительно неоднократно удачно переизбирался на свою должность. Однако в конце правления городского головы Матягина (1885—1888) секретарем был уже А.А. Мальцев.

Кстати, Анатолий Алексеевич Мальцев, сделавший головокружительную карьеру, став городским секретарем, а затем, в 1889 году, городским головой, встречается в документах как писарь городской управы ещё в 1864 году. Однако из персонажей воспоминаний нет кого-либо похожего на него. Или есть?

Писец Кокшаров Василий Анкудинович из записок канцеляриста соотносится для читателя с писцом Кокшаровым Василием Андреевичем. Описанный автором его «необычайный, отнюдь не писарский живот» сыграл с ним злую шутку. В 1912 году он, уже будучи в отставке, направил в управу

прошение об оплате лечения выявленного у него туберкулёза брыжеечных лимфоузлов.

Писец *Латунов Иван Александрович* из повестюшечки Александра Сазвучен Платуну Ивану Александровичу. Видимо, он действительно «пробивал себе дорогу лбом и горбом» и не шагал по чиновной лестнице. В документах 1906, 1909, 1911 годов он упоминается писцом 2-го стола канцелярии.

Проскураков Константин Фёдорович, упоминаемый как посетитель канцелярии, в действительности содержал переправу и поплавный мост через Туру в 1870–80-х гг.

Решетников Иван Егорович 1-й, «добродушный старичок, служащий казначеем управы», упоминается в воспоминаниях вскользь, а жаль. Ибо был такой золотоискатель, купец 1-й гильдии, один из актёров первого тюменского театра, директор тюрьмы в 1850-е, городской голова — в 1860-е годы. Весьма разносторонняя, колоритная и непоседливая личность. После службы в управе в 1880-х годах он также пробует себя в качестве агента страховых обществ. Что общего между книжным героем и истинным человеком, может, нам когда-нибудь и удастся ответить.

Писца *Людина Василия Лукича* из «Ермака» хочется мне, как читателю, соотнести с работавшим в те времена Юди-

ным Василием Лукичом. Он прослужил в управе с 1878 по 1916 год. Автор воспоминаний пишет: «...по своей работе давно заслуживал быть бухгалтером». Забавно читать сии строки, особенно когда знаешь, что Василий Лукич действительно работал бухгалтером городской управы во время издания воспоминаний.

Кузнецов М.Б., новый (с 1881 года) казначей, по воспоминаниям, наводящий жёсткие порядки в канцелярии. В архивных документах удалось обнаружить Кузнецова Михаила Борисовича, гласного городской Думы, члена городской управы, владельца кожевенного завода, который действительно мог показать себя деятельным хозяином.

Секретаря К., который «служил при Текутьеве 5 лет, служил и при Мальцеве», хочется соотнести в реальности с Кокшаровым А.В. История с железной дорогой и увольнением секретаря Текутьевым действительно имела место. Во всяком случае, о ней упоминает не только Афромеев в своих статьях. Известно, что Кокшаров А.В. являлся также членом мещанской управы в 1906–1907 годах. А в речи Д.А. Миловидова на чествовании Текутьева в октябре 1909 года назван уже «покойным».

Трусов Петр Иванович — купец, владелец кожевенного завода, упоминаемый в воспо-

минаниях как «заместитель городского головы», действительно являлся им с 1881 года. В воспоминаниях он описан как «отчаянный ловелас... всё время которого заполняли женщины». Ради справедливости надо отметить, что у него всё же хватило времени, чтобы быть одним из организаторов знаменитой выставки 1871 года, и денег, чтобы содержать городскую богадельню. А вот вино-

курный завод на Мысу он лишь арендовал у его владельца Поклевского-Козелла.

Вот, собственно, пока и всё. За кадром для автора этих строк остались такие интересные персонажи воспоминаний, как Селюков, Аповский, Стрельцов, Тимашев и т.д. Может, кто-то подскажет о прототипах этих персонажей воспоминаний? Думаю, что это будет интересно всем...*

«...Сделал много полезного»

В создании Соловецкого пароходства (основано в 1861 году) активное участие принимал священнослужитель Феодосий. Это был замечательный механик пароходов.

Родился Феодосий (мирское имя Федор Фадеевич Иванов) в семье мещанина Смоленской губернии в 1840 (или 1841) году. Учился в уездном училище, по окончании которого в 1858 году поступил в Соловецкий монастырь. Здесь он сначала «на послушании» работал в слесарной мастерской. В 1872 году постригся в монашество и был рукоположен в иеродиакона, в 1874 году — в иеромонаха. Однако не меньший интерес представ-

ляет его производственная деятельность.

В 1861 году соловецкие монахи за 13 тысяч рублей приобрели у архангельского купца Бранта 40-сильный винтовой пароход «Волга». Через несколько месяцев в монастырском доке «он успел совершенно преобразоваться из грузового в пассажирский» и вышел «как был новый, большой и красивый, получил другое название — «Вера». (Его размеры: длина 34 м 69 см, ширина 6 м 50 см, глубина 3 м 43 см). Затем было построено второе судно — «Надежда». «Оба парохода, «Вера» и «Надежда», — сказано в юбилейном очерке истории пароходства, — не отличались гран-

* Материалы, которыми приходилось оперировать при написании своей версии: Сибирский листок: 1890—1894. Тюмень, 2003; ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28, 84; Копылов В.Е. Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Т. 1—3. Тюмень, 2001—2002; Кубочкин С.Н. Тычковка, Сарай, Потаскуй... Тюмень, 2002; Вся Тюмень. Тюмень, 1910.

диозностью, но были приличны и удовлетворяли своему назначению десятки лет без существенных изменений»¹.

Феодосий сразу же был включен в состав корабельной команды. В 1865 году он очень удачно выдержал в Архангельском порту экзамен и получил звание механика (машиниста). С того времени Феодосий и исполнял должность машиниста на первых соловецких пароходах (с 1878 года командовал пароходом «Вера»).

С его именем связана постройка и третьего соловецкого парохода. Деревянный корпус «Надежды» после 12 навигаций пришел в ветхость, и Феодосий решил заменить его железным. Правда, доводить это «дело до успешного завершения» пришлось его преемнику Мелетию. Судно, получившее новое название «Соловецкий» (длина 50 м 29 см, ширина 6 м 70 см, глубина 3 м 4 см), было готово в 1881 году, уже после того, как Феодосий был перемещен в Троице-Сергиевский монастырь. Спустя несколько лет (в 1888 году) его переселили в Александро-Невскую лавру. Здесь он руководил устройством свечного завода и водопровода.

В начале июня 1893 года указом Синода Феодосий был назначен настоятелем Абалакского монастыря Тобольской

епархии, куда прибыл уже в конце месяца. По словам современника, он «сделал много полезного для Абалакского монастыря». Действительно, есть все основания утверждать, что со времени Феодосия начался новый этап в истории этой обители. «Засим самый Абалакский монастырь переименовывается из штатного в общежительный»². Сам же Феодосий был награжден наперсным крестом и палицею и возведен в сан игумена. При нем в монастыре были отремонтированы церкви, сооружены кирпичные сараи, приобретены усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Ему также удалось вернуть незаконно присвоенную окрестными татарами монастырскую землю и купить отстоявшую вблизи монастыря заимку.

«Всякий, кто бывал в святой обители, — писал современник, — видел его всюду, где необходим был хозяйский глаз, опытная руководящая рука: и около горна монастырской кузницы, и около плотничьего верстака и столярной, и на подмостках строящейся монастырской гостиницы. Не было, кажется, в обширной монастырской ограде такого уголка, в который не заглянул бы многократно в течение дня отец Феодосий, такого дела, в котором не принял бы он личного

¹ Пятидесятилетие Соловецкого пароходства. Архангельск. 1911. С. 8.

² Тобольские губернские ведомости. 1893. № 26. С. 400.

участия. Всегда при деле и в хлопотах видели его посещавшие монастырь, и таким во время частых своих посещений Абалака видел его всегда пишущий эти строки».

В 1893 году на съезде духовенства Тобольской епархии Феодосий был избран членом комитета по устройству в Тобольске епархиального свечного завода, а спустя четыре года назначен благочинным монастырей Тобольской епархии.

Однако, по словам современника, «труд без отдыха, работа без усталости пошатнули крепкое от природы здоровье, расшатали его могучие силы», и 30 ноября 1898 года в три часа ночи в возрасте 58 лет игумен Феодосий умер. Его похоронили в Абалаке против ал-

таря летней монастырской церкви³.

Спустя несколько лет, когда отмечалось 50-летие Соловецкого пароходства, вспомнили его создателей, в том числе и священноинока Феодосия.

«Весьма добрую оставили по себе память из первых шкиперов и машинистов четыре человека. Это иеромонах Александр Заборщиков, командовавший около 20 лет пароходом «Надежда», и монах Иван Падорин, плававший восемь лет на английских кораблях по всем морям и в последнее время управлявший соловецким пароходом «Вера», из машинистов — монах Вонифатий и монах, после игумен, Феодосий.

Все эти иноки уже скончались. Вечная им память!»⁴.

³ Тобольские губернские ведомости. 1898. № 24 (16 дек.). С. 632–636.

⁴ Пятидесятилетие Соловецкого пароходства. Архангельск. 1911. С. 8.

Эхо «Окрика...»¹

В 2001–2002 гг. вышла в свет книга В.Е. Копылова «Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера)» в трех томах. Издание, содержащее много интересной информации и иллюстрированное большим количеством фотографий, безусловно, полезно и необходимо для изучения истории науки и техники в нашем регионе.

Вот только ошибки и неточности омрачают впечатление от этих книг, а неувязки и несогласованность в изложении некоторых фактов, несоответствие фотографий подписям под ними ставят под сомнение достоверность изложенного.

Об этом уже шла речь в предыдущих номерах журнала². Сегодня журнал продолжает тему.

Том I.

С. 150. «Перечень его [Игнатова] постов, которые он занимал, как принято говорить в наше время — на общественных началах, настолько велик, что описанию не поддается. Напомним лишь некоторые из них: ...*гласный городской Думы* (1885 г.) и *ее член* (1889 г.)...».

Гласный городской Думы и член городской Думы — одно и то же.

С. 151. «Пароходство по рекам Западной Сибири Товарищества *«Курчатов и Игнатов»*.

Существовало пароходство «Курбатов и Игнатов».

С. 152. «В начале 1895 года на Ирбитской ярмарке было подписано крупнейшее соглашение об организации акцио-

нерного товарищества — пароходства и торговли по рекам Западной Сибири. ...Позже к «Товариществу» присоединились и другие сибирские предприниматели, в том числе — тобольский торговый дом «М. Плотников и сыновья» и тюменский *судовладелец Ф.С. Колмогоров*».

Тюменский предприниматель Филимон Степанович Колмогоров никак не мог присоединиться к товариществу по той простой причине, что к этому времени он уже несколько лет как умер.

С. 152. «В 1912 году И.И. Игнатов передает все производственные и предпринимательские заботы «Товариществу», *освобождается от обязанностей в городской Думе* и уезжа-

¹ Копылов В.Е. Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Книга первая. Тюмень, 2001.

² Лукич. 2003. Ч. 1. С. 222–224; Ч. 2. С. 220–222.

ет в родные края в Тулу к родственникам. В возрасте 82 лет в 1915 году он скончался и похоронен в этом городе».

В 1912 году Иван Иванович никак не мог освободиться от обязанностей в городской Думе, так как свои обязанности гласного Думы он закончил исполнять в 1893 году, а членство в подготовительной комиссии Думы по разработке вопроса об обложении пароходных контор сбором в пользу города прекратил в 1902 году.

Что же касается последних лет жизни известного предпринимателя, то ни к каким родственникам в Тулу он не уезжал, а умер в Тюмени 30 мая 1914 года, как писали тогда, «от разрыва сердца».

С. 155. «За полвека работы, с 1871 по 1915 гг., на заводе было выпущено...».

Жабынский завод уже в 1913 году числился закрытым (Справочник и адрес-календарь по г. Тюмени и Тюменскому уезду на 1913 год. Под ред. Калугина).

С. 166. «В 1888 году глава семьи Вардропперов и его сыновья основали в Тюмени новый завод по строительству судовых корпусов».

«...Предпринимательские успехи семьи Вардропперов были отмечены вскоре после основания верфи. Так, в 1871 году на Тюменской публичной выставке они показали...».

Похоже, у автора нет единого мнения относительно даты начала предпринимательской деятельности Вардропперов в Тюмени.

С. 167. «Словом, Вардропперы устраивались на Тавде всерьез и надолго. Росла их известность не только в Сибири и России, но и в Европе и за ее пределами. Так, в 1885 году Э.Р. Вардроппер принимал в Тюмени у себя дома знаменитого американского журналиста и путешественника Джорджа Кеннана, обследовавшего сибирские каторжные тюрьмы и написавшего книгу «Сибирь и ссылка».

Как ни приятно гордиться тюменцами, но все же у Вардропперов не было всемирной славы ни в 1885 году, ни позже.

С. 188. «...В 1910 году компания «Н. Тартаковский и Ко» выстроила солидное заводское здание из красного кирпича (ил. III) по так называемому «американскому» образцу...».

Дело в том, что это здание никогда не принадлежало ни Н. Тартаковскому, ни его компании, а было построено братьями Шадринными и до 1919 года принадлежало им. Сохранилась фотография, датированная 1910 годом, на которой изображено семейство Шадринных у своей мельницы.

С. 197. «...Завершая девятнадцатое столетие, *местные купцы, не скупясь, самую первую мощенную камнем мостовую проложили* через весь город между вокзалом (улица Голицынская, теперь — Первомайская) и пристанью (Пристанская)».

Купцы эту мостовую не прокладывали. Каменная мостовая от Голицынской улицы до пристаней была вымощена в 1893–94 гг. на средства полукопеечного сбора с пуда грузов, провезенных на отрезке железной дороги от вокзала до станции Тура и обратно.

С. 204. «...По итогам Всемирной выставки в Вене в 1873 году серебряную и бронзовую медаль получили Решетников Иван Егорович (*черная нефть*)...».

Скорее всего, это опечатка, кожевник Иван Егорович Решетников мог представить на выставку черную юфть (сорт кожи).

С. 217. «...Одно из самых красивых зданий города — *бывшая городская Дума. В разное время ее именовали еще городской управой* или городским обществом».

Городская Дума — это законодательный орган, а городская управа — ее исполнительный орган. Это не одно и то же, как и сейчас — городская Дума и администрация города.

Городские управы появились после выхода Городового Положения 1872 г.

С. 217. «...Над лестницей, колоннами и крышей раньше возвышалась высокая ажурная деревянная *четырёхугольная башня со смотровой площадкой и перилами. Назначение ее было не только в возможности осмотра обывателями заречных панорам.* Здесь вывешивался российский флаг, по флюгеру передавалась информация о направлении ветра, а о предстоящих морозах и потеплениях судили по надувным шарам синего или красного цвета».

Вообще-то, эта башня над зданием городской Думы называлась каланчой и совсем не была предназначена для «осмотра обывателями заречных панорам». Первоначально каланча задумывалась и была построена для раннего оповещения при пожарах. Предполагалось, что «одна только эта мера может остановить бываемые значительные ежегодные в г. Тюмени пожары».

С. 219. «Уже в восьмидесятих годах XIX столетия торговля и городские ярмарки стали тяготеть к Базарной (Торговой) площади (теперь — Центральная). Возможно, этому способствовала позиция руководства города: кому хочется в Думе иметь перед глазами в ярмарочные дни в самом центре города

скопище лошадей, сена, тюков, слышать шум, гам и ругань многолюдного сборища? *Да и торговцы вряд ли испытывали чувство комфорта и уверенности под окнами высокого начальства и под надзором полицейских чинов».*

Вообще-то, смещение центра торговли к Базарной площади имело свои объективные причины и объяснялось бурным развитием в первую очередь паромных грузовых перевозок и позже проведением железной дороги. Базарная площадь находилась на пути между вокзалом и паромными пристанями.

Высказанные автором чувства комфорта и неуверенности торговцев как-то не очень убедительны. Очень понятно и доходчиво объяснил ситуацию со смещением центра торговли в городе купец Н.М. Чукмалдин в своей статье «Тюмень», опубликованной в газете «Сибирский листок» в 1893 г.

С. 219. «Построенное в 1871–1879 годах по проекту петербургского архитектора Воротилова, здание стало жемчужиной города.

«Жемчужина города» была построена в 1880 году.

С. 240. «Несколько более продолжительной оказалась жизнь другой часовни. Она также размещалась на улице Царской-Республики почти в

центре современной Центральной площади. Судьба этой часовни необычна. *Она построена в 1912-м — начале 1914 года в память о 300-летию дома Романовых.*

Часовня, о которой идет речь, была построена в 1903 году и задумывалась как часовня в память убитого в 1881 году императора Александра II. Позже планировалось перестроить часовню в храм в честь Благоверного Великого Князя Александра Невского. Денег на храм так и не собрали, а Александровская часовня была снесена в 1957 году.

С. 240. «...Надзор за возведением часовни осуществлялся городским архитектором К.П. Чакиным, возглавившим в те годы *соответствующий отдел в Думе*».

Константин Павлович Чакин был городским архитектором, но никакого отдела в городской Думе не возглавлял. «Соответствующего отдела в Думе» просто не было.

С. 253. «С 1906 года он располагал деревянным одноэтажным флигелем по Текутьевскому переулку (ул. Перекопская)...»

Текутьевского переулку в Тюмени не было, был Трусовский переулок.

С. 256. «В конце двадцатых *исчез старый Благовещенский собор*»

Благовещенский собор с 1913 года по Указу Правительствующего Синода от 18 июля 1913 г. за № 9570 был переименован в приходскую Благовещенскую церковь. Снесен в 1932 году.

С. 258. «Достаточно упомянуть лишь один малоизвестный факт: с пристанской началось мощение тюменских магистралей».

Мощение тюменских улиц началось с Голицынской (Первомайской) улицы в 1893 году.

С. 264–266.

«Скончался К.Н. Высоцкий в Тюмени, похоронен на Текутьевском кладбище».

Константин Николаевич Высоцкий был похоронен на Затюменском кладбище, как и его внуки. Такой вывод можно сделать из стихотворения Чукмалдина:

«Здесь твоя могила,
бедный мой Высоцкий!
Ровно все и гладко,
нет креста, кургана,
Что у всех умерших
памятником служит.
Вот следы поляны,
вот следы обвала
Той земли холодной,
где ты похоронен.
Рядом две могилы
двух внучат твоих же,
Ласкою согретых
в надписи отцовской...».

*Первую книгу В.Е. Копылова
«Окрик памяти»
внимательно читал
С. Кубочкин*

Содержание журнала «Лукич» за 2003 г.

АРХИВНАЯ ПЫЛЬ

Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем III, 145

ВИРТУАЛКА

Швецова Е. Тайна шкатулки III, 31

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Мандрика Ю. Н.М. Чукмалдин в
«Ирбитском ярмарочном листке» III, 35

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

Мандрика Ю. Пять лет жизни города
в газетных подшивках II, 3

ЕВРЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ

Белов С. Сюжет первый: Альтшуллеры... III, 213

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

Мандрика Ю. Зигзаги на пути к биографии журналиста II, 157

ИЗ АРХИВА

Материалы к биографии Е.В. Кузнецова II, 161

Материалы к биографии П.А. Городцова I, 25

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

Белов С. Тюменское общество научного изучения
местного края в 1920-е годы I, 35; II, 13

Переплеткин Ю. Кружева памяти I, 130

Рогачева Н. Запах — душа Тюмени I, 119

Темплинг В. «Военная тайна» краеведения I, 19

Чупин В. Тюмень, которой не будет. А могла бы I, 9

Швецова Е. «Гражданин благородной души»:

О художнике М.С. Знаменском I, 74

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Коньков Н. Иван Николаевич Юшков II, 54; III, 75

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

Курмачев В. Взгляд на купола Тюмени из окна директора
Тюменского госархива I, 56

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

- Книги, вышедшие в издательстве
Юрия Мандрики в 2003 г. III, 71
Содержание журнала «Лукич» за 2003 г. III, 252

КРАТКОСТЬ – СЕСТРА ТАЛАНТА

- Мандрика Ю.* Пять лет жизни города
в газетных подшивках (*Окончание*) III, 3

КУРИЛКА «ЛУКИЧА»

- Мандрика Ю.* Что раньше? Курица или яйцо? II, 180

КУСОК СТАРОЙ ГАЗЕТЫ

- Н. Чукмалдин.* Письма из Москвы III, 49

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ

- Кубочкин С.* От купели до погоста:
Обзор метрических книг тюменских церквей III, 15

НАШ ВЕРНИСАЖ

- Автобиография Галкина Алексея Григорьевича II, 96
Карандей Ф. Миф о художнике Галкине II, 96
Каталог работ А.Галкина: Из собрания Тюменского
краеведческого музея II, 106
Мандрика Ю. Кухтерин, который сделал себя сам I, 192

ОБЗЫВАЛКА

- Мандрика Ю.* Последний «Лукич»
как «Последний герой» III, 229

ПОРТРЕТ ЗЛОДЕЯ

- Мандрика Ю.* Из жизни коллекционеров:
Метрополия против колонии III, 207

РЕСТИТУЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

- Знаменский М.* Письма I, 3, 191
Кузнецов Е. Кто были первые строители Тюмени:
Генеалогическая заметка II, 176

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- А. Аржиловский.* Записки незаметного человека III, 102
Байкалов. Новый курс самодура II, 131
Байкалов. Поездка самодура в столицу:
Быль из сибирской жизни I, 84; II, 108
Байкалов. Рождественский сон самодура II, 121
Буцинский П. Предприимчивость русского человека I, 171
Словцов И.Я. Кто был Кучум? II, 136

TRIVIA

- Суэта вокруг «Лукича»: Родственники П. Буцинского
знают теперь о нем больше II, 222
Эхо «Окрика...» I, 222; II, 220; III, 247
Я и великие: Из серии «Почти анекдот»:
Козлова против Чупина II, 224
Злые духи, колобродящие в РГАЛИ III, 255

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

- Кубочкин. С.* «Полезнейшее для города учреждение»:
Из истории Тюменской женской гимназии I, 59; II, 141

СООБЩЕНИЯ

- Белов С., Соловьева Ю.* Волостной писарь Киреев:
судьба и мировоззрение (По материалам Книги сделок и
договоров Червишевского волостного правления) I, 193
Волкова М. О Вацлаве Хилькевиче I, 185
Дистанова М. Переводил ли Знаменский О. Финша
и А. Брэма? I, 215
Захаров А. Лицом к океану II, 204
Зотин Ю. Правда или вымысел? III, 241
Зотин Ю. Тайбуга, чужой в стране чужих: Версия II, 191
Коньков Н. Лучшие хозяева — хлеборобы II, 208
Коньков Н. «...Сделал много полезного» III, 244
Коньков Н. Тобольские священники на ратном поле III, 237
Корнилаева И. Историк земли Сибирской:
К 150-летию П.Н. Буцинского I, 164
Панишев Е. Сибирские присловья II, 202
Темплинг В. Н.М. Чукмалдин
и тюменское старообрядчество II, 184
Чернышов А. Кто же был «на часах»
в ночь убийства Распутина во дворе Юсуповского дворца? II, 214
Яблоков М. Как издавалась книга о классической гитаре I, 211

* * *

За время издания журнала пришлось побывать во многих архивах страны. И практически не помню случая, чтобы где-то косо смотрели на деятельность исследователя, прибывшего в командировку на один-два дня. Даже при очень сложной технологии выдачи документов (например, через день после заказа) автору этих строк всегда удавалось получить то, что необходимо.

Всегда привечает директор Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга Валерий Матвеевич Шишкин. Его звонок в читальный зал — решение всех проблем. Даже в РГИА как-то удалось получить документы в день приезда: меня проводили в хранилище и позволили полистать дела с документами С. Патканова. Конечно, с разрешения зам. директора.

Но есть архив, в котором масса дел и материалов, касающихся истории края, но бывать там не хочется. Это Российский государственный архив литературы и искусств. При его посещении создается впечатление, что души усопших витают над рукописями. Они охраняют свои творения от чужих глаз, от зачастую недобрых рук исследователей. И, наверное, так часто души усопших мотаются туда-сюда по хранилищам, что путают иногда мысли и поступки сотрудников ар-

хива, которые сами не прочь поразвлечься с исследователями...

В год, когда издательство готовило трехтомное издание П. Городцова, решил откопировать в РГАЛИ тетрадки с записями фольклориста. Возглавлявшая в то время архив Волкова попросила заплатить по 200 руб. за страницу ксерокопии. Общая сумма вытягивала больше чем на 120 тыс. рублей. Предполагала хранильница, что бюджет издания — резиновый.

Договориться не удавалось никак. Отстоять свое право на декларируемые хотя бы 20 руб. за страничку вызвало у одной сотрудницы читального зала сильные переживания: «Не нравиться, пошел вон отсюда». В стиле общения чувствовалась московская школа.

Я взбунтовался, снял ремень и пригрозил выпороть как сидорову козу это архивное дитё.

Не найдя общего языка ни с одним сотрудником по поводу цены, отправился в Глав-архив с «телегой». Повод представить ргалишников был. Не удавалось откопировать не только рукописи П. Городцова, вывезенные в свое время из Тюмени Е. Ончуковым, но и портрет сказочника, первую фотографию, которую удалось найти (с подачи В. Темплинга) в этом хранилище.

Чтобы издание вышло с фотографией П. Городцова,

пришлось вынести ее за определенную плату из стен читального зала, отцифровать и занести обратно, положить в дело.

Эта история с ахами и охами была изложена начальству. При этом неоднократно письменно было повторено, что если бы легально разрешали, то...

В тот раз мне удалось откопировать все сказки, которые были необходимы для второго тома издания. При этом в Глав-архиве сказали, что 20 руб. за страничку — неимоверная цена.

С тех пор прошло несколько лет.

И вот нынче примерно такая же история с перепиской И. Абрамова с В. Бонч-Бруевичем. Уже новый заместитель директора РГАЛИ, слышав о количестве страниц, которые исследователь хочет откопировать, решила набить цену. Она не стала подписывать заявку на копирование, а, не говоря ни слова, развернулась на 180 градусов и ушла к себе в кабинет. Попасть к ней никак не удавалось.

Пришлось снова писать «телегу» в ту же козловскую контору. И опять воспользо-

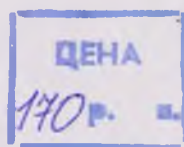
ваться не лучшим методом: «Зам. директора не ответила мне ни да, ни нет, показав спину. Не исключаю, что она (спина) и все, что ниже, — хороши, но я предпочел бы работу над ксерокопиями. Они в моем возрасте гораздо интересней для меня».

Прием запрещенный. И хамский. Признаю. Но что-то по-другому никак не получается в этом РГАЛИ. Уж сильно они строгие хранители имеющихся там документов.

Уже после жалобы в глав-архив директор Т.Н. Горяева страстно убеждала автора этих строк, что ей доверено государством... что она представляет интересы государства... Передо мной был человек, готовый грудью лечь на дот. Последним оказаться не хотелось. И, скривив презрительную мину, удалился в читальный зал.

После команды сверху откопировать удалось все (читатель может теперь иметь представление о размерах вывезенных культурных ценностей из провинции), что было в заявке на ксерокс.

170p

**В редакции
имеются
номера журнала
за предыдущие
годы.
Обращаться:
ул. Республики, 10.**

Тел. 25-12-84